ПИТЕР НЕВИЛЛ

ИРЛАНДИЯ

ИСТОРИЯ СТРАНЫ

Ирландия. История страны
Питер Невилл

Аннотация
Питер Невилл. Ирландия. История страны
Peter Neville. A TRAVELLER'S HISTORY OF IRELAND.
© Peter Neville 1992,2002
ПРЕДИСЛОВИЕ
ГЛАВА 1. От Тары до святого Патрика
  География
  Политический раздел
  Доисторическая Ирландия
  Ирландия и Рим
  Карта Птолемея
  Ирландские колонии
  Приход христианства
    СВЯТОЙ ПАТРИК
    ПЕЛАГИАНСКАЯ ЕРЕСЬ
    БРИТАНСКОЕ ВЛИЯНИЕ
ГЛАВА 2. Раннехристианская Ирландия, 500-795 годы
  Святой Колумба, 521—597 годы
  Отделение от Рима
    АЙОНА
    АРМА

Монашеская жизнь и культура
ЗАКОН
Общество раннехристианской Ирландии
Клиентура
СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ
БРАК
Социальная мобильность
МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ И МУЗЫКА
Короли и конфликты
МИФ О ВЕРХОВНЫХ КОРОЛЯХ
Ольстер
КОНГАЛ КРИВОЙ
О'НЕЙЛЫ
Лейнстер
Манстер
ГЛАВА 3. Нашествие викингов, 795-950 годы
Первые нападения
Ирландия в опасности
Ирландский ответ
Викинги нападают снова
Наследие викингов
ЦЕРКОВЬ
ЭКОНОМИКА
ЯЗЫК
ГЛАВА 4. От Бриана Бору к Стронгбоу, 951-1169 годы

Восхождение Бору
Бору и его власть над Ирландией
СРАЖЕНИЕ ПРИ КЛОНТАРФЕ
БОРУ И ЦЕРКОВЬ
ДОСТИЖЕНИЯ БОРУ
Возрождение Аейнстера
О'БРАЙЕНЫ
Ирландия в 1100 году
Деревянная набережная
Реформа ирландской церкви
СИНОД НА БРЕССАЙЛЕ
МОНАСТЫРИ
СИНОД МЕЛЛИФОНТА
Результаты реформ XII века
ГЛАВА 5. Норманнское завоевание, 1169-1300 годы
Отношение англо-норманнов к Ирландии
Нашествие Стронгбоу
ЗАВОЕВАНИЕ
Генрих II — король Ирландии
Графство Ольстер
Король Джон в Ирландии
Реакция ирландцев
ФИЦДЖЕРАЛЬДЫ (ДЖЕРАЛЬДИНЫ)
КЕРНЫ
СКОТТЫ

Политическое устройство Ирландии после завоевания
ЦЕРКОВЬ
ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ГЛАВА 6. Англо-шотландская война и свод законов Килкенни, 1300-1366 годы
Роль короны
АБСЕНТЕИЗМ
Шотландская интервенция
ЭДУАРД БРЮС В ИРЛАНДИИ
РОДЖЕР МОРТИМЕР
БАРОНСКИЕ МЕЖДОУСОБИЦЫ
ЗНАЧЕНИЕ ВТОРЖЕНИЯ БРЮСА
Англо-ирландские отношения
ИРЛАНДСКИЙ ПРОТЕСТ
Церковь
Статуты Килкенни
Чума
ГЛАВА 7. Гэльское возрождение и война Алой и Белой роз, 1366-1513 годы
КУЛЬТУРА
Политическое разделение
Вторжение Ричарда II
Ирландия и война Алой и Белой роз
Власть графов
ДВА ПРЕТЕНДЕНТА

Закон Пойнинга
ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ГЛАВА 8. Завоевание Тюдоров, 1513-1607 годы
Падение графов Килдейра
Реформы Генриха VIII
Ирландия при Елизавете I
ШЕЙН О'НЕЙЛ
Мятеж Джеральдинов
Восстание Хью О'Нейла
Взгляд завоевателя
ЖЕНЩИНЫ
ЭКОНОМИКА
Пастушеское фермерство
Англо-ирландские районы
Население
ТОРГОВЛЯ
ГЛАВА 9. От Ратмуллана до Бойна, 1607-1690 годы
Колонизация Ольстера
КОЛОНИЗАЦИЯ ВОСТОЧНОГО ОЛЬСТЕРА
ПРЕСВИТЕРИАНСТВО
Восстание 1641 года
Конфедерация
Вторжение Кромвеля
ДРОГЕДА
Ирландия Кромвеля
АНТИКАТОЛИЦИЗМ

ИРЛАНДИЯ ПРИ КАРЛЕ II
Яков II и возрождение надежд католиков
ОСАДА ДЕРРИ
БОЙН
Культура
Ирландия в 1700 году
ГЛАВА 10. Протестантское верховенство, 1690-1800 годы
Штрафные законы
Протестантская нация
ПОЛУПЕНСОВИК ВУДА
Парламент Граттана
«Объединенные ирландцы»
ФРАНЦУЗСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ
РЕПРЕССИИ
Восстание в Уэксфорде
ВИНЕГАР ХИЛЛ
Ольстер
СНОВА ФРАНЦУЗЫ
Значение 1798 года
Культура
ГЛАВА 11. Рост католического национализма и голод, 1800-1868 годы
Акт об унии
ВОССТАНИЕ ЭММЕТА
«Освободитель»

«ВНУТРЕННИЙ ВРАГ»?
ЦЕРКОВЬ
ОБРАЗОВАНИЕ
ОЛЬСТЕР
Голод
РЕАКЦИЯ ИРЛАНДЦЕВ
РЕАКЦИЯ БРИТАНЦЕВ
ЦЕНА
ВОПРОС ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
СЛЕД В ПАМЯТИ
«Молодая Ирландия»
Экономика
ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ГЛАВА 12. Парнелл и Лига гомруля, 1868-1891 годы
Расформирование ирландской церкви
Земельный акт 1870 года
ДРУГОЙ ОСТРОВ ДЖОНА БУЛЯ
Возникновение гомруля, 1872-1876 годы
Прошлое Парнелла
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАРНЕЛЛИЗМА
ГРАМОТНОСТЬ И ПРЕССА
Влияние католической церкви
ФЕНИАНИЗМ
ЗЕМЕЛЬНАЯ ВОЙНА, 1879-1882 ГОДЫ
Земельный акт 1881 года

Убийства в Феникс-парке
Борьба за гомруль, 1885—1886 годы
Поражение Парнелла
ГЛАВА 13. Оранжевая революция и республиканское самопожертвование, 1891-1916 годы
Гэльское возрождение
«Шинн Фейн»
ТРЕД-ЮНИОНИЗМ
Оранжевая революция
Кампания против гомруля
Пасхальное восстание
РЕАКЦИЯ БРИТАНЦЕВ
РЕАКЦИЯ ИРЛАНДЦЕВ
Наследие Пасхи, 1916 год
ГЛАВА 14. Независимость и гражданская война, 1916-1923 годы
Де Валера
ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ
АМЕРИКАНСКИЙ ФИЛИАЛ «ШИННФЕЙН»
Выборы 1918 года
Ольстер
Война за независимость
«ЧЕРНО-КОРИЧНЕВЫЕ»
«ОГЗИ»
ТЕРРОР И АНТИТЕРРОР
Акт о правительстве Ирландии

Англо-ирландский договор
Ирландская гражданская война
НАСЛЕДИЕ ВОЙНЫ
Культура
ГЛАВА15. Протестантское государство для протестантского народа. 1920-1973 годы
Конституционные основы
РЕАКЦИЯ КАТОЛИКОВ
АКТ ОБ ОСОБЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ
ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА
Комиссия по определению границ избирательных округов
Депрессия
Война
Конституционная солидарность
Экономическое развитие
Война за передел границ
Неприятности
Временная ИРА
ГЛАВА 16. От свободного государства к республике, 1922-1949 годы
Кевин О'Хигинс
УБИЙСТВО О'ХИГГИНСА
Возвращение к конституционализму
ЦЕРКОВЬ
ОБРАЗОВАНИЕ

«Фианна Файл» у власти
Де Валера и ИРА
«ГОЛУБЫЕ РУБАШКИ»
Конституция 1937 года
ОБРАЗОВАНИЕ
ЭКОНОМИКА
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОГОВОРНЫХ ПОРТОВ
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
Ирландия во время Второй мировой войны
НАЦИСТЫ И ИРЛАНДИЯ
Окончательный раскол
ГЛАВА 17. К Европе, 1949-1973 годы
Кризис здравоохранения
Политические игры 1950-х годов
Экономика
Новая волна
Неприятности на севере
«ВРЕМЕННЫЕ» В БРИТАНИИ
Эксперимент в Саннингдейле
Ирландия и Европа
Культура
ГЛАВА 18. Современная Ирландия
Политика
Социальная политика
И вновь «неприятности» на севере
Англо-ирландское соглашение

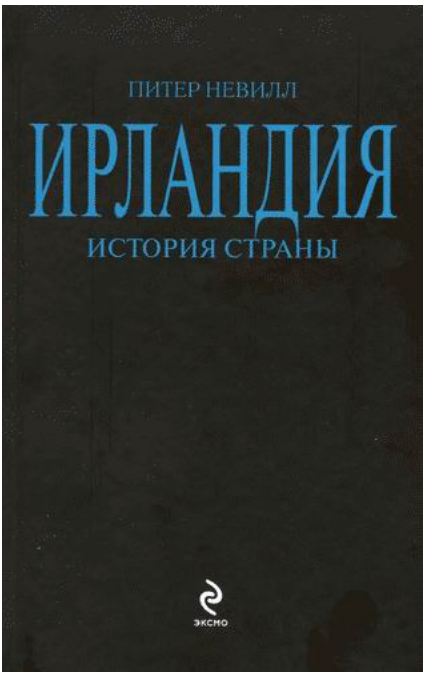
ИНОСТРАННОЕ ВЛИЯНИЕ
РЕСПУБЛИКАНСКИЕ РАЗБОРКИ
Культура
Современная Ирландия
Иллюзия или мир?
СОГЛАШЕНИЕ В СТРАСТНУЮ ПЯТНИЦУ
Республика
Правители и монархи
Знаменитые ирландские короли
Английские монархи
Премьер-министры Свободного государства и республики
Хронология главных событий
Дополнительная литература
Историко-географический справочник
РЕСПУБЛИКА
СЕВЕРНАЯ ИРЛАНДИЯ

Аннотация

Размеры Зеленого острова, олицетворения «кельтского духа», невелики, зато история этого острова чрезвычайно богата. Холмы Волшебного народа, Финн и его дружина, священные камни Тары и Эмайн Махи, викинги в Дублине, английское вторжение, «грязные Пэдди», борьба за гомруль, картофельный голод, эмиграция в Америку, боевики ИРА и растянувшееся на многие годы противостояние в Ольстере — все это Ирландия, поэтический Эрин, или Эриу, родина доблестного Кухулина и барда Оссиана, Джонатана Свифта и Томаса Мура, Чарльза С. Парнелла, Уильяма Йейтса и Джеймса Джойса. И многовековая ирландская история оживает на страницах этой книги.

Питер Невилл
Ирландия. История страны

Peter Neville
A TRAVELLER'S HISTORY OF IRELAND
© Peter Neville 1992,2002



ЭКСМО
Москва
2009

Санкт-Петербург
МИДГАРД

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как пишет Питер Невилл в своей подробной и увлекательной книге, древнее название Ирландии — Эриу. В переводе это значит «самая прекрасная женщина в мире». Как и других красивых женщин, Ирландию страстно желали, за нее боролись. Ею восхищались, презирали, подражали ей, добивались и яростно на нее нападали. Метафору усиливает не только загадочная и привлекательная сущность страны, но и то, что она является одной из самых плодовитых в мире: сыны и дочери Ирландии рассеяны по земному шару от Бостона до Мельбурна, от Ливерпуля до Торонто.

У Ирландии уникальное географическое положение: ни одна европейская страна не забралась так далеко на запад. Должно быть, ураганные ливни унесли ее в Атлантический океан, они же сделали Изумрудный остров таким зеленым. Для легионов императорского Рима Ирландия находилась чуть дальше, чем им того бы хотелось. В то время как другие народы Британских островов испытали на себе римскую власть, ирландцы такой участи избежали. Характерная кельтская

культура острова, однако, не хранилась в изолированном коконе. Римляне на эту землю ступить не сумели, а вот викингам, норманнам и особенно англичанам это удалось.

Лейтмотивом истории Ирландии является напряжение, которое она испытывала, играя две противоречивые роли. С одной стороны, Ирландия была жертвой иностранной агрессии. Ее даже сделали немой участницей колониальной борьбы, когда протестантские колонисты на севере выступали в качестве противовеса католическому, потенциально мятежному большинству. Головная боль британской политики — проблема Ольстера, олицетворение кровавых эпизодов ирландской истории, в том числе вторжения Кромвеля в 1640-х годах и грабежей «черно-коричневых» в сравнительно недавние времена. Англосаксы и гэлы, протестанты и католики веками воевали друг с другом.

С другой стороны, Ирландия была активным и часто исполненным энтузиазма партнером в распространении английского языка и британского влияния во всем мире. Особенно после унии 1800 года, когда ирландцы — католики и протестанты — влились в британскую политическую, экономическую и имперскую жизнь. Ирланд-

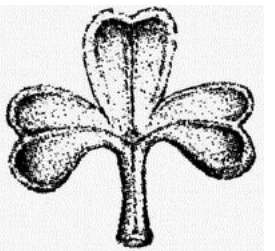
ские члены парламента заседали и до сих пор заседают в палате общин, ирландские генералы командовали ирландскими подразделениями в эпоху завоевательных кампаний империи, подавляли свободу народов, с которыми потом ирландских националистов объединяли общие взгляды. Промышленная революция, голодные годы, массовая урбанизация Британии вынудили сотни тысяч ирландцев переплыть Ирландское море в поисках работы и лучшей жизни.

Оппозиция англосаксонскому доминированию никогда не исчезала, даже когда ирландцы нехотя признавали превосходство Англии на Британских островах и во всей империи. Движение сопротивления, в котором ныне осталась только ИРА, продолжалось долгие годы, и ирландцы — будь то дома, или в Соединенных Штатах, или в Австралии — использовали любую возможность для нанесения ущерба английским интересам. Отношение англичан менялось — от насилия к доброте, от толерантности к презрению, от восхищения к насмешке.

Наполненное событиями сложное прошлое ирландцев отлично представлено в этой живой и увлекательной книге. Ирландия — источник множества легенд, но ее история часто удиви-

тельнее, чем любая выдумка. Это страна поэтов, драматургов и романистов, но в то же время страна красноречивых политиков, знаменитых воинов и несгибаемых бунтовщиков. Ирландская республика стала неотъемлемой частью Европейского сообщества. Недавно ирландцы впервые избрали своим президентом женщину. Несмотря на капризы истории, Ирландия всегда была на редкость гостеприимной страной, и те, кто посещает ее, испытывают восторг.

Денис Джадд



ГЛАВА 1
От Тары до святого Патрика

География

Физическая карта Ирландии

выше 300 м

Ирландия представляет собой западную оконечность группы островов, известной как Британские острова. Тем не менее ее отличают от Англии, Уэльса и Шотландии своеобразные характерные черты. С севера (Ольстер) до юго-запада (дикое побережье графства Керри) страна растянулась на 350 миль, а с северо-запада до юго-востока — на 200 миль. Ирландию омывают большое море — Ирландское — и один из самых крупных мировых океанов — Атлантический.

Море оказывало на Ирландию определяющее влияние на протяжении всей ее истории. Ни одна точка острова не удалена от моря более чем на 100 миль.

В Ирландии умеренный климат: здесь не слишком жарко и не очень холодно, хотя юго-запад страны может похвастаться субтропической растительностью. Три горы поднялись выше 3000 футов, а вдоль побережья протянулся ряд низких горных хребтов. Пространство, заключенное в горные кольца, представляет собой низкую болотистую равнину с большими запасами торфа. Это — единственный природный ресурс острова. В отличие от Англии, Уэльса и Шотландии, здесь нет ни угля, ни железной руды, зато торфяные залежи — лучшие в Европе.

Эволюция древних торфяных залежей была долгим процессом. Начался он, когда территорию центральной Ирландии покинул ледник, оставивший после себя мелкие озера. Со временем озерная растительность увяла, переродилась и превратила старые озера в болота (наподобие Норфолкских) и торфяники. Некогда в Ирландии насчитывалось около 311 000 гектаров торфяников (столетиями там вырезали кубы торфа и использовали его в качестве топлива), но к 1985 году осталось только 54 000 акров. Торфяные болота исчезали с устрашающей скоростью. Их экономическая ценность очевидна в стране, не обладающей залежами угля. В 1921 году страна получила независимость, и торф стали использовать в качестве топлива для электростанций, построенных на самой большой реке Ирландии — Шеннон. Нескоро Ирландия осознала историческую и экологическую ценность торфяников. Оказалось, что торфяные болота центральной равнины являются не только огромным заповедником редких растений и птиц, они еще представляют собой и хранилище человеческих останков и артефактов с 9000 года до новой эры. Даже сейчас торфяной огонь, наряду с клевером, — символ Ирландии.

Современная Ирландия разделена на четыре провинции: Ольстер, Лейнстер, Коннахт и Манстер (Мунстер). В средневековый период упоминали о пятой провинции — Мит, или Мидленд, со временем она исчезла. Тем не менее названия сохранившихся провинций, как и многое другое в Ирландии, имеют древние корни. В далеком прошлом, согласно легенде, северная половина острова была известна как Leth Cuinn («Доля Конна», по имени мифического героя Конна), южная половина носила название Leth Moga (или «Доля Мага» в честь еще одного мифического героя по имени Маг Нуаду). Leth Cuinn превратилась в северные провинции Ольстер и Коннахт, а Leth Moga — в южные — Лейнстер и Манстер.

Политический раздел

После англо-бурской войны (1918-1921) Ирландия разделилась, при этом шесть северных графств (Арма, Антрим, Даун, Тирон, Ферманах и Лондондерри) остались частью Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии. Северную Ирландию часто называют Ольстером, но это неверно, потому что из девяти графств Ольстера три (Каван, Донегал и Монаган) стали частью независимой Ирландии. В Северной Ирландии, или «Шести графствах», две трети населения — протестанты (эту религию исповедуют 1,6 миллиона человек), а треть — католики.

Остальные двадцать шесть графств Ирландии составляют часть того, что впервые стало называться Ирландским свободным государством, а с 1937 года — Эриу. В 1949 году Эриу предпочла республиканский статус и покинула Британское Содружество наций. В настоящее время в Ирландии самый высокий процент молодежи до 25 лет, в численном выражении это свыше трех с половиной миллионов человек, из них семь процентов протестантов, а остальные — католики.

Древнее название Ирландии — Эриу, что мож-

но перевести как «самая прекрасная женщина в мире». Те, кто в ясную погоду видел озера Килларни или горы Морн, с таким определением, конечно же, согласятся.

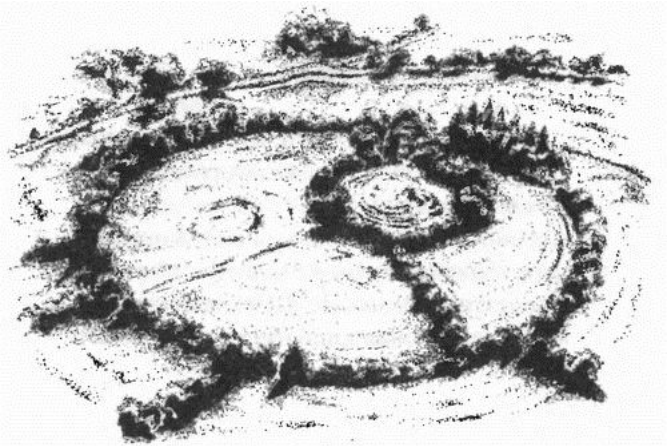
Доисторическая Ирландия

Рассвет ирландской истории спрятан от нас на этом зачарованном (и трагическом) острове, как ландшафт в туманное утро. Тем не менее географическая близость к Британии стала решающим фактором для первых колонистов, которые за 9000 лет до новой эры переплыли узкий канал между Шотландией и Ольстером. Самые первые следы жизни можно увидеть в Ольстере, в долине реки Бойн, которой впоследствии суждено было сыграть решающую роль в истории Ирландии. Это курганные захоронения Даут, Наут и Ньюгрендж, созданные в эпоху неолита, примерно за три тысячи лет до новой эры, потомками первых мигрантов, исчезнувших из истории и не оставивших после себя никаких артефактов. Могильники представляют собой удивительные археологические свидетельства о людях, не знавших железа, но чтивших память племенных вождей лучшим способом, какой был им известен. Другие примеры доисторического ирландского искусства молено увидеть на огромных камнях, окружающих захоронения.

На протяжении столетий на остров прибывали

новые мигранты. Они оставляли после себя все более сложные изделия: ирландская цивилизация вступила в бронзовый и кельтский железный век. Время сохранило ювелирные украшения — бусы, ожерелья, серьги, а воинственные кельты, демонстрируя свою доблесть потомкам, оставили нам на память изукрашенное оружие.

Когда именно кельты появились в Ирландии, остается загадкой; вероятной датой представляется вторая половина первого тысячелетия до новой эры. Некоторые сведения о ранней ирландской цивилизации находим у древних хронистов. Так, в конце IV столетия до н. э. Пифей упомянул Британские острова, назвав их «Pretanic». Можно с уверенностью утверждать, что это название произошло от кельтского слова Priteny, которое, в свою очередь, родственно валлийскому Prydain. Позднее римский поэт Авиен называл Ирландию «святым островом», а древнее имя страны — Eriu (очень близкое к современному Эриу на гэльском). Eriu, возможно, произошло от греческого слова, означавшего остров, — Ierne (на латыни — Hibernid), так что, быть может, это слово и не кельтское. Римские хронисты, во всяком случае, приписывали ирландцам черты континентальных кельтских сообществ, гэлов и иберийцев.



Раскопки в Форте Наван, Арме, северном сопернике Тары. По мнению историков, здесь могла находиться Эмайн Маха, столица легендарной Ирландии и резиденция правителей Ольстера

С уверенностью можно говорить, что первые кельтские мигранты находились в меньшинстве по отношению к аборигенам некельтского происхождения. Они и создали внушительные курганные захоронения в Науте и других местах. Современные ученые, такие как Доннахад О'Коррейн, доказали высокий уровень развития людей эпохи неолита и бронзового века. Ирландский

язык, конечно же, обязан до-кельтской цивилизации: многие ирландские слова позаимствованы у древних обитателей островов. Культурное единство кельтского мира подтверждается тем, что в Ирландии говорили как на гойделике (ирландский и шотландский вариант кельтского), так и на бритонике (язык, на котором говорят в Уэльсе, Корнуолле и Бретани).

Еще одна значительная докельтская стоянка находится в Таре, в центральной Ирландии. Кольцевые форты, или раты указывают на культ древних языческих «верховных королей». Этот символический титул появился в эпоху неолита. Титул верховного короля имел большое значение в кельтской средневековой Ирландии, а лингвистическое влияние докельтского периода проявляется в корне «рат» в таких топонимах, как Ратмайнс и Ратмуллен. Верховные короли не обладали законодательными полномочиями, и в кельтские времена они по большей части воевали с другими правителями, оспаривавшими их титул.

Ирландия и Рим

Отличительная черта ирландской истории — отсутствие римского правления. Оно, правда, чуть не случилось: в 81 году н. э. римский полководец Агрикола серьезно подумывал вторгнуться в Ирландию, однако его планы были нарушены императором Домицианом, отказавшимся предоставить необходимые подкрепления. Ни один римский префект не ступал на землю Ирландии, хотя имеются многочисленные свидетельства о торговых связях с Римом. Например, на восточном побережье Ирландии найдены монеты времен Траяна (98-117) и Адриана (117-138). Обнаружение их в Ольстере показывает, что попали они туда скорее из Британии, чем из Галлии.

Имело ли значение то, что Ирландия осталась вне Римской империи? Во всяком случае, это не помешало кельтской Ирландии достигнуть если не политического, то культурного единства. Тем не менее римский, или, точнее, греко-римский источник дает нам полное представление об ирландской политической структуре в 100 году новой эры, когда Римской империей управлял Траян.

Карта Птолемея

Источник, о котором идет речь, — это карта, созданная греческим географом Птолемеем из Александрии. Свою информацию он, похоже, получил от британских купцов, поскольку названия мест на карте бриттские.

Карта предоставляет замечательную возможность проникнуть в ирландскую цивилизацию того времени. Названия некоторых мест и рек легко можно узнать и сегодня: например, Бувинда — это река Бойн, а Сенос — Шеннон. Самое же интересное свидетельство карты Птолемея — представление о быстро меняющейся ирландской политической ситуации. Так, на севере прослеживается длительный раннехристианский период, поскольку карта отмечает доминирование династий Дал Риада и Дал Фиатах, утверждавших, что они ведут свое происхождение от языческого бога Дайре. Люди, которых Птолемей называл «волюнти» {volunti), суть улады. На протяжении веков они были самой мощной династией в Ольстере и имели культовый центр в Эмайне (столицей называть его неверно), около современной Армы. Птолемей называл это место Эмайн Исамнион.

О северо-востоке страны Птолемей дает более подробную информацию, нежели о западе и северо-западе. Очевидно, династии в этих местах были не такими устойчивыми, как в Ольстере. Корионди к 100 году новой эры, похоже, не оставили следа в южном Лейнстере, хотя и имели отношение к кораиндам (Coraind), выжившим в графстве Слайго на западном побережье. В западной провинции Манстера Птолемей отмечает этноним «иверны», это племя доминировало там в раннехристианскую эпоху до появления династии Эоганахтов. Неразрывность с раннехристианским периодом проявляется в Лимерике. Птолемеевские Auteini — племена «зеленых» (Uaithne), контролировавшие Шеннон и земли к западу от этой реки.

В политических терминах Ирландия, хотя и фрагментированная, проявляла признаки преемственности, культурного единства и даже примитивного соблюдения законов (древнее ирландское право). Из центра законы, разумеется, навязать было нельзя, потому что в стране отсутствовало центральное правительство (Британия, по контрасту, уже несколько столетий знала римское право). В других отношениях Ирландия проявляла признаки континентального кельт-

ского общества. Здесь существовала традиция хвалебной бардовской поэзии, а друиды, или святые люди (британских друидов на острове Англси уничтожили римляне), обеспечивали связь между человеком и языческими божествами. Обычаи, такие как сражение на колесницах-бигах и вручение на пиру «доли победителя», лучшего куска мяса, храброму воину, также сохранялись. Это нам известно из древней ирландской литературы, но современные историки подчеркивают, что статус меньшинства древних кельтских завоевателей подразумевал, что более ранние культурные влияния оставались для населения значимыми, даже после того как кельты обрели власть на острове. Это особенно верно в отношении ирландского языка.

Кельтская Ирландия и римская Британия налаживали контакты по мере того, как римское правление слабело от череды варварских нашествий. Среди найденных римских артефактов больше всего тех, что датируются IV и V веками. Есть свидетельство, что на реке Нор в Стоунфорде была римская фактория. Возобновление контактов явилось прямым следствием неэффективности хитроумной системы прибрежных фортов, построенных римлянами в Британии

против ирландцев и пиктов.

В IV веке нашествия усиливались, к нападавшим присоединились и саксы с континента. В 367 году объединенная атака ирландцев, пиктов и саксов на британские берега опустошила римскую Британию и стала еще одним доказательством того, что Рим теряет хватку. Последующие набеги ускорили решение Рима увести легионы; произошло это в 410 году.

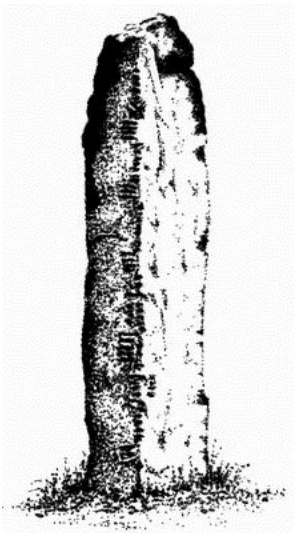
Ирландские колонии

Уход римлян оставил западную Британию беззащитной перед ирландским вторжением. Тому есть множество доказательств — ирландские поселения IV и V века. Особенно большое поселение было на юго-западе Уэльса, в районе, ныне ограниченном Пембрукширом, Камбратенширом и Кардиганширом (сейчас Дивед). Там остановились мигранты из Лейнстера. Колония поменьше была в северном Уэльсе (Англси, Карнарвоншир и Денбишир, сейчас Гвинедд и Клайд). Ирландские колонисты подарили захваченным территориям свои названия. Правящая династия того времени в Лейнстере оставила свои топонимы на полуострове Ллейн. Название «Порт Диналлин» (в бухте Невин) буквально означает «гавань укрепления людей из Лейнстера».

Еще одна колония к югу от Корнуолла была основана Уи Лиатайном. Возможно, он был родом из восточного Корка. Кормак, ирландский ученый епископ X века и король Кэшела в графстве Типеррери, с гордостью писал:

Власть ирландцев над Британией бы-

ла велика, и они разделили Британию между собой на имения, и ирландцы жили настолько же к востоку от моря, как и в Ирландии, там были построены их жилища и королевские замки... И они сохраняли свою власть долгое время, даже после прихода святого Патрика в Ирландию.



Камень с огамической надписью из Кулмагорта, графство Керри

Шотландия — еще один пример успешной экспансии. Хотя в 83 году Агрикола одержал важную победу над кланами Хайленда, император Домициан запретил ему идти в северную Шотландию. Даже ослабленное римское сопротивление помешало Далриаде (Птолемей поместил ее в северо-восточной части Ирландии) колонизировать Шотландию. Процесс, если верить ирландской легенде, начался в III и IV столетиях, но точно сказать нельзя. Известно только, что к 563 году, когда великий ирландский проповедник Колумба пришел в Шотландию с острова Айона, королевство Далриада расширилось: с востока у него появились области, заселенные пиктами. А к IX веку эта династия объединила всю Шотландию с королем Кеннетом Макальпином во главе.

Одним из следствий колонизации стало то, что доходы, извлеченные из новых поселений, пошли на династические войны в самой Ирландии. Еще одним следствием явилась логичная романизация ирландской культуры, когда ирландские пираты соприкоснулись с остатками рассыпающейся римской цивилизации. Древняя устная история Лейнстера проявляет признаки заимствования из латыни — «легион», «трибуна». Более странными являются «огамы», которых

много в современной южной Ирландии. Находят их также и в местах бывших поселений в Корнуолле, южном и северном Уэльсе, а также на острове Мэн. На камнях сохранились первые письменные памятники ирландского языка, основанные на системе линий и крючков, позаимствованных из латинского алфавита.

Приход христианства

Другим существенным результатом ирландского заселения Британии стало соприкосновение с христианством. Нельзя сказать точно, когда в Ирландию пришли первые христианские миссионеры, однако конец IV или начало V столетия представляются вполне вероятной датой. Итак, начался процесс, который, казалось, должен был превратить Ирландию, страну грабителей и морских пиратов, в «остров святых и ученых». Последнее определение, хотя и известное, следует принять с осторожностью. Ирландские короли и правители не переставали бороться друг с другом только оттого, что сделались христианами.

СВЯТОЙ ПАТРИК

Главной причиной, благодаря которой Ирландию прозвали «островом святых и ученых», явилась жизнь святого Патрика (389-461). Все знают историю о том, как Патрик освободил остров от змей, но легенда лишь подчеркивает, сколь многое в жизни святого окутано тайной.

Мы даже не знаем точно, когда он жил. Из того, что о нем достоверно известно, вырисовывается следующее: Патрик был британцем (возможно, происходил из Уэльса), из респектабельной семьи. Его отец Кальпурний был римским чиновником. Шестнадцатилетнего Патрика похитили пираты и продали в рабство в Ирландию. Он шесть лет пробыл пастухом, вероятно в Коннахте, а потом ему удалось бежать и вернуться на корабле в Британию.

По возвращении Патрик поведал, что ему было видение, он слышал голоса, говорившие по-ирландски: «Мы умоляем тебя, приди и обрати нас». Похоже, он вернулся в Ирландию в 432 году, сделался епископом и провел на острове остаток жизни (хотя собратья-христиане из Британии, кажется, сомневались в том, что он годился для этой миссии).

Патрик оказывал сильное влияние на вождей ирландских кланов и, хотя сам был не слишком хорошо образован, поощрял обретение знаний. Помнят о нем больше всего в Арме и Таре. Судя по названию Кроу Патрик, святой имел какое-то отношение к этой горе. Особые связи святого с Армой позволили этому городу стать религиозным центром Ирландии, каковым он остается и по сей

день. Город распространял культ святого, так что к VII веку слава Патрика докатилась до Манстера. Особым вкладом святого в ирландское христианство стало поощрение аскетизма и монашеского движения, что, возможно, явилось результатом его контактов с монашескими общинами в Галлии, известными своей суровой дисциплиной. Он также подчеркивал значение миссионерской деятельности, и к VI веку миссионерство стало отличительной чертой ирландской церкви. Наконец, он внес вклад в организацию ирландской церкви, поощряя распространение христианства не через епископские епархии, а через монашеские общины. Старинные обычаи отмирали с трудом, и это подчеркивается тем фактом, что аббаты не прочь были нападать на соперничавшие с ними христианские общины.

Деятельность Патрика оставила глубокий след. О его авторитете говорит день святого, 17 марта, официальный праздник Ирландии. Имя святого тесно связано с ирландцами. В отличие от него, английский святой Георгий ни разу не посетил страну, чьим покровителем он стал. В наследии Патрика есть и отрицательная сторона, поскольку забыт вклад других святых. Прибытие Патрика в Ирландию фактически совпадает с самыми

ранними письменными свидетельствами об ирландской церкви. Их автор — Проспер Аквитанский (390-463). В своей хронике он сообщает, что в предыдущем, 431 году папа Целестин (422-432) назначил некого Палладия епископом для ирландцев, «верующих в Христа».

ПЕЛАГИАНСКАЯ ЕРЕСЬ

Пелагианская ересь вызвала разногласия в христианском мире. Существует версия, что Пелагий был монахом ирландского происхождения. Известно, что в 400 году он посетил Рим и был поражен «распущенностью нравов». Тогда он выдвинул собственную доктрину, в которой, помимо прочего, отвергал концепцию первородного греха (грех Адама не может быть вменен всему человеческому роду), а также заявлял, что некрещеные младенцы могут иметь жизнь вечную. Пелагианство было социально разрушительным, поскольку, согласно этой теории, ни один богатый человек не мог спастись, не раздав все свои богатства. Те, кого Проспер относил к верующим в Христа, были антипелагианскими ортодоксальными христианами. Из этого следует, что христианство в Ирландии имело значитель-

ную поддержку до того, как вернулся Патрик, а в другой хронике, примерно в 434 году, Проспер упоминал, не называя имени, еще одного епископа, направленного в Ирландию для обращения варваров. Тем не менее процесс этот, вероятно, был медленным и во многом обязанным своим успехом Патрику, хотя в хрониках VII века упоминаются также епископы Сахелл, Цетиак и другие. Сам Патрик признавал в своей «Исповеди», что местные риторы были о нем низкого мнения, в отличие от образованных и умудренных житейским опытом клириков.

Резной крест в монастыре Клонмакнойс

БРИТАНСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Современные историки вполне сознают огромный вклад британских миссионеров в развитие ирландского христианства. Скорее их, чем Патрика с его учениками, надо благодарить за золотой век ирландской церкви в VI столетии. Они создавали монастыри и распространяли вероучение. Список длинный: Ниниан (360-432) учил Финиана Мовильского и святого Давида, покровителя Уэльса, в то время как Тигернах из Клонса, Энда Аранский и Скуитдин из Сливмарджи — все были британского происхождения. Влияние этих святых и ученых на ирландскую жизнь можно оценить по тому, скольким детям в Ирландии давались их имена. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что христианизация Ирландии шла медленно и сложно. Историк Доннахад О'Кор-рейн полагает, что даже в середине VI века, примерно через двести лет после смерти Патрика, верховный король Тары Кербайлл вполне мог быть язычником.

ГЛАВА 2
Раннехристианская Ирландия, 500-795 годы

В VI и VII столетиях ирландское христианство вступило в новую, более продолжительную фазу и начало оказывать влияние на другие народы, как это было и с британскими христианскими миссиями.

Святой Колумба, 521—597 годы

Одной из величайших фигур этого периода был Колумба (Колума Килле на гэльском). Он родился в графстве Донегал в провинции Ольстер в начале VI века. Хронисты писали, будто он родился на «земле скоттов». (В раннем Средневековье Ирландию часто называли латинским именем Скоттия. Учитывая смешение ольстерцев, ирландцев и шотландцев, это неудивительно.) Учился он в школе Финиана Мовильского, а затем у Финиана Клонардского и после посвящения в сан помогал созданию многих церквей и монастырей. Ирландию он оставил в 563 году, пожелав «совершить паломничество ради Христа».

Нельзя сказать точно, почему Колумба уехал с острова. Кажется, вышел спор из-за рукописи, которую он скопировал, и этот спор привел к войне между кланом Колумбы и верховным королем Диармайдом. В связи с тем что он оказался причиной войны, Колумба решил сам себя наказать и отправился с миссией в другие земли. Во всяком случае, он сел на корабль и поплыл на остров Айона, к западному побережью Шотландии. С ним были двенадцать товарищей.

При столь малообещающем начале Колумбе удалось обратить в христианство своих соотечественников-ирландцев и пиктов, поселившихся в Шотландии (Далриада). Сначала он поборол влияние язычников-друидов, затем проник в круги знати. Самым большим его успехом стало обращение короля пиктов Бруда. Монахи Колумбы добрались и до Оркнейских островов и основали монастыри Мелроуз и Данкелд.

Колумба начал христианизацию Шотландии и северной Англии, но смерть помешала ему завершить дело: он умер в 597 году. Его дело продолжили другие великие святые — Эйдан, Хильда и Кутберт. Успеха они добились после того, как после падения великой империи связи Ирландии с Римом были прерваны. Ирландское христианство обрело самостоятельность.

Отделение от Рима

Ирландские монахи не носили римскую тонзуру: они переняли обычай друидов — сбривать волосы на темени от уха до уха. К тому же они придерживались старинного счисления даты Пасхи, отмененного римской церковью. Все это, разумеется, не означало, что ирландская церковь отказывалась от римского главенства, однако свидетельствовало, что во времена европейского хаоса Ирландия оставалась в стороне, на западной обочине. Ирландские монахи жили в полуязыческих воинственных обществах, у них отсутствовала городская цивилизация, и они приспосабливались к существующей обстановке. Чтобы выжить в эру магии, заговоров и древних символов, христианству приходилось сражаться, а от монахов требовался изрядный прагматизм. Позднее это привело к конфликту кельтского христианства с миссиями из Рима, которые под предводительством святого Августина обращали в христианство южную Англию.

АЙОНА

Монастырь, основанный Колумбой на Айоне, стал со временем величайшим центром кельтского христианства. До сих пор туда совершают паломничества. После смерти Колумбы сменявшие друг друга аббаты контролировали не только монашеские общины Шотландии, но и крупные общины в Ирландии, такие как Дерри, Дарроу и Киллс (они были основаны в середине VI века). Самым известным аббатом был Адамнан, умерший в 704 году. Этот ученый написал книгу о жизни основателя своей общины. В 697 году, в год столетия смерти Колумбы, Адамнан созвал на Айоне собор. Епископы и аббаты обсуждали на нем так называемый «закон невинных». Согласно этому закону, женщины и дети не должны были принимать участия в битвах, а женщин надлежало защищать от насилия. То, что такой закон обсуждался через двести лет после смерти святого Патрика, демонстрирует дикие нравы кельтского общества. Адамнана канонизировали посмертно.

АРМА

В VII веке Арму признали духовным центром ирландской Церкви. В отличие от большинства других клерикальных Центров, Арма имела епископа, который контролировал большинство церквей Северной Ирландии. Постепенно и остальная ирландская церковь признала его своим главой. Это означало, что епископ Армы первенствовал над остальными клириками, хотя реальной иерархической структуры в церкви не было. Сами притязания епископа на первенство основывались на связи Армы со святым Патриком, так же как первенство Кентербери в Англии возникло из связи этого места со святым Августином.

Монашеская жизнь и культура

Характерной чертой ирландского монашества была его гибкость. Это наиболее убедительно продемонстрировала община на мрачном острове Скелиг-Майкл, в восьми милях от западного побережья Ирландии. В этом месте прекрасно сохранились монастыри довикингской эпохи. С южной стороны обрыва выдолблены шесть каменных пещер, защищающих от дождя и пронизывающих ветров Атлантики. Известно, что способы строительства, применявшиеся на острове в VII веке, были ориентированы на иные формы (примером может служить часовня Галларус в форме перевернутой вверх дном лодки на полуострове Дингл в графстве Керри). Неудивительно, отмечал Дональд Мэтью, что ирландские монахи были известны своим аскетизмом: их общины находились в самых мрачных местах западного христианского мира. Вместе с аскетизмом росла их репутация как ученых, поскольку они расширяли свои связи с франкским двором и англосаксонскими королевствами Англии. В качестве примера такой учености можно представить рукопись 655 года «De mirabilis sacrae

scripturae» («О чудесах Святого Писания») со ссылками на отцов ранней христианской церкви, таких как Августин, Григорий Великий и Тертуллиан.

ЗАКОН

Все вышесказанное означает, что в полуязыческом обществе ирландские клирики хорошо подготовились к составлению законов как для церкви, так и для государства. И они продемонстрировали свою ученость, создав совершенно оригинальную книгу под названием «Collectio canonum hibernensis» («Сборник традиционного ирландского права»). Книга относится к первой половине VIII века. Доказательством растущего влияния церкви служит тот факт, что «Сборник» охватывал не только церковные дела, но и вопросы собственности и наследования. Трудность для церковных законодателей состояла в том, что ввиду отсутствия римского права в Ирландии опирались на старые языческие законы и обычаи. Монахи были гражданскими чиновниками своего времени, и даже гораздо больше, поскольку являлись единственными по-настоящему грамотными членами общества. Итак,

благодаря типичной склонности бюрократии к компромиссу монахи, как поступала в подобных случаях и католическая церковь, признали юридическую силу дохристианских таможенных законов, подчеркивая в то же время главенство закона церковного. «Закон церкви, — изрек правовед того времени, — как море по сравнению с реками, закон церкви — самый удивительный закон... Известно, что fenechas (унаследованное местное право) ничтожно в сравнении со словом Божьим». Это полностью совпадало с доктриной церкви и подчеркивало превосходство духовного над светским.

Общество раннехристианской Ирландии

В раннехристианской Ирландии проживали от пятисот тысяч до миллиона человек. Численность населения менялась под влиянием голода и чумы. В глазах современников такие катастрофы воспринимались как Божья кара.

В VII и VIII веках продолжалась медленная христианизация Ирландии. В довикингский период за влияние на людей боролись не столько короли и местные правители, сколько крупные монастыри. Они и были главными хозяйствующими единицами того времени. У крупного монастыря, такого как Дарроу, были зависимые церкви, вместе с угодьями и изрядными богатствами. Епископ мог управлять огромными монашескими «королевствами», или туата; обязанности такого епископа изложены в тексте VIII века «Riaghail Phatraic» («Закон Патрика»).

> У каждого туата должен быть главный епископ. Он посвящает в сан духовенство, исповедует правителей и благословляет детей после крещения.

Епископ отвечал также за дисциплину духовенства, нес материальную ответственность за церковную собственность и следил за должным соблюдением обрядов. Миряне, в свою очередь, обязаны были платить церковные налоги и содержать церкви. Делали они это не всегда, то есть для сбора податей священников было недостаточно.

В VII веке, кроме священства, в Ирландии имелось и три других сословия: простолюдины, знать и короли. Поскольку государство не являлось унитарным, короли исчислялись десятками, однако большинство ирландцев были простолюдинами, или коммонерами. Впрочем, и это сословие делилось на подгруппы. Более состоятельный коммонер мог быть рабочим на ферме, и, по стандартам того времени, у него имелись значительные накопления. Из источника той эпохи можно узнать о собственности такого человека:

> Семь домов: зерносушилка, амбар (пай в мельничном хозяйстве, стало быть, мельница молола для него зерно), жилой дом... свинарник, коровник и овчарня. У него двенадцать коров, два быка, шесть буйволов, двадцать свиней, двадцать

овец.

Хронист пишет далее, что у коммонера есть луг с деревьями возле дома, а у жены — четыре наряда. В VII веке такой человек мог продвинуться по служебной лестнице. В ирландском обществе он, конечно же, занимал куда более высокое место, чем bothach (крестьянин, живущий в глинобитном доме) и фуидир (безземельный). Эти люди в неофициальной иерархии стояли ниже. Внизу пирамиды находились senchleithe (наследственные рабы), «привязанные» к землевладельцу.

Столь жесткая социальная структура должна была определять степень компенсации, положенной человеку и его семье, если тот становился жертвой злоупотреблений. Статус определял все, и, если жертвой становился работник фермы, он получал больше денег или товаров, чем безземельный. Следовательно, чем выше статус, тем больше компенсация. Как отметил один историк, это означало, что за пинок епископу нужно было заплатить куда больше, чем за пинок работнику.

Клиентура

Социальная система раннехристианской Ирландии сильно зависела от взаимоотношений между правителем и коммонером. Система celsine (клиентуры, от гэльского слова cele, «товарищ») была по своему происхождению экономической, потому что правитель жаловал коммонеру некое владение. Это могли быть земля или скот, но принятие подарка обязывало коммонера выплачивать правителю ежегодный налог.

Существовало два типа взаимоотношений: soerrath (свободные, или благородные отношения) означал, что коммонер или свободный человек (наследственные рабы исключались) по собственной инициативе официально приносил правителю присягу. Затем он обязан был служить ему в любом качестве, в том числе и на ратном поле. Такой тип взаимоотношений имеет сходные черты с норманнской феодальной системой, существовавшей в Англии после 1066 года.

Меньшая степень зависимости называлась gdiallnae, или базовая клиентура. Правитель даровал коммонеру нечто — обычно право доить коров, но иногда и землю, волов или других

домашних животных. Типичным подарком для работника фермы были двадцать четыре коровы. Рабочий должен был выплачивать ежегодный налог в знак того, что ему оказана привилегия. В каком-то смысле такие взаимоотношения должны были защитить коммонера, потому что налог ему устанавливали такой, который он в силах был уплатить. Тем не менее ясно, что от такой сделки выигрывал правитель. В обязанности работника входило, например, раз в год устраивать пир для правителя, приводившего с собой троих приятелей. Согласно сохранившемуся свидетельству, работник, помимо налога, должен был выдать правителю «полный сосуд жирных сливок, 20 буханок хлеба, брусок сливочного масла шириной восемь дюймов и толщиной четыре дюйма, две пригоршни валлийского лука и две лука-порея». Несчастный работник должен был впоследствии, как позднее при феодальной системе, трудиться на правителя во время сбора урожая и выполнять другую тяжелую работу. Современному читателю наверняка захочется спросить: когда же у него было время работать на себя?

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

В VII веке ирландская семья была законным союзом, но это не означало семью, состоявшую из отца, матери и детей. По ирландским законам это была дервине, или семья, состоявшая из потомков общего прадеда. Для повседневных целей требовался более тесный и естественный союз — гелвине, снова по мужской линии, но на сей раз от общего деда. Девочки в семье принадлежали только роду мужа матери.

БРАК

Несмотря на влияние клириков, брак не был стабильным и священным институтом, которого желала ирландская церковь. Развод и новый брак не являлись редкостью, а среди знати процветала полигамия. Возникла она в результате желания иметь наследников, так как те были нужны феодальному и воинственному обществу.

Патриархальная ирландская семья — дервине и гелвине. Треугольники означают мужчин. Женщины переходили в род мужа. Дервине дословно означает «собственная семья». В повседневной жизни более мелкая семейная ячейка — гелвине — была доминирующей и состояла только из мужских потомков общего деда

Социальная мобильность

Последствием полигамии стало то, что в стране появилось множество потомства, имевшего отношение к королевским домам, слишком много людей, которых надо было обеспечивать. Те, кто выпадали из такого обеспечения, немедленно скатывались по социальной лестнице, становились мелкой знатью и коммонерами. За этим процессом наблюдал хронист того времени Мак Фервисай: «Обычное дело с великими принцами, что их дети и семьи множатся, а последователи и плебеи вытесняются и исчезают».

Такой негативный вид социальной мобильности был заметен и в других слоях ирландского общества, потому что члены аристократических семей также переживали трудные времена, и их сталкивали с социальной лестницы. По контрасту, коммонеру намного труднее было сделаться патрицием, хотя и такие случаи известны. Нижние слои общества, во всяком случае, время от времени пополнялись рабами, среди которых были военнопленные, нежеланные дети или люди, захваченные в плен в других странах.

МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ И МУЗЫКА

Баллада Г. К. Честертона гласит:

> У гэлов, по Божьей воле,
> Ирландских все невпопад:
> Идя на войну, смеются,
> А в песнях своих грустят.

Это, конечно же, преувеличение, но ирландцы всегда выказывали большие способности к сочинению рассказов и к пению. Так что, хотя письменный ирландский, или гэльский, язык, появился не ранее V столетия, на острове существовала богатая устная традиция. Одна из самых ранних саг — «Похищение быка из Куальнге», в которой рассказывается о ссоре между Кухулином, напоминающим кельтского Робин Гуда, и королевой Медб из-за кражи гигантского быка. Даже после прихода христианства ирландцы помнили старинные легенды и верили в лепреконов и баньши. Эти персонажи часто появляются в фильмах с ирландским «колоритом», например в голливудском фильме «Дарби О'Джилл и маленький народец». К VIII веку Кухулина сменил

другой фольклорный герой, Финн Мак Кумал (Маккул) и его фианна (дружина).

Традиция ирландской музыки и песни столь же древняя. В бронзовом веке докельтское население пользовалось самым старым ирландским музыкальным инструментом — бодраном (bodhhran). Он был обтянут овечьей кожей, и по нему стучали рукой или маленькой палочкой. В традиционной музыке использовались также ребра овцы, козы или коровы. Арфы, часто называемые в качестве национального ирландского инструмента, появились лишь в XII веке.

Короли и конфликты

Древняя Ирландия прежде всего была страной королей. Сколько их точно, никто не знает, но в VII веке правителей, должно быть, насчитывалось не менее сотни. Для сравнения, в англосаксонской Англии к VIII веку было шесть королевств, хотя Корнуолл находился вне юрисдикции англосаксов.

У этого королевского множества имелась особая иерархия. На вершине пирамиды, разумеется номинально, стоял верховный король Тары, однако этот титул был чисто символическим. В реальности не доминировал ни один король, хотя некоторые из них по сравнению с другими обладали большей властью. Старый ирландский закон выделял три «степени»: на низшем уровне располагались правители малых королевств; затем шли их сюзерены — рури, или «верховные короли», властвовавшие над несколькими мелкими королями. Над верховными королями стоял ri ruirech, «король верховных королей», который, вероятно, к этому времени был правителем одной из ирландских провинций. В древней Ирландии короли наделялись мистическими свойствами.

Древние рукописи переполнены рассказами об их подвигах, а когда такого человека короновали, церемонию сравнивали с бракосочетанием, в этом случае король сочетался с землей, а не с народом.

В христианские времена прослеживается тесный альянс провинциальных королей и церкви. Короли получали благословение, а церкви разрешалось взимать налоги с провинции для содержания священников. Библейские тексты использовались в качестве оправдания королевской власти, например, предупреждение Христа в Новом Завете «Отдавайте кесарево кесарю, Божие Богу» (Мк 12:17).

Иногда создается впечатление, что ирландские короли хотели получить от всемогущего Бога двойную порцию одобрения. Короли Коннахта, к примеру, желали благословения церкви Армы, а получив его, позволяли церкви собирать налоги с Коннахта по «закону Патрика». Но в то же время хотели одобрения церкви Клонмакнойса и позволяли ей собирать налоги в Коннахте по закону местного святого Киарана.

МИФ О ВЕРХОВНЫХ КОРОЛЯХ

Типичной для ирландских верховных королей или королей верховных королей была мечта о титуле верховного короля Тары. Иногда сочиняли для подкрепления притязаний красивую родословную, которая не выдерживала пристального изучения, но к VII веку появилась теория об исключительности ирландцев и сложилась «An labor gabala» («Книга захватов Ирландии»), доказывавшая, что у всех ирландцев общие предки. В этом произведении ирландский язык относили ко времени разрушения Вавилонской башни. Тогда Бог наказал человечество за желание построить башню, доходящую до небес, и заставил говорить на разных языках. Авторы книги заявляли, что ирландский гэльский язык «мелодичен и сладок». Ирландский закон говорил об «острове Ирландия», несмотря на то что остров этот был расколот на десятки маленьких королевств.

Место инаугурации Уи Нейлов: форт Туллаходж в графстве Тирон

В ранних ирландских источниках, посвященных статусу верховного короля, ощущается сильный мифический элемент. Старый ирландский закон говорил о верховном короле: «он, как Конхобар, идет по королевствам от моря и до моря... по пяти провинциям Ирландии». Многие претендовали на титул верховного короля, но ни одному королевскому двору не удалось объединить весь остров — ближе всех к этому подошли Уи Нейлы в IX веке. Реальность не помешала многим королям заявлять о своих правах на этот титул и окружать себя фиктивной аурой власти. На самом деле верховный король Тары оставался тем, кем и был всегда, — символической фигурой

вроде императора Священной Римской империи и короля Германии. Этот титул потерял реальное значение задолго до того, как Наполеон отменил его в 1805 году. Тем не менее к VIII веку эндемический разлад стал исчезать — потому, что возникло подобие провинциальной структуры.

Ольстер

В северной ирландской провинции Ольстер возвысилась династия Уи Нейлов, или О'Нейлов. Восхождение их к власти было медленным, потому что в Ольстере существовали и другие могучие семьи; к тому же сам клан Уи Нейлов раздирали противоборства.

КОНГАЛ КРИВОЙ

Трудности, стоявшие перед Уи Нейлами, можно персонифицировать в жизнеописании Конгала Каэха (слепого на один глаз). Он был королем Далриады, население которой происходило от пиктов. Королевство располагалось в центральной части графства Антрим. Конгал управлял им в начале VII века. Похоже, Конгал Кривой был амбициозным правителем, так как в 627 году он сделался королем верховных королей в клане уладов. Затем он принял участие в сражении (в это время Уи Нейлы контролировали восточное побережье провинции), убил короля Уи Нейлов и нескольких правителей Берниции, приняв-

ших протекторат Уи Нейлов, после того как их выдворил из Нортумбрии король Эдвин (связи между Ирландией и северной Англией после миссионерской деятельности святого Колумбы были по-прежнему крепки).

Победа Конгала в 628 году оказалась кратковременной. В 629 году над ним, в свою очередь, одержал победу новый Уи Нейл, король Доммалл Мак Аэдо, в сражении при Мойре, графство Даун. Конгал был убит. Похоже, та битва явилась поворотным пунктом: никогда больше Уи Нейлам серьезно не угрожали. Они распространили свою власть на весь Ольстер. Интересно, что «Анналы Ольстера» в 642 году называли Доммала «королем Ирландии». Это абсолютно не соответствовало действительности: желаемое выдавалось за правду.

Рассматривая короткий путь Конгала Кривого к власти, интересно отметить еще один факт, касающийся святости статуса короля. Согласно Ольстерскому своду законов («Bechbretha»), Конгал был наполовину ослеплен пчелами, и владельцев пчел обвинили в нанесении ему увечья. Но «Bechbretha» пошла дальше: в ней говорится, что изменение закона последовало за «преступлением пчел против Конгала Каэ-

ха: ведь тот был королем Тары до тех пор, пока ослепление не лишило его трона». Современному читателю может показаться странным осуждение пчел за преступление, однако не мешает припомнить, что вплоть до XVIII века в Англии казнили через повешение «преступных» животных. Тем не менее этот закон свидетельствует о мистическом представлении монаршей власти. При этом власть могла быть утеряна, если король в какой-то степени изувечен.

Как ни странно, слепота не помешала Конгалу быть королем Далриады, хотя и не дала возможности претендовать на трон Тары. Каким бы тривиальным ни показался этот эпизод, в глазах историков он подчеркивает особую ауру мистицизма, окружавшую верховных королей, вместе с многими табу и прерогативами. Тому, кто претендовал на трон, следовало прежде всего заявить о своих притязаниях. Предпочтение отдавалось родственнику верховного короля. В противоположность этому, Уи Нейлы, утвердившись в Ольстере, постарались уничтожить даже смутные упоминания о Конгале Кривом.

О'НЕЙЛЫ

Происхождение Уи Нейлов весьма туманно. К концу VII века, после избавления от соперников наподобие Конгала, Уи Нейлы стали доминировать на северо-западе и в срединной части Ирландии. На титул верховного короля Тары они претендовали со времен святого Патрика. Эти претензии не имели оснований. Быстрому восхождению к власти Уи Нейлы, похоже, больше были обязаны семейной вражде, а не истреблению соперников, как в случае с Конгалом. В 743 году междоусобная война на юге только начиналась, когда род Кланн Комлайн, доминировавший в графствах Мит и Западный Мит, вышел из борьбы победителем. В середине IX века этот род снова заявил о своих претензиях на титул верховного короля, чего, впрочем, и следовало ожидать.

Еще одна семейная вражда на севере Ольстера разделила Уи Нейлов. Сначала власть была у рода Кенел Конайл. К этой ветви Уи Нейлов относились и Колумба, и Адамнан. Неудивительно, что эти два клирика оказывали сильное влияние на своих королевских родственников. Репутации

европейских правителей до конца Средневековья сильно зависели от расположения священнослужителей, поскольку те были единственными хронистами событий.

Все изменилось в 734 году, когда последний король рода Кенел Конайл отрекся от власти. Доминирующей династией стал род Кенел Неогайн. Он распространил свою власть на весь Ольстер (вытеснив род Кланн Комлайн) и заручился поддержкой епископов Армы.

Лейнстер

Первоначальные границы Лейнстера тянулись до реки Бойн, и центром провинции была долина Лиффи. Однако северная территория отошла Уи Нейлам, и к 800-м годам те назначали правителей северного Лейнстера. Остальной частью территории распоряжалась семья Уи Дунлайнге, которая, как полагалось, из предосторожности заключила союз с епископами, в данном случае с монастырем Килдейр.

Манстер

Западной провинцией Манстера с VII по X век управляли ветви клана Эоганахтов. Сами они относили начало своего правления к V веку, подтверждая притязания легендой: якобы ангелы показали их предкам, где в графстве Типеррери нужно построить город Кэшел. Их короля Эоганана будто бы крестил и благословил святой Патрик. На самом деле известно, что в Манстере в это время правила более старая династия Эринов, но снова мы видим попытку объединить доминирующую династию с хорошей родословной. Типичны для Эоганахтов и притязания на титул верховного короля, который они пожаловали самому знаменитому королю Каталу Мак Финниану (721-742), сражавшемуся с Уи Нейлами. Благословение на правление Эоганахты получили в знаменитом монастыре Эмли. Им было приятно думать, что их династия — самая христианская в Ирландии. Святость, однако, не помешала этому роду исчезнуть в конце IX века.

ГЛАВА 3
Нашествие викингов, 795-950 годы

Ирландия не была под римским правлением, однако она сделалась жертвой вторжений викингов, совершавших свои набеги в VIII-X веках. В этом она разделила судьбу большинства стран Западной Европы. Фиорды и озера Норвегии создали отличную тренировочную площадку для выносливых мореходов, совершавших набеги на Британию и Ирландию. Первые налетчики следовали маршрутом от западных фиордов к Оркнейским и Шетландским островам и до острова Мэн и Ирландии. Второй маршрут из южной Ютландии вел вдоль Фризианских островов к устью Рейна и далее, к берегам Англии и Франции. Этот путь использовали даны.

Первая высадка викингов произошла в 796 году, а в IX веке один ирландский хронист жаловался на то, что «океан принес в Мунстер потоки чужеземцев, так что не осталось ни гавани, ни пристани, ни засеки, ни крепости, не занятых кораблями данов и пиратов». «Даны», на которых ссылаются ирландские источники, были

на самом деле по большей части норвежцами, и разделенная Ирландия представлялась этим северным мародерам заманчивой добычей. На знаменитых длинных кораблях викинги пересекали океан и доплывали до Средиземноморья, доходили до Исландии (870) и даже добрались до Нового Света. И куда бы ни шли, они оставляли после себя в Ирландии разграбленную землю и уничтоженные христианские святилища. Яркое воспоминание об ужасе, который они вызывали, можно разглядеть в сохранившихся «круглых башнях», например, в Клонмакнойсе. Башни эти служили и дозорными постами, откуда звучал набат, и убежищами для монахов (богатые монастыри были любимой целью викингов). Вход в круглую башню располагался выше уровня земли, и, когда раздавался набат, монахи и жители укрывались внутри и поднимали за собой лестницу.

Чаша из Лрдага — лучший образец работы по металлу VIII в.

Первые нападения

В первые сорок лет (795-830) набеги викингов были нерегулярными и краткосрочными. В 795 году они напали на общины Колумбы на островах Айона, Ратлин, Инисмуррей и Инисбофин. За этими нападениями в 798 году последовал рейд на остров Святого Патрика, возле Скерриз в графстве Дублин. Везде захватчики действовали по одному образцу: жгли монастыри и похищали домашних животных, таким образом обеспечивая себя крупным рогатым скотом.

В 802 году Айона пострадала снова, а рейд 806 года заставил монахов Колумбы сменить место жительства. Они решили из соображений безопасности перебраться в новый «город Колумбы» за двадцать миль от берега, в Келлсе, графство Мит. Имя городу дала знаменитая «Келлская книга». Набеги продолжались и в 820-х годах, а к 823 году викинги обогнули остров и год спустя напали на отдаленную общину на скалистом острове Скеллиг Майкл.

Ирландия в опасности

После 836 года викинги стали действовать по-другому. Они впервые совершили рейд в глубь острова, на территорию, управляемую южными Уи Нейлами, и взяли в рабство много людей. Согласно местным анналам, этот набег — «самый жестокий из всех, что совершали язычники на землю Коннахта».

Следующий год оказался еще хуже. В водах Война и Лиффи появился флот численностью около шестидесяти кораблей. Викинги разграбили окружающие земли и одержали победу над южными Уи Нейлами. Три года спустя викинги явились на Лох-Ней, самое большое озеро Ирландии, где высадились на берег и разграбили окрестные монастыри.

Логичным следствием этих вторжений стали поселения. Началось все зимой 841/842 года. Тогда флот викингов впервые зазимовал в Дублине (викинги осели там навсегда и приняли ирландское название Dubb Linn, или «Темный пруд»). Напоминания о первоначальном поселении викингов сохранились на кладбище в дублинском районе Килмайнхам. Там обнаружили могилы викингов,

датированные IX веком.

К тому времени нападения викингов значительно участились, и возникла опасность, что они покорят весь остров. На их стороне были сила и флот, благодаря которому они могли перемещаться по всем годным к навигации водным путям, таким как реки Бойн, Лиффи, Шеннон и Эрн. Воинственные ирландские королевства столкнулись с общей угрозой, однако и это их не объединило. Более того, междоусобицы спасли Ирландию: современный историк Майкл Рихтер считает, что именно политическая разрозненность Ирландии помогла острову спастись от завоевания. У унитарного государства один центр, а у расколотой страны таких центров много.

Ирландский ответ

Гэльские ирландцы (в VIII веке коренных ирландцев называли гэлами) были не из тех людей, что отступают перед угрозой. Уже в 811 году гэльские хронисты зафиксировали расправу над викингами в Уладе. На следующий год викингам досталось в графстве Мэйо. В Манстере король из рода Эоганахтов Лоха Лейн дал отпор еще одной шайке налетчиков. Проблема состояла в том, что гэльская доблесть была спонтанной, не проявлялась в общенациональном масштабе.

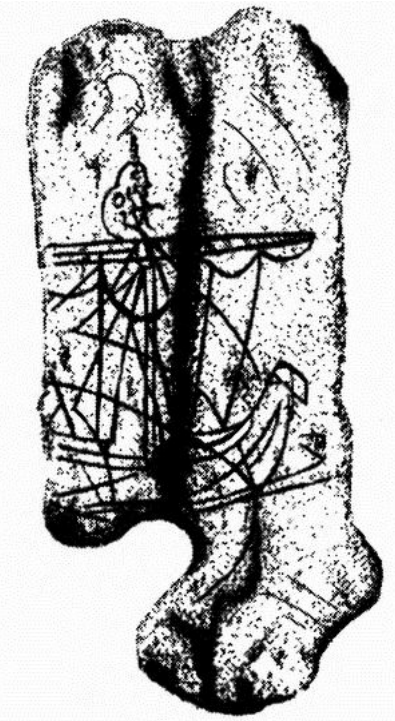
Священники в войнах с викингами также выказали себя бойцами. В 845 году например, аббат Терригласса и помощник аббата из Килдейра погибли в бою против захватчиков (традиция воинов-священнослужителей в католической церкви продолжалась вплоть до правления папы Юлия II (1503-1512), который регулярно сражался с соперниками, итальянскими принцами). Викинги и сами не щадили духовенство: в том же году в Манстере они захватили в плен аббата Армы Фораннана.

К середине столетия опасность начала убывать. Хотя в 849 и 851 годах корабли викингов

появлялись в водах Ирландии, в целом северяне сосредоточились на Англии. Англосаксонский хронист молил: «От ярости северян, о Боже, убереги нас».

Еще одним фактором, отвлекавшим викингов от покорения Ирландии, стала междоусобица. В конце 840-х годов в ирландские воды вошел большой флот данов, колторые не замедлили схватиться с норвежцами. В сражении на озере Стрэнфорд приняли участи сотни кораблей, и норвежцам пришлось вызвать подмогу, чтобы укрепить свои поселения в Ирландии и на Гебридских островах.

Во второй половине IX века набеги «остманов» (как они сами себя называли) происходили уже от случая к случаю. К примеру, в 879 году викинги, разбившие лагерь на берегу залива Карлингфорд-Лох, напали на Арму. В 898 году город снова был атакован, на сей раз с залива Лох-Фойл. В 900 году на озере Лох-Ней появилась еще одна флотилия викингов.



Этот рисунок обнаружен в деревянном доме при раскопках в Дублине. На рисунке изображен впередсмотрящий на корабле

Викинги нападают снова

Передышка продлилась до второй декады X века, но в 914 году в южной части графства Уотерфорд появился большой флот викингов. В 915 году другой отряд вторгся в Уэксфорд и принялся грабить провинции Лейнстер и Манстер. Это событие подвигло на ответные действия верховного короля династии Уи Нейлов, Ниала Гландуба, который двинулся в Манстер. Впрочем, викинги не собирались отступать, и в 919 году Гландуб и многие его соратники погибли в бою. В 925 году викинги захватили Дублин; это был их реванш за поражение 902 года, когда викингам пришлось покинуть город.

В последующие два десятилетия викинги фактически правили островом, однако местные правители то и дело предпринимали походы на Дублин, Лимерик и Уотерфорд. После 950 года набеги викингов на Ирландию почти прекратились.

Наследие викингов

Современные историки спорят о влиянии викингов на Ирландию. Большинство считает, что вторжение викингов расшатало старое ирландское общество и особенно плохо отразилось на церкви.

ЦЕРКОВЬ

Этот взгляд оспаривается некоторыми ирландскими историками: так, О'Корриан утверждает, что монашеская жизнь, без сомнения, пострадала от вторжений викингов, однако позиции христианства в Ирландии остались неизменными. Несмотря на близость к Дублину таких монастырей, как Суордс, Гласневен, Крамлин и Килменхэм, их не тронули. Эта современная гипотеза опровергает тезис профессора Бинчи из Тринити-колледжа в Дублине о разрушении старого ирландского общества: указанное общество распалось гораздо раньше набегов.

Впрочем, в том, что набеги викингов повергали в ужас и простых людей, и священнослужителей,

нет никаких сомнений. Нетрудно представить страх, который внушали свирепые воины; можно вообразить, как напуганные монахи при виде врага спешили укрыться в своих круглых башнях. Атмосферу того времени передают стихи монаха IX века:

Сегодня ветер яростный рвет белую пену моря. Хвала Небесам за бурю, что викингов отпугнула.

В целом историков поражает стоицизм ирландских монахов: на буйства викингов они жаловались куда меньше, чем их континентальные соседи. Эдвард Джеймс отмечал также, что лишь немногие ирландские ученые монахи предпочли покинуть остров и укрыться в более спокойной гавани, при дворе Каролингов во Франции. Полного уничтожения монастырей, как в Англии, в Ирландии не было.

ЭКОНОМИКА

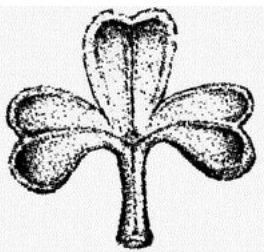
Викинги оказали и положительное влияние на страну. Они реформировали ирландскую экономику, построили процветающие морские порты, такие как Дублин, Уэксфорд и Уотерфорд. В IX-XII веках Дублин стал одним из богатейших городов Западной Европы. Недавние раскопки позволили

оценить размах старинного «Темного пруда». Еще одной чертой эпохи викингов явились золотые и серебряные изделия. При раскопках захоронений того же периода в Шотландии таких артефактов не находили. Проще говоря, викинги урбанизировали Ирландию, до 795 года остававшуюся сугубо сельской, а также дали ей корабли, необходимые для торговли с остальной Европой.

В прочих отношениях влияние викингов на Ирландию было не столь значимым, как на Англию или Францию. Возможно, их набеги ускорили падение манстерской династии Эоганахтов; правда, такое предположение требует более глубокого анализа. Даже в ту пору Манстер находился в надежных руках — это были времена решительных вождей клана Дал Каис (позднее — О'Брайены). Политическое влияние викингов было слабым. Для сравнения можно привести Англию: там против викингов восстал только Уэссекс, и король Альфред (871-899) на протяжении всего своего правления воевал не на жизнь, а на смерть с предводителем викингов Гутрумом. А вот Ирландией викингам, таким как король Кнут, в отличие от Англии, править не довелось.

ЯЗЫК

Лингвистическое наследие так называемых «остманов» тоже невелико: ирландскому гэльскому они оставили самое большее пятьдесят норвежских слов, причем почти все эти слова связаны с торговлей и коммерцией. Так, например, ирландские слова bad (лодка), stiuir (руль) и dorgha (удочка) имеют норвежские корни, как и margad (рынок) и schilling (шиллинг). Однако, пусть норвежских заимствований и немного, они созвучны эпохе, в которую мародеры и бандиты подарили Ирландии первые города.



ГЛАВА 4
От Бриана Бору к Стронгбоу, 951-1169 годы

Имя Бриана Бору столь же знаменательно для ирландской истории, как и имена короля Альфреда и Роберта Брюса для истории английской и шотландской. Это имя — главное в истории Ирландии от окончания набегов викингов до англо-норманнской интервенции.

Восхождение Бору

Своему восхождению к власти Бриан Бору (по-гэльски Бриан Борума) обязан традиционной междоусобице в ирландских королевствах. Междоусобная борьба не прекращалась даже во время набегов викингов. Бриан приобрел власть благодаря упадку династии Эоганахтов и возвышению Дал Каисов из Северного Манстера. Падению же Эоганахтов способствовали набеги рода Уи Нейлов на севере, а также то, что Дал Каис овладели важным в стратегическом отношении устьем Шеннона. Отец Бору умер в 951 году, и после его смерти Бриан мог называть себя «королем Северного Манстера», но пройдет еще четверть века, прежде чем он станет притязать на титул верховного короля Тары (ему пришлось ждать своей очереди и в Манстере, поскольку первым по праву старшинства престол наследовал его брат Махон). Династические войны разгорелись не на шутку между 940 и 970 годами.

В центре этой вражды стоял клан могущественных Уи Нейлов. Прежде война шла между северной и южной ветвями самого клана, затем они стали бороться с другими династиями за

легендарный титул верховного короля. Поначалу победа, казалось, достанется северным Уи Нейлам и их королю Домналлу (956-980). Тот подчинил себе южную, младшую ветвь клана и поставил гарнизон в Мите (в первой главе этой книги упоминалось, что в ранней истории Мит часто называли пятой провинцией Ирландии). Однако победа севера над югом оказалась кратковременной, и о своих правах на титул верховного короля Тары заявил последний король из рода Уи Нейлов — Маел Сехнейл II. Он происходил из южной ветви семьи. Сехнейл стал главным соперником Бору в борьбе за власть в последние годы X века.

Восхождение Бору к трону происходило в обстоятельствах, типичных для тех бурных времен. Его брат был убит, и первым действием Бору стала месть убийцам. Он считал виновниками гибели брата «остманов», викингов из Лиме-рика (сам Бриан происходил из мест, которые ныне относятся к графству Клэр). Способы, которыми он воспользовался для осуществления мести, показывают, что, каковы бы ни были достижения Бору, ангелом его назвать трудно. Король Лимерика Имар и его сыновья (все они были христианами) вынуждены были спасаться в

монастыре на острове Скаттери. Несмотря на признанное право любого человека искать убежища в церкви, Брайен убил их и вдобавок осквернил церковь, в которой спасались беглецы. В легендах о Бору стараются не упоминать этот эпизод.

Бору и его власть над Ирландией

Показав, что для наказания врагов он не остановится ни перед чем, Бриан Бору в последующие три года завоевал Ли-мерик и весь Манстер. Это, естественно, привело к конфликту с Уи Нейлами, считавшими себя главным кланом Ирландии. Первое столкновение произошло в 980 году при попытке Бору завоевать Оссари. Он привлек на подмогу викингов из Уотерфорда, которые обеспечили ему морскую поддержку. С помощью нового союзника Бору подчинил маленькие королевства и монашеские города Манстера, после чего бросил Уи Нейлам вызов в Лейнстере и Коннахте.

Верховный король Уи Нейлов Мael Сехнейл II попытался остановить Бору. Ему это не удалось, и в 997 году два вождя встретились в Клонферте и договорились разделить остров между собой. Это соглашение оставило за Бору провинцию Лейнстер, его родной Манстер и старое поселение викингов — Дублин.

Похоже, с прошествием времени правление Бору сделалось обременительным, потому что в 999 году дублинцы и жители Лейнстера устро-

или мятеж. Бриан Бору показал себя отменным военачальником: он одержал победу над мятежниками Лейнстера при Гленн Мама и взял в плен их короля. За этим успехом последовала зимняя кампания против Дублина. Бору захватил город, разграбил и сжег крепость, а правителя викингов, Сигтрюгга Шелкобородого, принудил сдаться. Затем, согласно историку О'Корриану, он «постепенно и решительно распространил свое влияние на всю страну». К тому моменту и викинги Дублина, возможно, принесли ему клятву верности.

Своей власти Бору добивался постепенно. Известно, что в 1006 году он смог совершить поездку на север, доказав, что уничтожил там влияние У и Ней лов. К 1011 году Бору сделался верховным королем всей Ирландии. И все же, как отмечает историк Майкл Рихтер, восхождение Бору к власти «повсюду было воспринято с подозрением». Учитывая фракционность ирландской династической политики, удивляться этому не приходится. Взаимоотношения с Лейнстером особенно ухудшились в 1012 году. Король Лейнстера Мael Морда, побежденный десять лет назад при Гленн Мама, жаждал реванша.

В 1013 году Мael Морда, пытаясь одолеть Бору,

заключил союз с викингами острова Мэн и ярлом Сигурдом, правителем Оркнейских островов. Этот союз напугал короля Маела Сехнейла, и он отказался от своего (явно вынужденного) альянса с человеком, на которого Уи Нейлы смотрели как на выскочку. Реакция Бору была типичной для этого правителя: он послал своего сына Мурхада напасть на Лейнстер. Мурхад опустошил провинцию вплоть до Глендалуга и встал лагерем в Килменхэме под Дублином. Здесь в сентябре 1013 года к нему присоединился Бору, однако объединенные силы не преуспели — осада города продлилась до Рождества.

СРАЖЕНИЕ ПРИ КЛОНТАРФЕ

Сняв блокаду Дублина в конце года, на следующий год Бору повел войну против объединенных сил Лейнстера и викингов с Оркнейских островов и Мэна. Решающее сражение произошло в Клонтарфе, пригороде Дублина, на северном берегу реки Лиффи в страстную пятницу 1014 года. Если верить анналам, битва была на редкость кровопролитной, и, хотя армия Бору одержала победу, сам он был убит. Погибли также Мael Морда из Лейнстера, ярл Сигурд с Оркнейских островов и

сын Бору Мурхад.

Сражение при Клонтарфе стало сюжетом многих ирландских и норвежских саг, однако вопреки мифам, которыми изобилуют популярные исторические книги и путеводители, Клонтарф не оказался вехой, определившей окончательную победу ирландцев над викингами. Это сражение отнюдь не уничтожило власть викингов в Ирландии. Клонтарф имел важное значение для истории династических войн в Ирландии, поскольку положил предел попыткам Бору установить власть над всем островом. После гибели Мурхада остался в живых лишь один сын Бору, Донох. Рихтер отзывается о нем как о «бесславном наследнике». Донох умер в 1064 году во время паломничества в Рим. Хотя Бору дал свое имя знаменитому клану О'Брайенов, их династия просуществовала недолго.

БОРУ И ЦЕРКОВЬ

Несмотря на осквернение монастыря на острове Скаттери, Бриан Бору, как и все честолюбивые короли Тары, хорошо сознавал необходимость церковной поддержки. Своего брата Маркана Мак Кеннетика (умер в 1010 году) Бору назначил

аббатом Киллалои, Терригласа и Маунтшеннона. В 1005 году Бору целую неделю провел в Арме, после чего, впервые со времен святого Патрика, признал это графство архиепископством, то есть центром ирландского христианства. Церковное одобрение было подкреплено щедрым даром двадцати унций золота, оставленных Брианом Бору на алтаре собора. «Книга Армы» назвала Бору после его смерти «imperator Scotorum», императором ирландцев (латинские тексты часто называли ирландцев «скоттами», то есть шотландцами).

ДОСТИЖЕНИЯ БОРУ

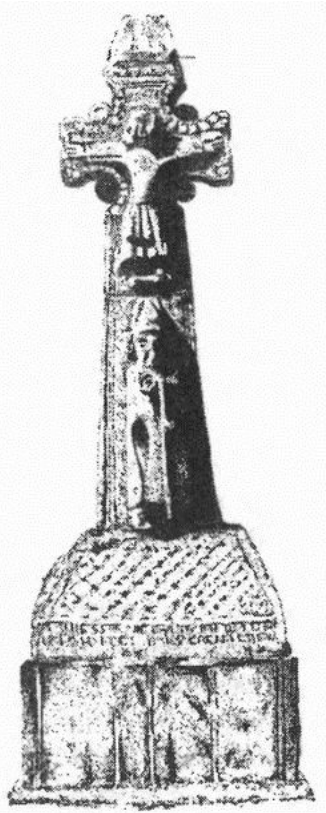
Если оставить в стороне хвалебные саги, каковы же были реальные достижения Бриана Бору, короля Дал Каис и почти настоящего верховного короля Ирландии? Во-первых, он положил конец притязаниям Уи Нейлов на этот высокий титул. Во-вторых, в правление Бору установилась новая модель перехода власти в провинциях, описанная в местных анналах эвфемизмом: провинции управляются королем Ирландии «совместно с оппозицией» (ri co fresabara).

Эта модель, просуществовашая вплоть до

англо-норманнского вторжения 1169 года, повысила значение знатных ирландских семей. Если О'Нейлы считали, что происходят от Ниала Гланду Мак Аэда (X век), то О'Тулы называли своим предком Туатала Муиредайга (умер в 917 году), а О'Конноры вели свое происхождение от Конхобара (967-973), одного из «старых королей». К XI веку эти семейные фамилии широко распространились в Ирландии.

Возрождение Аейнстера

Гибель Бриана Бору при Клонтарфа означала окончание затеянной им централизации. Возродились провинциальные династии, особенно в Лейнстере. В этой провинции при короле Диармайде Мак Маеле (1032-1072) усиление было весьма заметным, и Диармайд претендовал на титул верховного короля. Анналы называют его «королем Ирландии, правившим совместно с оппозицией». На самом деле возвышение Диармайда (Дирмеда) означало возврат к более ранним временам, потому что его семья, Уи Чейнселейг, последний раз правила в Лейнстере в 738 году. В соответствии с местными законами У и Чейнселейги навсегда потеряли право на трон Лейнстера. Тот факт, что Диармайд снова стал на него притязать, доказывает, что ирландские провинции все же проявляли определенный прагматизм в отношении к своим правителям.



Высокий крест в Дайсерт О'Ди — возможно, подарок королей О'Брайенов из Манстера. Украшен барельефами, с торца и по бокам вырезаны

изображения животных и цветов

О'БРАЙЕНЫ

Хотя амбиции Бриана Бору на правление всей Ирландией погибли вместе с ним при Клонтарфе, король оставил достойное потомство. К 1063 году сын Мурхада и внук Бриана Тойрдельбах Мак Тадг Уа Бриан (О'Брайен) добился высокого положения в Манстере. С 1072 по 1086 год он был королем, «правившим совместно с оппозицией». Он действительно управлял Лейнстером, графством Мит и Коннахтом. А его сын Муирхертах (1086-1119) сделался королем старого владения викингов — Дублина.

В ту пору О'Брайены в значительной степени утратили влияние в родной провинции Манстер, им повиновались на территории вокруг Томонда (Туадмуму), тогда как южная половина провинции вокруг Десмонда (Десмуму) стала подчиняться Маккарти. Региональные распри, столь типичные в период возвышения Бору, возобновились после его смерти.

Ирландия в 1100 году

О том, как Ирландия выглядела в начале XII века, можно узнать из сохранившихся фрагментарных свидетельств. Это совокупность документальных и археологических данных. Самым важным документом, конечно же, является едва ли не единственное свидетельство иностранного источника. Оно принадлежит Джеральду Валлийскому (1146-1223), который провел в Ирландии целый год.

Джеральд написал две работы об Ирландии — «География Ирландии» и «Завоевание Ирландии». Первая книга суха, но очень важна, поскольку дает реальное описание ирландской топографии за несколько столетий и к тому же содержит историю Ирландии с древних времен до XII века. В ней также представлен перечень чудес страны. Вторая книга намного интереснее. Джеральд, кажется, верил во все то, что ему рассказывали коренные ирландцы и, поскольку он считал, что Ирландия находится на обочине цивилизации, то полагал, будто в ней возможно что угодно. Например, он описывал диковинных существ — наполовину людей, наполовину

животных, рыб с золотыми зубами и нетленные трупы. Ну просто современные фильмы ужасов! Можно сделать вывод, что Джеральд, уверенный в превосходстве британской цивилизации, пал жертвой местных преувеличений.

Ценность второй книги Джеральда состоит в том, что в ней изложена история первых десятилетий англо-норманнского завоевания, единственная из уцелевших, не считая анонимной хроники того периода под названием «Песнь о Дермоте и эрле».

Деревянная набережная

Более реалистический образ Ирландии XI-XII веков рисуют остатки деревянной набережной Дублина, обнаруженные в ходе недавних археологических раскопок. Они позволили создать довольно точное представление о том, как менялось старое поселение викингов.

Особенное впечатление производит контраст разных слоев раскопок. В то время как в слое X века обнаружили золотые, серебряные и стеклянные реликвии скандинавского происхождения, слой XII века содержит оловянные и бронзовые предметы северофранцузской и норманнской работы. Это археологическое свидетельство доказывает, что к XII веку Дублин торговал с южной Англией и Францией, в то время как в более ранний период по Северному морю сюда приплывали скандинавы. Из этого также можно сделать вывод, что остров имел торговые связи с англо-норманнским миром до вторжения 1169 года. Интересно, однако, что остатки кораблей того времени, обнаруженные на Деревянной набережной, лишены норманнского влияния. В Дублине все еще правили викинги, хотя здешние

владетели и заключали браки с местными кланами (вследствие чего определить точную степень скандинавского влияния невозможно). Из протяженности Деревянной набережной следует, что границы Дублина тянулись к северному берегу реки Лиффи и что к середине XII века город был окружен каменной стеной. Северный берег был известен как Оксмантаун (дословно — «город останов»).

Во время раскопок многое узнали о плетеных стенах и оштукатуренных крышах домов, в которых в те времена жили дублинцы: эти строения существовали не более двадцати лет, после чего их сносили и строили новые. Домики были тесные, площадью не более двенадцати на восемнадцать футов, с единственной печью. Спальные места устраивались возле стен, в середине помещения оставляли свободное пространство. Тем не менее историки сделали вывод, что Ирландия той поры была значительно развитой страной, вопреки утверждениям Джеральда Валлийского. И все же здесь преобладала сельская экономика, а достаток человека оценивали по поголовью имевшегося у него скота. Из хроник мы узнаем, что вол стоил три унции серебра. Серебро рассматривали исключительно как единицу расчета, вол был

главным богатством. По этой причине падеж скота, охвативший всю Ирландию в 1133-1134 годах, стал настоящей катастрофой.

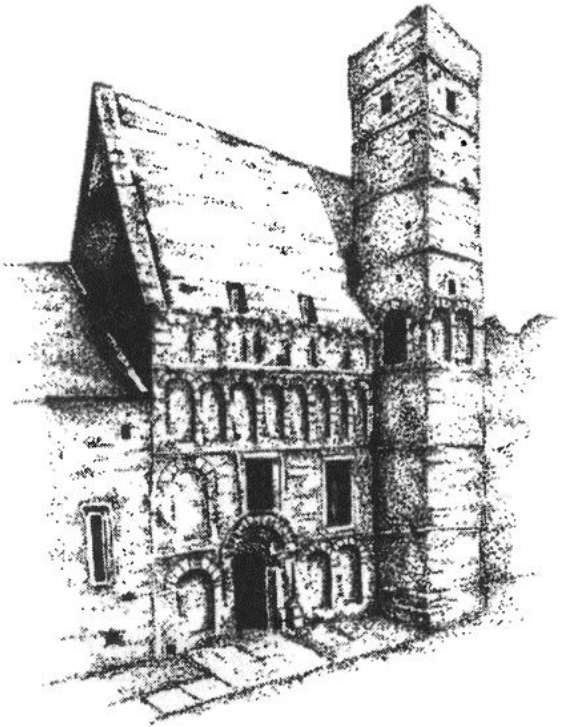
Реформа ирландской церкви

Традиционная Ирландия сохраняла свои экономические императивы, а ее церковь по-прежнему славилась своей ученостью. Реформы XII века родились дома, и неправы те, кто приписывает их викингам.

Некоторые историки утверждали, что усиление связей с Римом разрушило местную науку и традиции, но современные исследователи опровергли эту точку зрения. При этом связи с Римом действительно крепли с начала XI века. В 1028 году например, король Ситрик (Сиггтрюгг) из Дублина (обратите внимание на норвежское имя) пустился в паломничество в Рим, в то же столетие появилась гэльская книга «Betha Grighora» («Жизнь Григория Великого»). В книге утверждалось, что папа Григорий VII (1073-1085) был ирландцем, и его похоронили на одном из живописных Аранских островов, Инисмор, у западного побережья страны. Увы, этому факту нет ни одного подтверждения.

Еще одно утверждение гласит, что англо-норманнское вторжение вынудило ирландскую церковь провести реформу. Это очевидная

неправда: процесс церковных реформ начали ирландские короли, хотя и справедливо, что король Тойрдельбах О'Брайен переписывался с папой Григорием VII и Ланфранком, архиепископом Кентерберийским. Оба советовали ему изменить недопустимые (с точки зрения Рима) ирландские брачные законы. Англо-норманнское влияние на Ирландию несомненно, между 1074 и 1121 годами четыре сменявших друг друга епископа Дублина благословлялись из Кентербери. Однако верно также и то, что в XI веке первые так называемые «территориальные» епархии появились на территории поселений викингов, а именно в Дублине, Уотерфорде и Лимерике.



Часовня Кормака, названа в честь короля Манстера Кормака Маккарти. Заметно влияние английского романского стиля

Идея реформы возникла в Манстере в 1101 году, когда сын Тойрдельбаха Муирхертах сделал

Кэшел резиденцией нового архиепископства и лично председательствовал на заседании синода. К сожалению, не сохранилось письменных свидетельств о том, что обсуждалось на соборе, но мы можем предположить, что на повестке дня стояли брачные законы и общая реформа ирландской церкви. Наибольшее сожаление вызывает то, что невоможно установить, знали ли о синоде в Кентербери (а если знали, то советовали ли что-либо). Ирландские короли выступали также в роли покровителей архитектуры, заметным примером такого патронажа является часовня в Кэшеле, построенная в романском стиле Кормаком Маккарти, королем Манстера (1127-1134). Он был также другом святого Малахии, о котором будет сказано ниже.

СИНОД НА БРЕССАЙЛЕ

Спустя десять лет произошло более грандиозное событие. На очередном синоде председательствовал Гилберт, епископ Лимерика, благословленный и в Англии. На этот синод собрались примерно пятьдесят епископов, 300 священников и 3000 других клириков. Главным из принятых стало решение о создании двух по-

стоянных ирландских архиепископств в Арме и Кэшеле. Важно отметить, что Гилберт Лимерикский председательствовал на собрании в роли папского легата, демонстрируя тем самым растущее влияние Рима на ирландскую церковь, а вот скандинавских «территориальных» епископов (из Дублина и других поселений) на синод не пригласили.

МОНАСТЫРИ

Серьезные изменения наметились и в ирландских монастырях. Эти перемены связаны прежде всего с именем святого Малахии из Армы (1094-1148), друга Бернарда Клервоского, главного монашеского реформатора Франции. После смерти святого Бернард написал «Житие Малахии».

Малахии, похоже, не слишком хотелось наставлять паству, и он просил папу освободить его от епископальной службы — но безуспешно. Он был цистерцианским монахом. Известно, что Малахия основал первый в Ирландии цистерцианский монастырь в Меллифонте, графство Лаут. К 1172 году у монастыря появилось пятнадцать дочерних аббатств. Малахия познакомил Ирландию с учением святого Августина, и к 1170

году это учение исповедовали более шестидесяти ирландских общин.

СИНОД МЕЛЛИФОНТА

Следующую реформу осуществили на соборе в Меллифонте, первом монастыре Малахии. Произошло это в 1152 году, после смерти святого. На синоде снова председательствовал папский легат. От папы-цистерцианца Евгения III (1145-1153) он привез паллии (мантии архиепископа) для трех новых архиепископов Армы, Кэшела и Туама (Туам добавили к списку архиепископств на синоде Брессайла). На сей раз на собор пригласили и скандинавских епископов, а ирландской церкви придали ту структуру, которая существует по сей день.

Результаты реформ XII века

Отношение к этим реформам у историков неоднозначное. Некоторые считают их исключительно позитивными. Новые территориальные епархии, как уже отмечалось, стимулировали строительство каменных кафедральных соборов, таких как часовня Кормака в Кэшеле. Новые здания были просторнее и долговечнее своих предшественников. Их каменные руины и сегодня можно увидеть на ирландской земле. К концу столетия построили множество церквей, причем большинство возвели местные мастера. За синодом в Меллифонте последовала реформа старых монастырей, еще одна прошла в 1158 году: было решено, что древние монастыри, жившие до сих пор по уставу Колумбы, будут подчиняться аббату Дерри.

Другие историки оценивают реформы XII века негативно. В противовес старинной традиции Ирландии был навязан целибат, тем самым уничтожалось наследственное право управления монастырями и другими церковными общинами. Епископы забирали в свои новые территориальные епархии слишком много монастырской

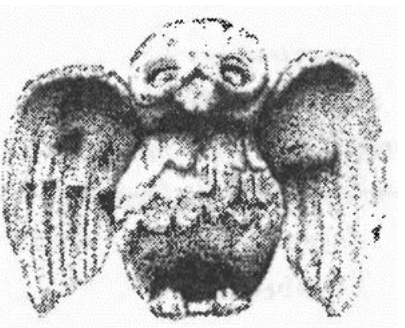
земли, поэтому некоторые крупные монастыри оказались низведенными до статуса простых приходских церквей. Вместе с ними сгинули и школы, которые они создавали, так что, по словам одного историка, реформаторы «уничтожили социальную, экономическую и культурную базу ирландского обучения».

В результате реформ, кроме того, ученые монахи вынуждены были присоединиться к так называемым мадригальщикам и образовать новый класс поэтов-бардов. Еще одним следствием реформ стало то, что бывшие клерикальные юристы сделались светскими и фактически заложили основу светских юридических династий.

И только в одном историки, кажется, пришли к полному согласию. Они ни в коем случае не оправдывают решения папы Адриана IV (1154-1159), разрешившего Генриху II (1154-1189), королю Англии и половины Франции, отправиться в Ирландию и «реформировать ее церковь». (Ирландские националисты не считают совпадением то, что Адриан был единственным английским папой.) Это разрешение зафиксировано папской буллой 1155 года «Laudabiliter», то есть «Достойная похвалы». Впрочем, разрешение значения не имело, поскольку ирландская цер-

ковь начала реформировать себя сама. Генрих прибыл в Ирландию лишь в 1171 году и совсем по другому поводу.

Наш рассказ подошел к судьбоносному повороту — англо-норманнскому вторжению 1169 года, через четырнадцать лет после «Laudabiliter». Графство Уэксфорд стало первой жертвой. В заливе Банноу, как говорится в старом английском стишке, Ирландия пала и была завоевана.



ГЛАВА 5
Норманнское завоевание, 1169-1300 годы

Норманнскому завоеванию Ирландии, начавшемуся в мае 1169 года, раздробленность страны и способствовала, и мешала. Помощь состояла в том, что норманны воспользовались ирландскими междоусобицами, а помеха заключалась в том, что, в отличие от Англии, у ирландцев не было центра управления, который норманны могли бы захватить.

Норманны воспользовались враждебным отношением Дермота Макмурро (1134-1171), короля Лейнстера, к Рори О'Коннору, королю Коннахта, и его союзнику, одноглазому королю Брейфни Тигерану О'Рурку. В 1166 году Рори О'Коннор стал верховным королем Тары, сместив Маклулина, верховного короля «с оппозицией», занимавшего трон с 1156 года. В 1152 году О'Коннор и Макмурро начали оспаривать друг у друга относительно богатую сельскую провинцию Мит. Макмурро поддерживал притязания Маклулина на титул верховного короля, а О'Коннор ему возражал. О'Рурк ненавидел Макмурро, соблазнившего в

1152 году его жену (неизвестно, правда, сильно ли сопротивлялась соблазнителю леди Деворгилла).

Восшествие на престол О'Коннора (1166-1186) поставило Макмурро в опасное положение, поскольку к его врагам присоединилось население Дублина. Дублинцы позволили управлять собой из Лейнстера. Они убили отца Макмурро и, согласно легенде, похоронили его труп под полом зала заседаний вместе с дохлой собакой. Осажденный врагами, Макмурро обратился за помощью к Англии. Междоусобный конфликт в Ирландии дал норманнам шанс, подобный тому, что представился им в Англии в 1066 году.

Отношение англо-норманнов к Ирландии

С Ирландией Англию связывали не только церковные отношения, у англичан имелись и другие интересы. Между Честером, Бристолем и Дублином шла оживленная торговля, хотя хронист Уильям Мальмсберийский снисходительно писал: «Что бы представляла собой Ирландия, лишись она торговли с Англией?» Известно также, что во времена Вильгельма Завоевателя (1066-1087) и Генриха I (1100-1135) в Англии шли разговоры о вторжении в Ирландию.

Ситуация усугубилась после восшествия на престол первого Плантагенета, короля Генриха II (1154-1189). Папа Адриан IV подарил ему золотое кольцо с изумрудом как символ права Генриха и его наследников управлять Ирландией. Адриан поступил так на основании так называемой «донации Константина» (750). Она якобы делала папу хозяином всех островов на море. Ирония судьбы в том, что именно папство, к которому ирландцы были лояльны на протяжении столетий, инициировало вторжение, положившее конец их независимости. Но в 1154-1155 годах Генриху

было не до Ирландии, и вторжение отложили почти на два десятилетия — пока с просьбой о помощи не прибыл Макмурро.

Он сделал это, лично посетив Францию, и повидался с Генрихом, у которого там были большие земельные владения. Без сомнения, английский король запомнил голос Дермота Макмурро (по преданию, тот охрип, отдавая команды в пылу боя), но не захотел воевать с О'Коннором. Тем не менее Генрих позволил Макмурро рекрутировать своих рыцарей. Используя Бристоль как базу, Макмурро успешно привлек баронов Марки (тех, кто охранял границу между Англией и Уэльсом). Главным его успехом был союз с Ричардом Фитцгилбертом Клэром из Пембрука, известным как Стронгбоу (1130-1176). Другими «рекрутами», прославившимися в истории, стали норманны Фитцгенри, Барри и Фитцджеральды, а также фламандцы Рош и Синнот. Многие из этих солдат удачи были сыновьями обедневших благородных семей.

Осенью 1167 года Макмурро вернулся в Ирландию, но его встретили объединенные силы О'Коннора и ОТурка, и потому он обратился за помощью к норманнским союзникам. В Уэксфорде высадился небольшой экспедиционный отряд

под командой Робера де Барри, а на следующий год сюда прибыли значительные подкрепления.

Нашествие Стронгбоу

1 мая 1170 года де Клэр, или Стронгбоу, высадился со своими рыцарями в заливе Банноу, у юго-западной оконечности графства Уэксфорд, и построил огромный крепостной вал, перегородивший мыс, на котором норманны встали лагерем. Затем по мысу, как по мосту, прошли норманнские подкрепления. Вал можно видеть и сейчас, через восемьсот лет, пусть он и порос вереском и ежевикой.

Кем были захватчики? Вопрос не праздный: современный ирландский поэт Томас Кинселла, воспитанный в ирландской националистической традиции 1930-х годов, признался недавно, что не знал, что захватчики говорили по-французски, а не по-английски.

Печать Стронгбоу с изображением англо-норманнского всадника

Историки тоже ломали голову над тем, кем считать Стронгбоу и его соратников — англо-валлийцами, англо-норманнами или даже камбро-

норманнами (Cambrensis — Уэльс). Поскольку они принадлежали к говорившему по-французски правящему меньшинству Англии, хотя и до некоторой степени англизированному, лучше использовать термин «англо-норманны». (Термин «англичане» в этом контексте слишком размыт, поскольку династия, правившая Англией после Генриха II, известна как Анжуйская, и сам он управлял половиной современной Франции.)

По той же причине несчастный Макмурро, которого часто называли преступником, заслуживает некоторого сочувствия. В мире, где национальные границы мало что значили (границы Ирландии установила сама природа), незазорно было призывать иностранную помощь. Сыну Генриха II Джону (1199-1216) противостояли бароны, просившие помощи Людовика, наследника французского трона.

ЗАВОЕВАНИЕ

С 1169 по 1171 год англо-норманнские захватчики одержали в юго-восточной Ирландии ряд легких побед. Во время первой экспедиции они захватили Уэксфорд, и О'Коннор предпринял отчаянную уловку — пообещал сделать Макмурро

королем Лейнстера, если тот отправит норманнов обратно. Вместо этого в Ирландию явились новые силы, и в сентябре 1170 года Стронгбоу захватил Уотерфорд, а потом и Дублин. После смерти Макмурро в 1171 году Стронгбоу сделался королем Лейнстера и, следуя договоренности, женился на дочери Макмурро Еве.

Победы англо-норманнов в Ирландии стали триумфом передовых технологий. Боевого духа ирландцам было не занимать, но у норманнов были вооруженные до зубов рыцари, их поддерживали прекрасно обученные валлийские лучники; ирландцы же по-прежнему использовались пращами, а на лошадь если и садились, то на неоседланную. Норманны захватывали территорию и тут же строили крепость, обычно на вершине холма (иногда насыпали искусственный), укрепленные дома обносили деревянными заборами. При этом, хотя изоляция Ирландии от остальной Западной Европы и привела к отставанию в воружениях и в итоге к поражению, власть англо-норманнов в Ирландии в первые два года была весьма шаткой.

Генрих II — король Ирландии

Сам Генрих II до 1171 года в Ирландии не появлялся, но затем, видимо, решил, что его вассал Стронгбоу может чрезмерно усилиться. Еще одной причиной, похоже, было убийство в декабре 1170 года Томаса Бекета, архиепископа Кентерберийского: в преступлении обвиняли самого Генриха, и Ирландия обеспечила королю удобное укрытие. Однако заявление Генриха о том, что он отправился воевать «во имя Христово», следует расценивать как лицемерие.

Стронгбоу принес присягу Генриху и в качестве награды получил Лейнстер. В 1172 году Генрих взял Дублин под свой протекторат и предоставил право «моему народу из Бристоля проживать в моем городе Дублине». Затем принял присяги королей юго-востока Ирландии и всего ирландского духовенстве в Кэшеле. Графство Мит он передал Хью де Лэйси. Только Коннахт и Ольстер остались относительно свободными, но в 1175 году, согласно Виндзорскому договору, Рори О'Коннор из Коннахта подчинился королю Англии, хотя ему и позволили управлять этими провинциями.

Завоевание Ирландии было завершено в 1177

году, когда Генрих признал Джона, младшего из своих четверых сыновей, «королем Ирландии». В 1174 году Генрих по настоянию папы Адриана IV, санкционировавшего завоевание Ирландии, публично покаялся в убийстве Бекета, а новый папа, Александр II, послал Генриху письмо, предписывавшее королю защищать ирландскую церковь, но не завоевывать весь остров. Генрих продолжал раздавать ирландские земли англо-норманнским лордам. Тот же совет в Оксфорде, который санкционировал передачу Ирландии принцу Джону, вручил Роберту Фитцстефену Корк, Лимерик был пожалован Филиппу де Браосу. Однако попытка Генриха в 1183 году заставить папу узаконить его притязания на всю Ирландию провалилась. Тем не менее, пока в 1199 году Джон не наследовал старшему брату Ричарду на троне Англии, перспектива создания двух независимых королевств Плантагенетов сохранялась.

То, что перспектива так и не стала реальностью, отчасти объяснялось грубым поведением принца Джона во время его визита в Ирландию в 1185 году. Историки спорят, сам ли он дергал за бороды вождей ирландских кланов, пришедших встретить его в Уотерфорде, или это сделал кто-то из его свиты. С уверенностью можно сказать, что

с тех пор в лояльности Джону никто из правителей провинций не клялся.

С Джоном в Ирландию прибыло второе поколение англо-норманнов, что вызвало недовольство людей, пришедших со Стронгбоу. В 1186 году местные ирландцы убили де Лэйси, а тех, кто пришел в страну в 1169-1170 годах, сместили приближенные Джона. Даже Джеральд Валлийский, которого никак не заподозришь в любви к ирландцам, был возмущен поведением новых нобилей, которые, писал он, «все время алчно рыщут по стране в поисках добычи и при этом не отличаются ни верностью сюзерену, ни непримиримостью к врагам».

Графство Ольстер

Были и исключения — к примеру, Жан де Кореи, один из немногих англо-норманнских нобилей, проявлявших интерес к старинным ирландским традициям.

Де Кореи прибыл в Ольстер в 1177 году с несколькими сотнями рыцарей и пехотинцев — по собственной инициативе, после того как ему поступило приглашение от одного из правителей Ольстера. В Ольстере, как и повсюду в Ирландии, англо-норманны имели значительное превосходство, хотя поначалу де Кореи несколько раз едва не расстался с жизнью. В 1178 году, например, он потерпел поражение в графстве Антрим, и до крепости в Каррикфергусе ему пришлось добираться пешком, потому что все его лошади были убиты в бою. Спасение зависело до некоторой степени и от умения заключать союзы с ирландцами и восточными ольстерцами. Но к 1185 году де Кореи начал чеканить полупенсовые монеты с изображением святого Патрика на аверсе и со своим собственным — на реверсе. Возможно, на это де Кореи вдохновило решение принца Джона сделать его главным землевладельцем и гра-

фом Ольстера. Однако, когда Джон унаследовал английский трон, де Кореи отказался ему присягнуть и открыто вступил в союз с ирландскими королями, такими как О'Конноры из Коннахта. За это де Кореи лишили графского титула и в 1205 году официально передали этот титул сыну Хью де Лэйси, тоже Хью.

В так называемом графстве Ольстер признаки англо-норманнского правления сочетались с теми, какие отличали его от графств Англии. Одним из таких признаков был motte, или насыпной холм, на котором строили дом правителя. В Ольстере до сих пор можно увидеть свыше ста таких холмов (впрочем, они разбросаны и по всей Ирландии — например, их можно увидеть в Клонарде). В Англии, по контрасту, motte служил опорой для башни, которую использовали только как убежище, в то время как лорд и его семья жили во внутренних покоях замка. Двор замка был достаточно большим, там обычно размещалась ферма (при раскопках в Ольстере этого не обнаружено). В Ольстере подобных дворов не было, за исключением замков на границе англо-норманнской территории, да и там дворы использовались исключительно в военных целях. У лорда не было фермы, поэтому и замки

на насыпных холмах строили исключительно в оборонительных целях. Эта форма замка в Англии к концу XII века исчезла, а в Ольстере — нет, поскольку провинция продолжала сражаться.

В других отношениях графство следовало норманнскому образцу. Его главные города, Каррикфергус, Даунпатрик и Колрейн, были построены в том же стиле, что и торговые города Европы, только были очень маленькими. В Каррикфергусе, столице графства, возможно, никогда не проживало более тысячи жителей. Купцов и ремесленников из Англии приглашали поселиться на землях Кореи.

Межнациональные браки, характерные для той эпохи, заключали и преемники Кореи, де Бурги. Одна из дочерей де Бурга вышла замуж за наследника английского трона, графа Глостера, а из двух их дочерей одна вышла замуж за Роберта Брюса (будущего короля Шотландии), а другая — за представителя рода Стюартов.

Тем не менее в XIII веке размеры Ольстера оставались крохотными. Графство было ограничено прибрежной полосой шириною не более пятнадцати миль, а графства Даун и Антрим оставались за его пределами.

Король Джон в Ирландии

Когда в 1185 году Джон (Иоанн) впервые приехал в Ирландию, хронисты отметили этот факт: «Иоанн Безземельный, сын короля саксов, прибыл в Ирландию». Иоанн, разумеется, не был сыном короля саксов, а прозвище получил за то, что у него не было собственной земли. В 1210 году он снова прибыл в Ирландию уже как король Англии — со всей пышностью, которую подразумевает этот титул. Король грубо обошелся с ирландскими нобилями и выдворил из Ольстера одного из них — Хью де Лэйси Младшего: тот оставался в изгнании до 1227 года. Особый гнев короля вызвал Уильям де Броас, обвиненный в распространении слухов о том, что Иоанн Безземельный убил собственного племянника, Артура Бретонского. Земли Уильяма были конфискованы, а жена умерла в тюрьме от голода. В 1210 году Иоанну принесли присягу все ирландские короли. Его посещение подчеркнуло важность регулярных визитов английских монархов в Ирландию. Тем не менее после его визита прошло почти двести лет, прежде чем в Ирландию вновь прибыл английский король — Ричард II. В этот

промежуток времени ни один ирландский король преемникам Иоанна присягу не приносил.

Графство Ольстер, 1300 г.

Такое положение дел сохранялось на протяжении всей средневековой истории Ирландии начиная с нашествия норманнов. Власть английских королей распространялась только на те территории, где правили их вассалы. Вне этих пределов ирландцы делали все, что хотели, по-

этому термин «завоевание» следует употреблять с осторожностью. На бумаге в XIII веке англо-норманнская знать завоевала три четверти Ирландии, на практике же их власть была довольно слабой. Насколько слабой, доказывает документ 1280 года: в нем крестьяне Саггарта, под Дублином, жалуются, что в предыдущие семь лет коренные ирландцы украли у них 30 000 овец, 200 голов крупного рогатого скота и 200 свиней. И произошло это под носом властей в Дублине.

Реакция ирландцев

Какова была реакция коренных ирландцев на норманнское завоевание? Прежде всего, шло культурное отторжение. Джеральд Валлийский писал, что против норманнских захватчиков использовали старинные пророчества, изреченные разнообразными ирландскими святыми и некогда обращенные против викингов. В 1214 году некий Аэд Освободитель заявил, что он — олицетворение одного из этих пророчеств. Но оказалось, что он шарлатан, вроде Перкина Уорбека (о нем позже) или русского Лжедмитрия.

Тем не менее до нас дошли некоторые документы, из которых можно понять горечь ирландцев, вызванную нашествием. Приведем фрагмент стихотворения XIII века, в котором осуждается убийство Тигернана О'Рурка:

Бесчисленны их пороки,
Их воины злобные, и копья острые,
И каменные их дома.
Но пусть мните вы, мужи ирландские,
Что велика чужеземцев мощь,

Поведал мне светлый ангел:

Сыны Брейфне отомстят за Тигернана!

Стихотворение исполнено ненависти к чужакам, к «их каменным домам», в нем выражена уверенность в том, что Бог поможет Ирландии отомстить захватчикам. Несмотря на нашествия иноземных оккупантов, ирландцы сохраняли свою культурную и религиозную идентичность.

Помимо культурного отторжения, была и вооруженная реакция на вторжение Стронгбоу. Сопротивление продолжалось и во второй половине XIII века. Затем последовал период притворного спокойствия: ряд ирландских правителей, известных — как выразилась историк Кэтлин Симмс — разве что продолжительностью нахождения у власти, присягнули английскому королю. За это им как вассалам короны позволено было распоряжаться своими землями. Среди этих правителей были Катал О'Коннор из Коннахта (1195— 1224), Аэд Медит О'Нейл из Тир-Эогайна в Ольстере (1198-1230) и Донауг О'Брайен из Тормонда (северный Манстер) (1210-1242). Тем не менее к середине века возмущение ирландцев против колонизаторов выплеснулось наружу. В

1257 году Тадхейг О'Коннор напал на чужаков, вторгшихся в его Тормонд, а в соседнем Десмонде Фингхин Маккарти сжег приграничные замки, построенные вокруг его сужающегося королевства англо-норманнами. В 1261 году в бою на реке Фингхин победил Джона Фитцтомаса и его сына, но плоды победы пожать не успел, потому что в том же году был убит, а на трон короля Десмонда взошел более сговорчивый Донал Маккарти. Возникшие проблемы наследования временно приостановили экспансию англо-норманнов на юго-запад.

Способность постоять за себя позволила уцелеть многим ирландским кланам. Выжить удалось О'Коннорам в Коннахте и О'Нейлам в Ольстере, а в 1258 году ирландцы даже объявили Бриана О'Нейла верховным королем. Ничего хорошего это ему не принесло: за неслыханную дерзость (именно так восприняли в Англии притязания на титул «короля королей» Ирландии) Бриану отрубили голову и послали ее королю Генриху III (1216-1272). Произошло это в 1260 году, после поражения О'Нейла от англо-норманнских колонистов в битве при Даунпатрике. С тех пор никто из коренных ирландцев не осмеливался более претендовать на титул верховного короля

Тары.

Тем не менее во второй половине столетия норманнская власть постоянно ощущала угрозу: ирландские короли выжидали удобного момента, чтобы переломить ситуацию в свою пользу.

ФИЦДЖЕРАЛЬДЫ (ДЖЕРАЛЬДИНЫ)

Самой крупной англо-норманнской аристократической семьей в XIII веке были Фицджеральды (первоначальное написание — Фитцджеральды), чьи предки в 1170 году прибыли в Ирландию вместе со Стронгбоу. Морис Фицджеральд, барон Оффали, был юстициаром (политическим и судебным чиновником при короле) с 1234 по 1245 год. Опираясь на могущество короны, он расширял собственные владения в Ирландии. В этом он так преуспел, что Джеральдинам достались большая часть графства Слайго и, сверх того, обширные поместья в Мэйо, Голуэе и Ольстере (хотя и без согласия де Лэйси). Морис Фицджеральд даже притязал на графство Ферманах и в 1252 году построил замок в Белеке, а у его родственников имелась земля в Лимерике и Лейнстере. Но после его смерти эти владения забрал местный ирландский король Джеффри О'Доннелл. Город

Слайго, построенный Фицджеральдом, также был уничтожен людьми О'Доннелла. Даже величайшие магнаты были уязвимы перед ирландскими мятежами.

КЕРНЫ

Со временем англо-норманнские захватчики ассимилировались и усвоили ирландские обычаи, как когда-то викинги. Этот процесс начался с военной сферы: англо-норманны переняли у ирландцев методы ведения боя. Следуя совету Джеральда Валлийского, они начали носить более легкую амуницию и даже ездить на лошадях без седла, научились пешими сражаться в ирландских болотах.

А ирландцы принялись сдавать воинскую доблесть в аренду новым правителям. Таких наемников называли «кернами». Это были отряды человек в двадцать, легковооруженные и быстрые. Их рекрутировали англо-норманнские бароны. В мирное время они представляли опасность, потому что ради выживания занимались мародерством и грабежом.

У самих норманнов солдаты («руты», по-гэльски «сершенейх») были тяжело вооружены,

ирландские короли, в свою очередь, нанимали их для участия в своих войнах. Постепенно те и другие стали практически неразличимыми, и на иллюстрациях XIII века ирландские вожди носят кольчуги и блузы.

СКОТТЫ

С появлением скоттов ирландские войны стали космополитическими. Наемников называли «галлоглассами» (gall o glaigh — чужеземные воины), некоторые из них навсегда остались в Ирландии. Например, король Лейнстера Аэд нГалл был известен как «Аэд Иноземцев», потому что в 1259 году он женился на дочери Дугала Макрори, короля Гебридов, и она привезла с собой в Ирландию 160 галлоглассов. Интересно, что «чужестранцами» называли именно скоттов; из этого следует, что англо-норманнов признали своими. Вскоре они сами начали думать о себе как об англо-ирландцах. Морис Фицджеральд, дядя Джеральда Валлийского, будто бы говорил: «Для англичан мы ирландцы, для ирландцев — англичане». Так что отличительные черты англо-норманнов и местных ирландцев к середине XII века практически стерлись.

Политическое устройство Ирландии после завоевания

К концу XIII века Ирландия обрела новую политическую структуру. Земли английской короны поделили на графства, ими управляли королевские чиновники. История этих графств показывает, как власть короны постепенно распространялась с восточного побережья — Дублин (1190), Корк и Уотерфорд (1207), Манстер, Типперрери, Лаут (1211), Керри (1233), Коннахт (1247), Роскоммон (1292), Карлоу (1306). За пределами этих графств старые ирландские королевства оставались практически нетронутыми.

Появились и дополнительные территориальные единицы, известные как «либерти». Их можно сравнить с английскими палатинскими графствами. Самыми важными были Ольстер, Лейнстер и Мит. Поначалу у либерти не было официального права наследования: в случае с Ольстером, например, титул пришел к Хью де Бургу только в 1263 году. Но эти земли подчинялись английскому закону, хотя данный закон осуществляли не чиновники короны, а чиновники либерти.

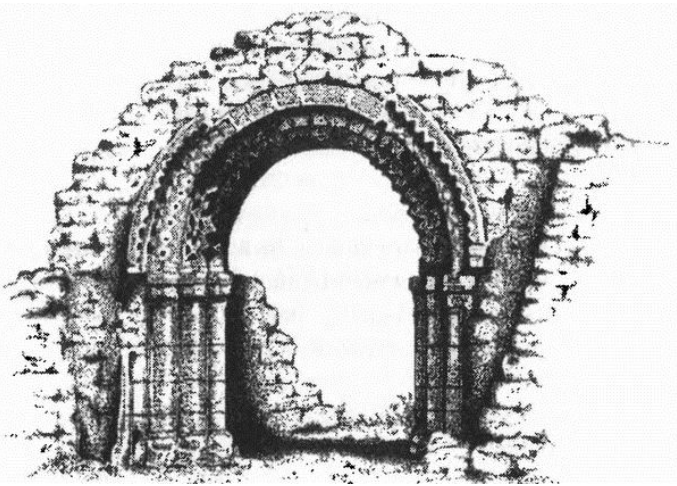
Постепенно в Ирландию пришли и другие английские институты, например в 1200 году министерство финансов, так что администрация в большинстве графств стала явно «английской».

ЦЕРКОВЬ

С ирландской церковью у англо-норманнских завоевателей трудностей почти не возникало. Самая влиятельная фигура церкви, Лоркан О'Тул, архиепископ Дублина (1162-1180), старался потрафить тем и другим. За это его осуждали ирландские хронисты, но по сути он делал то же, что и местные правители, то есть налаживал отношения с английской короной. О'Тул был последним архиепископом Дублина ирландского происхождения; церковь канонизировала его в 1225 году.

Король Джон хотел, чтобы все епископы в епархиях короны были англо-норманнами, однако папа Иннокентий III воспротивился этому, и к Четвертому латеранскому собору 1215 года только в каждой четвертой из тридцати шести ирландских епархий служили англо-норманнские епископы. Столкновение Джона с папой закончилось тем, что папа наложил на Англию

интердикт, и церкви были закрыты. Когда в 1213 году Джон покорился папе, Иннокентий III согласился открыть церкви при условии, что Англия и Ирландия станут папскими владениями. Король Джон сделался папским вассалом, а Иннокентий и его преемники получили возможность вмешиваться в ирландские дела.



Сохранившаяся арка женского монастыря в Клонмакнойсе, отличный образец позднего романского стиля

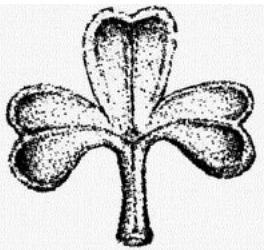
Англо-норманнское влияние на ирландскую

церковь возрастало. В 1181 году Джон Комин сменил О'Тула на посту архиепископа Дублина. Это он заложил собор Святого Патрика, а его преемник, архиепископ Генрих Лондонский, в 1212 году начал строительство дублинского собора. Амбициозное желание Генриха подчинить Арму архиепископству Дублина вызвало разлад внутри ирландской церкви.

На рядовое духовенство англо-норманнское завоевание не оказало прямого влияния. Старинные обычаи не поддавались искоренению: священники по-прежнему женились и даже имели любовниц. Многие жили в отдельных домах со своими семьями, а сыновья вслед за отцами становились священниками. Не подчинялись местным обычаям только монашеские ордена, например францисканский и доминиканский. Францисканцы, однако (как и их основатель святой Франциск), выказывали значительный интерес к светской поэзии и музыке. Они поддерживали тесные отношения с ирландскими бардами и поэтами. Существовали большие монастырские школы, например в аббатстве Святого Креста и в цистерцианском монастыре графства Типеррери.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Англо-норманнские нашествия 1169 года и позже были намного более важными, нежели набеги викингов, и оказали большое влияние на Ирландию. Тем не менее в XIV веке ирландские гибкость и упорство вновь громко заявили о себе.



ГЛАВА 6
Англо-шотландская война и свод законов Килкенни, 1300-1366 годы

В начале XIV века Ирландия оставалась разделенной. Официально она управлялась английской короной из Дублина, но большие территории (например, в западном Ольстере) были неподвластны английским королям и баронам. Их можно было назвать «английскими», хотя перекрестные браки делали эти территории скорее ирландскими.

Роль короны

Принимая во внимание то, что королевским юстициарам трудно было из Дублина контролировать отдаленные районы, например Ольстер, управлять провинциям позволили местным влиятельным правителям, таким как Ричард де Бург Рыжий, граф Ольстера, который при этом официально оставался феодальным вассалом английского короля. В конце столетия де Бург укрепил свои позиции в Ольстере: он взял под контроль полуостров Инисоуэн, забрал у церкви Дерри и построил себе замок в Бэллимоуте. У Рыжего были, разумеется, собственные английские вассалы, и он старался держать в узде и их, и местных ирландцев. Задача была не из легких.

И Эдуард I (1272-1307), и Эдуард II (1307-1327) рассматривали Ирландию как дойную корову, способную финансировать их войны в Уэльсе, Шотландии и Франции. К 1327 году они чуть не довели до банкротства ирландскую казну в Дублине, хотя ни один из этих монархов не ступал ногой на землю Ирландии. Имели место и контрибуции. В 1296 году, например, ирландская армия численностью в 3000 человек проследова-

ла за Эдуардом I на войну с Шотландией, причем 1500 солдат предоставил де Бург.

АБСЕНТЕИЗМ

Если местный землевладелец был силен и, что важнее, жил на своей земле, система управления работала без сбоев. Однако в начале XIV столетия экономические факторы этому не способствовали. Падение цен на зерно в сочетании со снижением численности крестьянского населения привели к тому, что многие английские лендлорды находили себе в Англии более привлекательные имения и становились «отсутствующими землевладельцами» (явление, получившее название «абсентеизм»). К 1327 году почти половина английских баронов в Ирландии была такими вот отсутствующими владельцами, а те, что жили на пожалованной им земле, горько жаловались, что оставленные без присмотра замки ветшают, а коренные ирландцы вторгаются на территории английских лордов. Английские бароны уже не боролись друг с другом, а поощряли к бунту ирландцев, проживавших на территории отсутствующих лордов-соперников.

Шотландская интервенция

По меньшей мере один крупный историк писал, что события, происходившие в Ирландии в период 1315-1318 годов, были самыми значительными за 150 лет. Ирландия оказалась вовлеченной в политическую борьбу на соседнем острове.

Эдуард I был прозван Молотом Шотландцев: он много времени посвятил завоеванию и усмирению беспокойной северной соседки. Шотландцы, однако, решительно отказывались принимать английское правление, и война с ними опустошила казну Эдуарда.

Но если Эдуард I неплохо разбирался в военном деле, его сын Эдуард II обнаружил в этой области полную несостоятельность. Его беспомощные попытки подавить шотландцев закончились в 1314 году катастрофическим поражением в битве при Баннокберне. Победа, сделавшая Роберта Брюса национальным героем, стала пощечиной Англии, потому что, каким бы слабым ни был Эдуард II, королевство его обладало превосходящими ресурсами и населением. И потому существовала явная опасность того, что англичане, если захотят, смогут снова завоевать Шотландию. Тем,

судя по всему, и объяснялось решение Роберта Брюса отправить своего брата Эдуарда в Ирландию в 1315 году (это вовсе не было чем-то вроде военного альянса Шотландии и Франции против Англии). Визит младшего Брюса мог заставить англичан обратиться против Ирландии и отвлечь их от Шотландии.

ЭДУАРД БРЮС В ИРЛАНДИИ

Эдуард Брюс был зятем графа Ольстера, но об этом родстве забыли, и Донал О'Нейл решил поддержать Эдуарда, предложив ему стать королем Ирландии. О'Нейлом, возможно, двигала нелюбовь к англичанам, но он также надеялся, что Брюс женится на коренной ирландской аристократке, и О'Нейл сам выиграет, если Брюс добьется успеха. Ясно, что Донал О'Нейл не консультировался с другими ирландскими правителями о приглашении Брюса и не получал на это их согласия.

Как отметил историк Майкл Рихтер, вторжение Брюса не было частью «кельтского альянса». Брюс происходил из норманнской семьи, пришедшей в Англию в конце XI века, а впоследствии переехавшей в Шотландию, где ей в XIV веке

сопутствовал успех. Есть, однако, удивительное сходство между обстоятельствами, сопутствовавшими приглашению Брюса в Ирландию, и приглашением, которое Дермот Макмурро сделал в 1169 году Стронгбоу (разве только Стронгбоу оказался не столь успешным).

Эдуард Брюс высадился в Ларне (графство Антрим). Он сразу же одержал победу над войском Рыжего в сражении при Конноре, после чего продвинулся в Коннахт, хотя королевские власти Дублина, похоже, верили в то, что он заодно с де Бургом. В Коннахте Брюс разбил Роджера Мортимера, лорда Трима, вернулся в Ольстер и в мае 1316 года в Фогарте был провозглашен «королем Ирландии». Это было абсурдно, потому что из Манстера Брюс не выезжал, и поддержки у него за пределами этой территории не было. Вторжение Брюса в Коннахт вызвало восстание ирландцев против английских баронов. Бунт был жестоко подавлен в 1316 году, при этом погибли пять ирландских королей и предводители многих кланов.

Ричарда де Клера, преемника Стронгбоу, поддержал в Томонде Муирхертах О'Брайен, и они блокировали продвижение на юг Брюса и его брата Роберта (тот в 1317 году на несколько недель

приехал в Ирландию). Тем не менее шотландские войска дошли до стен Дублина, а потом повернули на юго-запад и разграбили Типеррери и Лимерик. Однако Эдуард Брюс настроил против себя английских колонистов, которые, должно быть, сочли его предателем их общего норманнского наследия, и в октябре 1318 года, после трех лет боев и грабежей, его армия была разбита, а сам он убит в сражении при Фогарте. Его поход по Ирландии еще более дестабилизировал обстановку на родине, и впоследствии шотландцы вынуждены были уповать на альянс с Францией как на самое эффективное средство отпора старому врагу.

Тем временем напряжение, созданное шотландской интервенцией, завершилось борьбой между де Клером и О'Брайеном, когда английский барон попытался захватить территорию О'Брайена. Закончилась эта борьба поражением и гибелью де Клера в мае 1318 года. Возникли династические проблемы: в 1321 году умер бездетный наследник де Клера, поэтому титул короля Томонда разделили многочисленные отсутствующие лорды. Местные О'Брайены до конца средних веков оставались предоставлены самим себе.

РОДЖЕР МОРТИМЕР

В 1317 году Роджер Мортимер, имевший как лорд Трима большие владения в Ирландии, был назначен наместником Ирландии. Он отвечал за организацию баронской оппозиции Эдуарду Брюсу и был союзником и любовником английской королевы Изабеллы, а в периоды 1316-1321 и 1327-1330 годов имел огромное политическое влияние в Англии. В это время англо-ирландские землевладельцы расширяли свои привилегии: так, Джон Фицджеральд в 1316 году стал графом Килдейра, а Джон де Бирмингем в 1319 году — графом Лаута.

Влияние Мортимера на Ирландию и Англию закончилось, когда его ославили на всю страну за убийство в замке Беркли короля Эдуарда II, которому он потворствовал вместе с королевой Изабеллой. В 1330 году Мортимера повесили как предателя по приказу короля Эдуарда III, возмущенного деяниями матери и Мортимера. Эдуард III планировал в 1331 году лично посетить Ирландию (но так туда и не приехал) и приказал признать отныне незаконными все владения Мортимера в Ирландии. Замлевладельцам за-

претили размещать в стране частные армии, а в администрации Дублина провели, выражаясь современным языком, чистку. Но вскоре Эдуард III увлекся борьбой за французскую корону, после чего Ирландии пришлось несладко.

БАРОНСКИЕ МЕЖДОУСОБИЦЫ

После кончины Мортимера англо-ирландские бароны вернулись к прежней междоусобной борьбе. Самым крупным из выживших землевладельцев был граф Уильям де Бург, внук Рыжего, которого по неизвестной причине прозвали Коричневым. Он вырос в Англии и потому об Ирландии имел смутное представление. Вскоре он оказался вовлечен в сложную междоусобную интригу с Мандевиллями и Макуильямсами в Ольстере. Коричневый одержал победу, но в 1333 году погиб от рук Мандевиллей, оставив наследницей крошечную дочку. Несовершеннолетние наследницы — самая большая беда, которая могла свалиться на средневековый баронский род, она нанесла графам Ольстера де Бургам удар, от которого те так и не оправились. Впоследствии поместья де Бургов перешли под прямое королевское правление, а земли к западу от реки Банн

вернулись к ирландцам. Баронские неурядицы вдохновили ирландцев на мятежи, и восстание воинственных кланов Коннахта было подавлено родственником Макуильямса, Имоном по прозвищу Шотландец.

Опасения, что земли останутся без хозяйского присмотра, подтвердились событиями, последовавшими за смертью Уильяма де Бурга. Его дочь вышла замуж за Лайонела Кларенса, третьего сына Эдуарда III, а внучка Филиппа — за Эдмунда Мортимера. Это означало, что графства Ольстер, Коннахт и либерти Трим перешли во владение отсутствующего землевладельца, проживавшего в Англии. Снова английская корона поживилась. Неудивительно, что, по словам Кэтлин Симмс, все последующие годы XIV века из Дублина доносились жалобы: опасались возможных ирландских мятежей при поддержке «гэлизированных англичан».

ЗНАЧЕНИЕ ВТОРЖЕНИЯ БРЮСА

Как уже было сказано, приглашение Эдуарда Брюса не встретило поддержки ирландских королей и знати. Об истинном отношении ирландцев к Брюсу говорят ирландские хроники 1318 года:

> Эдуард Брюс, разрушитель страны — громивший как иноземцев, так и самих ирландцев, — убит иноземцами в Ирландии... С сотворения мира не было совершено поступка, лучшего для Ирландии. Ибо за три с половиной года люди в стране умирали, гибли и пожирали друг друга.

Последнее утверждение можно считать преувеличенным, однако, когда Брюс вторгся в Ирландию, в стране был голод, как, впрочем, и во всей Европе, и это неудивительно после трех лет неурожая. В английских «Хрониках Лейнеркоста» за 1316 год сказано:

> После Пасхи недостаток зерна стал ощущаться еще сильнее. Такой нехватки Англия еще не знала... Я слышал, что в Нортумберленде поедают собак, лошадей и других нечистых животных.

В Ирландии политика выжженной земли еще больше ухудшила ситуацию.

Значение вторжения Брюса заключается главным образом в том, что оно доказало ограниченность английской власти в Ирландии.

Графство Роскоммон, к примеру, выпало из-под контроля Англии после Шотландской войны, а набеги на Дублин, совершаемые местными ирландцами с гор Уиклоу, не ослабевали. И все лее, несмотря на тревожность обстановки, Дублин богател. Известно, что в 1322 году через Лиффи был перекинут новый мост, архиепископ Дублина основал университет, просуществовавший, правда, недолго. Похоже, к 1320-м годам Дублин получил статус финансового и культурного центра, что привлекало сюда ученых из других частей Британских островов.

Англо-ирландские отношения

Взаимоотношения между английскими баронами и коренными ирландцами к XIV веку носили двойственный и неустойчивый характер. Отчасти это было обусловлено тем, что англичане сделались такими гэлинизированными, что их можно смело было назвать англо-ирландцами. Как отмечалось ранее, они усвоили ирландскую манеру ведения боя, а дети правителей переженились между собой. Даже англоирландские замки приобрели черты, подходившие к ирландским условиям, и предводители ирландских кланов начали строить собственные замки или «дома-башни».

Ирландские хроники обычно называли англичан «иноземцами», даже если те к двадцатым годам XIV века проживали в Ирландии 150 лет. Но тон высказываний начинает меняться, и на момент вторжения Эдуарда Брюса некоторые английские рыцари и бароны наделяются хорошими качествами. Возможно, это было связано с тем, что ирландцы и англичане объединились в борьбе против Брюса.

ИРЛАНДСКИЙ ПРОТЕСТ

Некоторые ирландцы оставались непримиримо враждебными к «иностранцам». Одним из таких был Донал О'Нейл. В 1317 году он направил папе Иоанну XXII знаменитое письмо, прозванное «ирландским протестом». В нем он заявлял, что англичане, пришедшие в Ирландию, плохо обращались с ирландцами, оскорбляли их, а потому со стороны местного населения будет совершенно справедливо заявить о своей лояльности Эдуарду Брюсу. Затем прибавлял, что, поскольку булла папы «Laudabiliter» была утверждена английским папой, Адрианом IV, то она направлена против ирландцев, тем паче что последующее поведение англичан в Ирландии доказало, что они не заинтересованы в защите христианства, а ведь именно это Адриан IV поручил Генриху II. Лидер Ольстера пошел еще дальше: заявил, будто английские священники не считают грехом поедание ирландцев.

Подобные заявления дают основания некоторым историкам считать «ирландский протест» пропагандистским пустозвонством. Однако другие видят в нем раннее подтверждение идеи

о том, что булла «Laudibilter» является частью английского заговора против Ирландии. Позже из этой идеи родилась национальная традиция, согласно которой Англия явилась источником всех несчастий Ирландии. Когда в XVI веке, после Реформации, Англия перестала быть католической, эта уверенность лишь окрепла. Но поначалу «протест» мало что значил, а Эдуард Брюс погиб в бою еще прежде, чем папа Иоанн XXII получил это письмо. И все же послание отражает определенную двойственность ирландского отношения к своим завоевателям. В ирландских анналах имеется описание сэра Уильяма Прендегаста — «молодой рыцарь с наилучшими манерами, нравом и репутацией, какие только есть в Ирландии», и в то же самое время О'Нейл обвинял англичан в каннибализме.

Один факт XIV века является бесспорным. Английские бароны в Ирландии становились все более «ирландскими» по своим обычаям и манерам, так что скоро две нации сделаются неразличимыми. Крупные англо-норманнские семьи, такие как Фицджеральды, быстро становились ирландцами.

Церковь

На протяжении XIII и XIV веков не прекращались попытки сделать ирландскую церковь английской. В определенной степени с появлением известных монашеских орденов, доминиканского (1224) и францисканского (1231), местная церковь все более интегрировалась в европейский духовный климат, но во многом она упорно оставалась ирландской. Не утихали споры, должны ли ирландские епископы быть англичанами или ирландцами. В результате пришли к довольно неудовлетворительному компромиссу, согласно которому приходские священники в Арме и Туаме были ирландцами, Дублин оставался английской епархией, а Кэшел принимал клириков обеих национальностей.

После 1303 года ситуация в Арме изменилась: все архиепископы стали англо-ирландцами. Для XIII и XIV веков это был самый настоящий прорыв. Даже цистерцианцы, казалось бы, самые успешные из европейских монашеских орденов в Ирландии, сделались до какой-то степени «своими». Инспекция, назначенная монастырем Клерво (это название ассоциируется со святым

Бернардом Клервоским), завершилась тем, что в 1228 году в Меллифонте произошло расформирование монастыря, а несколько других, за пределами Ирландии, оказались под контролем цистерцианцев. Такая реорганизация привела во многие монастыри английских епископов, и нет ничего удивительного в том, что ирландским монахам это не понравилось. Меллифонт был реорганизован в 1274 году.

Усилия Англии выкорчевать старые ирландские обычаи в большинстве случаев оказались тщетными. Ирландские брачные законы, благодаря которым люди легко вступали в брак и легко разводились, продолжали действовать. Еще одной отличительной чертой было отсутствие различий между законными и незаконнорожденными детьми, что вносило путаницу в законы о наследстве. У ирландцев был свой взгляд на образ жизни ирландских священников, не исключавший брака, внебрачных связей, наследственного вступления в сан, а также связей с ирландскими поэтами и певцами. Даже цистерцианские и августинские монахи в Ирландии, как говорят историки, покидали общие спальни монастырей и жили в отдельных домах со своими незаконными семьями. Норманнское реформаторское движе-

ние XII века не достигло отдаленных районов западного Ольстера за пределами английского правления. Даже в 1256 году один ирландский епископ жаловался на людей, поклонявшихся идолам!

Заброшенное монастырское здание

Статуты Килкенни

Как и большинство английских королей, Эдуард III намеревался заняться Ирландией, но каждый раз его отвлекали другие дела. В 1361 году, во время паузы в Столетней войне с Францией, он, правда, послал в Ирландию сына Кларенса в качестве своего представителя. В 1360 году, согласно договору в Бретиньи, наступило временное перемирие. Английских аристократов призвали более тщательно следить за их ирландской собственностью. В 1360 году не менее восьмидесяти процентов английских землевладельцев были «отсутствующими лендлордами», что делало проживавших в Ирландии англичан-колонистов особым классом.

Приехав в Ирландию, Кларенс решил перенести некоторые правительственные органы из Дублина в Карлоу, однако первый его визит был кратковременным. В 1364 году он вернулся и остался на два года. По его инициативе в 1366 году были опубликованы так называемые статуты Килкенни.

На первый взгляд эти статуты кажутся официальной версией расистских колониальных

установок. Англичанам в Ирландии запрещалось официально вступать в контакт с ирландцами, будь то брак, усыновление или любовная связь. Не допускалась торговля с коренными ирландцами. Было вменено в обязанность использование только английских имен. Если доход человека превышал установленный уровень, он обязан был седлать лошадей (закон явно целился в англо-ирландцев, перенявших местную привычку ездить на неоседланных лошадях). Что еще важнее, английские законы должны были заменить законы ирландские. Другие положения кажутся нам сейчас странными. Нельзя бранить представителей другой национальности (предлагалось использовать определенные выражения, такие как «ирландская собака»). Запрещалось заниматься опасными видами спорта, такими как ирландский хоккей на траве, вместо этого предлагали упражняться с луком и копьями (английские лучники при Эдуарде I одержали победы над валлийцами и шотландцами, а при Эдуарде III — над французами при Креси и Пуатье). Наконец, из страха перед шпионажем предписывалось избегать контактов с ирландскими музыкантами, поэтами или певцами.

Было весьма самонадеянно вводить подобный

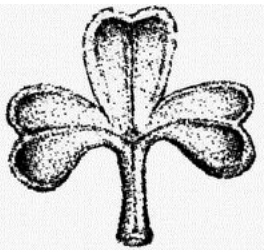
закон, если принять во внимание, что в завоевании Ирландии английская корона испытывала значительные трудности. Зато закон выявил беспокойство Англии о проживавшей в Ирландии английской аристократии: как бы та не стала окончательно ирландской. За два десятилетия до провозглашения статутов предпринимались попытки заставить англичан испрашивать разрешения жениться на ирландках или наоборот — выходить за ирландских женихов, а также подчиняться только английским законам. Похоже, подобного рода усилия большого влияния на процесс англо-ирландского сближения не оказали, но остались документальные свидетельства, из которых видно, как обеспокоились королевские наместники в Дублине. Например, в одном документе 1367 года есть ссылка на «ирландцев, врагов нашего короля или английских бунтовщиков, являющихся, по слухам, врагами Ирландии». Последнее замечание относится к английским колонистам-землевладельцам, сблизившимся с ирландцами и принявшим ирландские обычаи и культуру.

Чума

Ирландию, как и большую часть Европы, в середине XIV века не обошла чума. В Ирландии она вспыхнула в 1348 году. Возможно, в восточные порты ее занесли крысы, обычные разносчики бубонной чумы. Симптомы заболевания были ужасными: отвратительные на вид фурункулы и жар за несколько дней приводили к бреду и смерти. В Килкенни францисканский монах Джон Флинн писал: «Многие умирали от фурункулов и воспалений, от опухолей под мышками»; мало осталось домов, где умер кто-то один, — погибали целыми семьями. Флинн, кажется, и сам стал жертвой болезни. Страх населения перед чумой хорошо выражен в еще одном ирландском описании того времени:

> Хью, сын Коннора Макигана, написал это на книге своего отца в год великой чумы. Сегодня ровно год с тех пор, как я написал на полях эти строки, и, если будет на то высшая воля, дай мне, Господь, дожить до следующей годовщины. Аминь. Патер Ностер.

Чума, похоже, больше свирепствовала в городах, чем в сельской местности, где проживали большинство кельтских ирландцев. Весьма вероятно, что в Европе во время «черной смерти» умерла треть населения.



ГЛАВА 7
Гэльское возрождение и война Алой и Белой роз, 1366-1513 годы

На протяжении XIV века власть англичан ослабевала, и наступил период, известный как «гэльское возрождение». То, насколько оправдано это название, является предметом споров, но некоторые факты не вызывают сомнений. Один из них тот, что новые территории острова перешли под контроль ирландцев. Это полуостров Инисоуэн, город и графство Слайго, береговая линия графства Клэр, от Энниса до Лимерика, и земли в Монагане и Лейнстере. Вдобавок ирландцы отняли у английских колонистов замки, например Бэллимоут.

Этот процесс был вызван, по большей части, ослаблением влияния лендлордов и английской короны с целом. Как уже говорилось, Эдуард III после 1337 года был занят войной с Францией, и только в 1394 году английский монарх снова ступил на ирландскую землю, впервые со времен Иоанна. Однако английские баронские роды в некоторых районах постепенно вырождались, и власть одной сильной семьи заменялась

правлением ряда соперничавших лордов, как ирландцев, так и англичан. Подтверждением тому Ольстер, где после убийства в 1333 году Уильяма де Бурга правление этого рода пришло к концу. Хотя О'Нейлы и называли себя властителями Ольстера, после исчезновения графства они никогда уже не контролировали всю провинцию. О'Нейлы даже боролись между собой, эта междоусобица часто вовлекала и другие могущественные семьи, например О'Доннеллов, королей Донегала (это королевство входило в состав провинции Ольстер).

И создается впечатление, что кельтские ирландцы, заметив ослабление английского могущества, начинали ностальгировать о прошлых временах, когда иностранцы не имели права вмешиваться в ирландские дела. В 1374 году например, королевская администрация осудила О’Брайена, короля Томонда, за ложные притязания на титул верховного короля всей Ирландии. Оказалось, что это недоразумение, однако приговор свидетельствует о надежде на политическое возвращение гэльской Ирландии. Хотя возможность этого возвращения во многих документах явно преувеличена.

КУЛЬТУРА

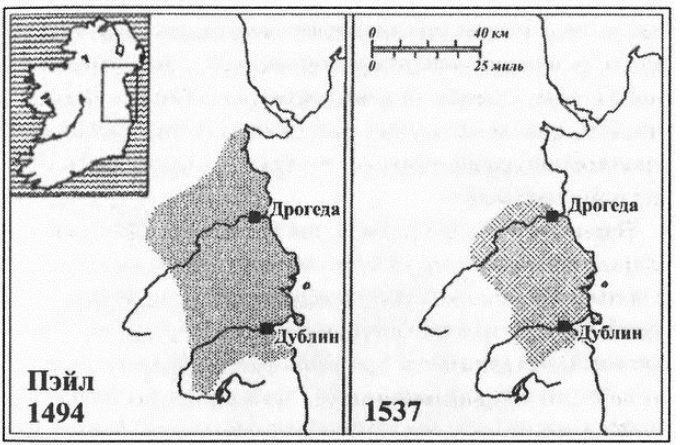
Вместе с политическим возрождением шло и возрождение культуры, особенно поэзии бардов, воспевавших победы своих ирландских покровителей и их предков и напоминавших всем об их благородном происхождении. Местных историков также использовали для подтверждения старых территориальных притязаний ирландских королей, и они заглядывали во времена, предшествовавшие норманнскому завоеванию. Историки часто цитируют «Книгу Бэллимоута», датируемую приблизительно 80-ми годами XIV века, однако во многих случаях обращающуюся к корням XII века. Оформление книги отражает эпоху — отличный кожаный переплет, резьба по дереву, иллюстрации.

Другие историки отмечали лингвистическое возвращение к донорманнским формам, хотя и с некоторой модификацией. Так, в ирландской литературе снова появляется термин «верховный король», но к XIV веку он применялся только по отношению к королю провинций, а не всего острова (могущественные О'Нейлы еще не в силах были управлять всем Ольстером). Другие терми-

ны, такие как tuath (туат) и ri (ри), почти исчезли, их заменили другие слова, такие как taoiseach (современное обозначение премьер-министра Ирландской республики) и oirecht (это слово означает «собрание»). Еще один новый термин, датированный этим временем, — слово «клан». Его использовала дублинская администрация для обозначения мелких графств, возникших в вакууме, образовавшемся в результате коллапса местной английской власти.

Наряду с так называемым гэльским возрождением возрастала и вовлеченность англо-ирландской знати в местную культуру. Джеральд Фицджеральд, граф Десмонда (1363-1398), был первым крупным лирическим поэтом, писавшим на ирландском языке, а у де Бирмингема, графа Лаута, служил самый знаменитый ирландский музыкант того времени Малруни Маккэрол. Эти факты подтверждают сближение двух культур. Ирландский язык стал языком англо-ирландской знати.

Политическое разделение



Культурное сближение, однако, не повлияло на политику. Ирландские короли, возможно, думали, что возвращаются добрые старые времена, но это было не так. Можно сказать, что в период возрождения контроль Англии значительно ослабел.

И в самом деле, английские королевские наместники в Дублине готовы были платить местным ирландским королям приличные суммы за «хорошее поведение», что напоминало систему danegeld, когда английский король Этельред Нерешительный откупался от данов. Любопытно, что такой «королевский подкуп» шел рука об руку с благословением ирландских правителей. Так, в 1350 году на глазах королевского юстициара королем избрали лидера О'Бир-нов, Джона ОЪирна. Ему заплатили деньги, и он поклялся в течение двух лет сохранять мир. Правда, в Ольстере, где лишь Сэвиджи представляли собой английскую баронскую власть, английская корона все еще имела влияние; Каррикфергус оставался лояльным короне, как и территории под управлением Сэвиджей и их союзников Уайтов. В Ирландии XIV века по-прежнему действовала трехсторонняя система (корона, англо-ирландские бароны и ирландцы). Правда, роли поменялись.

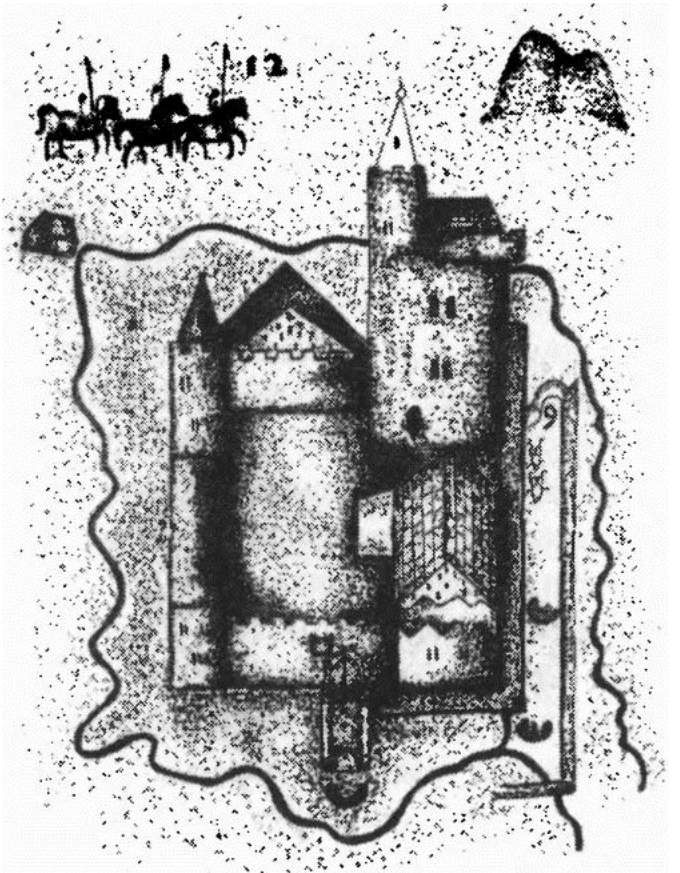
Чего нельзя было отрицать, так того, что к концу XIV столетия, и еще больше в XV веке, мощь и влияние английской короны в Ирландии сильно уменьшились. Во второй половине XV века короне подчинялись лишь территории, известные как Пэйл (название произошло от вы-

ражения «beyond the pale», то есть «за забором»). Территории эти состояли из четырех восточных графств — Килдейр, Лаут, Мит и Дублин. От ирландских набегов ее защищал крепостной вал (хотя любопытно, что половина Килдейра и Мита оставались по другую сторону от него).

Вторжение Ричарда II

В 1394 году король Ричард II (1377-1399) отплыл в Ирландию. Он был первым английским монархом, посетившим эту страну после 1210 года. Английский хронист Уолсингем так описал это событие:

> В сентябре король Ричард отбыл в Ирландию в сопровождении герцога Глостера и графов Марча, Ноттингема и Рутланда. Ирландцы пришли в ужас при виде огромной армии и не осмелились вступить в открытый бой. Вместо этого они подстроили королевской армии множество ловушек. В конце концов англичане одержали победу, и многие ирландские предводители вынуждены были покориться Ричарду. Во избежание неприятностей Ричард держал при себе несколько вождей. В Ирландии он оставался до Пасхи 1395 года.



Осада замка Глин. На рисунке той эпохи пока-

зан типичный укрепленный замок, в котором могли жить как гэлы, так и англо-ирландские аристократы

Уолсингем в истинно английском духе сделал вид, будто дела в Ирландии идут лучше, чем на самом деле. Верно, коренные ирландцы и в самом деле смутились при виде «огромной армии» (10 000 человек были самым крупным контингентом, который английская корона направляла в Ирландию). Большинство ирландцев, похоже, и вправду присягнули Ричарду. В Лейнстере некоторые предводители сделали это с веревкой вокруг шеи (хотя О'Доннеллы с северо-запада страны присягнуть отказались). Победа, однако, была неубедительной, потому что «мятежные англичане» (т. е. англо-ирландские землевладельцы) отказались явиться, возможно, из страха, что Ричард лишит их титулов, а вместе с ними и владений.

Ричард, видевший себя господином всех ирландцев и англичан, также попытался стать посредником между О'Нейлами и Роджером Мортимером, графом Марча, Ольстера и наследником английского престола. Титул Мортимера мало что значил, потому что над Ольстером власти у него не было, но он сделал исключение для так

называемого Великого О'Нейла, Ниала Мора, считавшего себя «принцем» и «предводителем ирландцев Ольстера». На самом деле притязания О'Нейла были такими же безосновательными, как и у Мортимера, но они отражали растущую тенденцию ирландской знати: наряду с ирландскими принимать и английские титулы.

То, что ирландцы на самом деле никогда не страшились английской короны, скоро было продемонстрировано: стоило Ричарду уехать домой, как в 1395 году между Мортимером и О'Нейлами разразилась война. Хотя Мортимер и выиграл кампанию с помощью графов Ормонда и Десмонда, но в 1398 году он погиб в бою против ирландцев Лейнстера. Ричард вернулся в Ирландию в 1399 году, только этот визит ничего хорошего ему не принес. Пока он отсутствовал, в Англии высадился узурпатор Генрих Болингброк, граф Ланкастер (позднее Генрих IV). Он сумел заручиться широкой поддержкой английской аристократии. По иронии судьбы, один из немногих английских королей, лично интересовавшийся ирландскими делами, заплатил за этот интерес троном и жизнью.

Ирландия и война Алой и Белой роз

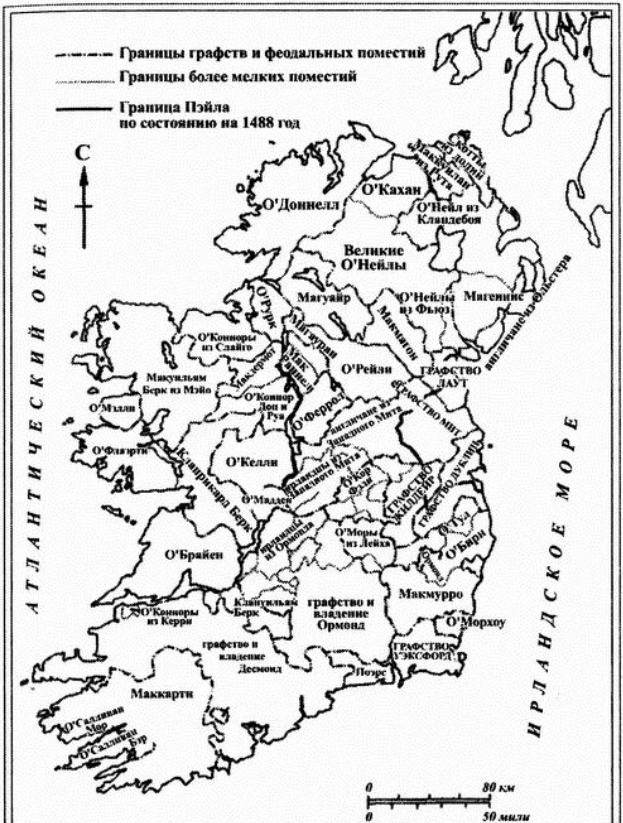
Поражение в 1399 году Ричарда II положило начало гражданской войне — войне Алой и Белой роз. Ирландия оставалась зрителем, хотя и не всегда беспристрастным, поскольку одна из соперничавших английских фракций находила у нее поддержку. Загадка, возможно, в том, почему продолжительная борьба в Англии (1455-1485) не позволила ирландцам навсегда освободиться от английского правления. Причиной тому были сила и влияние англо-ирландских графств: принятие ирландского языка и культуры вовсе не означало, что они готовы отдать власть О'Нейлам, О'Доннеллам и Маккарти.

Отсюда, впрочем, не следовало, что в начале XV века англо-ирландцы способны были подавить мародерство вождей ирландских кланов. Ибо за смертью Мортимера в 1398 году последовал период, когда О'Доннеллы в Ольстере сформировали конфедерацию вождей кланов, которые начали совершать набеги на графства Мит и Лаут. В 1423 году, после очередного рейда, Лаут согласился платить ольстерским властителям «черную ренту».

Так продолжалось и до второй половины века. В 1466 году Конн О'Коннор атаковал границы графства Мит и взял в плен великого графа Десмонда (самые влиятельные фигуры в Ирландии часто обретали титул «великий»). Это, в свою очередь, позволило О’Брайену из Тормонда на юге вторгнуться в Десмонд и заставить Лимерик платить «черную ренту».

Власть графов

Англо-ирландцам в XIV веке удалось добиться монополии власти в Пэйле вокруг Дублина, потому что английская корона занималась либо войной с Францией (возобновившейся в период между 1415 и 1453 годами), либо войной Алой и Белой роз между соперничавшими родами Йорков и Ланкастеров. Монополия власти сначала принадлежала Батлерам, графам Ормонда, а затем Фицджеральдам, графам Десмонда и Килдейра. Графы игнорировали слабые попытки Генриха VI (1422-1461) и Эдуарда IV (1461-1483) вмешаться в их деятельность в Ирландии. Исключение составлял длительный период, когда Ричард Йорк, претендовавший на английскую корону, в 1447-1460 годах являлся вице-королем Ирландии, хотя на острове бывал лишь периодически. В Ирландии о нем были хорошего мнения, потому англо-ирландцы и симпатизировали Белой розе Йорков.



Ирландия конца XV века с обозначением границ графств

Большую часть времени, однако — с 1420 года и далее, — страной управляли графы. Сначала это был Джеймс Батлер, граф Ормонд. Он сохранял свое влияние благодаря поддержке королевских чиновников в Пэйле и, по слухам, сформировал англо-ирландский парламент в Дублине, включив в него собственных слуг. Когда политические оппоненты графа Ормонда пытались занять высшие посты, например казначея или юстициара, он настраивал местных ирландцев и «мятежных англичан» на бунт. Он стремился стать наместником английского короля в Ирландии, но в этом ему мешали сэр Джон Тэлбот, граф Шрусбери, и его брат Ричард Толбот, архиепископ Дублина. Оба использовали свое влияние, чтобы держать графа Ормонда в узде. Джеймс Батлер умер в 1452 году. Его сыновья совершили ошибку, приняв сторону Ланкастеров в английской гражданской войне, и их звезда закатилась. В отличие от них Джеральдины Фицджеральды (графы Десмонда и Килдейра) поддерживали йоркистов, и до конца столетия наместничество английского короля переходило то к одной, то к другой соперничающей ветви семьи.

Англия серьезно вмешалась в ирландские дела лишь однажды. Это случилось между 1467 и

1470 годами, когда Эдуард IV неосмотрительно назначил наместником Джона Типтофта, графа Уорчестера, скандально прославившегося в войне Алой и Белой роз. Усилия Типтофта утвердить королевскую власть закончились казнью великого графа Десмонда в 1468 году. Казнь вызвала мятеж Джеральдинов в Манстере. Когда Типтофта призвали помочь Эдуарду IV в кризисе 1470-1471 годов, едва не стоившем королю трона, руки у графов Килдейра оказались развязанными. Начиная с Томаса Фицмориса (1456-1478) Фицджеральды, графы Килдейра, использовали стратегическое положение своего графства (рядом с Пэйлом) чтобы оказывать влияние на англоирландский парламент и на королевский совет в Дублине. Жители Пэйла понимали, что их территория легко может быть присоединена к Килдейру, а потому вынуждены были мириться со многими принуждениями, в число которых входили размещение солдат в их домах и оплата расходов постояльцев.

ДВА ПРЕТЕНДЕНТА

Позже Генрих VII (1485-1509) припомнил сочувствие англо-ирландских землевладельцев

йоркистам, которое проявилось в ключевой момент войны Алой и Белой роз, когда в 1485 году погиб Ричард III. Местные йоркисты оказывали поддержку двум претендентам на английский трон, Ламберту Симнелу и Перкину Уорбеку. Симнел (его короновали в Дублине в 1487 году) выдавал себя за графа Уорика, племянника Эдуарда IV и Ричарда III, а Уорбек — за Эдуарда V, младшего брата Ричарда Йоркского (братья были убиты в лондонском Тауэре, возможно, Ричардом III). Оба претендента в Англии потерпели поражение.

Закон Пойнинга

Генрих VII был раздражен поддержкой претендентов в Ирландии. Особенно его разозлили заявления ирландского парламента, признавшего Симнела и Уорбека настоящими наследниками. Король назначил сэра Эдуарда Пойнинга наместником Ирландии и поручил подавить излишнюю самостоятельность острова. Закон Пойнинга от 1494 года подчинил парламент Дублина английской короне. Закон объявлял, что должности канцлера и казначея более не являются пожизненными и ирландцы не имеют права

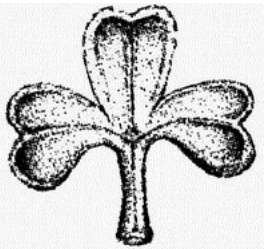
выбирать нового юстициара. Ни один парламент в Ирландии не может действовать без разрешения английского короля.

В качестве наказания за поддержку Симнела и Уорбека Джеральд Мор Фицджеральд, «великий граф» Килдейра (1478-1513), был снят с должности наместника и посажен в тюрьму. Но, как и следовало ожидать, арест графа Килдейра вызвал целую серию набегов на Пэйл, устроенных его ирландскими союзниками, и Англия бессильна была что-либо с этим поделать. Генрих VII поскупился на затраты для эффективного восстановления английской власти в Ирландии. Без них закон Пойнинга мало что значил, и скоро это было доказано: в 1495 году граф Килдейра вернулся на должность наместника. Это положение он занимал до самой смерти в 1513 году. Английской короне, наперекор своим желаниям, пришлось поддерживать графов Килдейра.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На первый взгляд, Ирландия в XV веке пребывала в таком же беспорядочном состоянии, как и столетием ранее. Совершенно естественно, что власть английской короны в этом столетии

еще больше ослабела, но прочные связи англо-ирландских графов с коренными ирландцами способствовали укреплению стабильности. И с точки зрения коренных ирландцев власть Ормонда или Килдейра была предпочтительнее правления Дублина или Лондона.



ГЛАВА 8
Завоевание Тюдоров, 1513-1607 годы

Власть графов Килдейра в Ирландии продлилась вплоть до конца тридцатых годов XVI столетия. И связано это с тем, что английская корона занималась другими делами: Генрих VII хотел закрепить трон за Тюдорами, а его преемник, Генрих VIII (1509-1547), воевал с французами и шотландцами, после чего сделал все для того, чтобы Англия вышла из-под контроля католической церкви.

Разрыв с католиками имел для Ирландии серьезные последствия, поскольку протестантская Англия начала с враждебностью относиться к своей соседке. Ирландцев называли упрямыми «папистами» (католиками) и даже считали, что они представляют для страны серьезную опасность, поскольку приверженность старой вере делала их потенциальными союзниками католических государств, таких как Франция и Испания. Разумеется, как заметил один историк, католическая Ирландия постоянно прислушивалась к нападкам Мадрида или Парижа в адрес

англичан. Решение Генриха жениться на Анне Болейн (это был его второй брак) вызвало интерес к ирландским делам, поскольку Болейны притязали на поместья Ормонда и побуждали Генриха утвердить там свою власть.

Падение графов Килдейра

Тем не менее до 1534 года правители Килдейра занимались ирландскими делами как им было угодно, хотя большие территории находились вне их влияния. Английская корона выяснила, что графы Килдейра — Джеральд Мор Фицджеральд (1478-1513) и Джеральд Ог Фицджеральд (1513-1534) -были единственными в Ирландии, кому власть и репутация позволяли принять пост королевского наместника. И закон Пойнинга, как явствует из предыдущей главы, не смог уменьшить их влияние.

Следует отметить, что власть графов Килдейра была сильно ограничена, даже если и была шире, чем у королевских чиновников в Пэйле (те, по сути, полностью передали свои права графам). Документы Тюдоров за 1516 год дают ясную картину довольно анархического состояния Ирландии через шесть лет после восшествия на трон Генриха VIII:

> Более шестидесяти графств населены врагами короля... там правят более шестидесяти вождей. Одни называют себя

королями, другие — принцами, третьи — герцогами, четвертые — эрцгерцогами. Они кормятся за счет шпаги и никому не подчиняются... и каждый из вышеупомянутых вождей сам устраивает себе войну или мир... Есть здесь еще и тридцать английских правителей, придерживающихся того же ирландского порядка... и каждый из них воюет или живет мирно, не спрашивая у короля...

Портрет сэра Томаса Ли, английского командира керна, 1594 год. Ли не вполне одет: сверху он облачен в костюм елизаветинского стиля, а ноги его обнажены и босы. В руке Ли пика ирландского керна. Портрет намекает на «гэльское варварство»

Возможно, падение королевской власти в Ир-

ландии подвигло Джеральда Ог Фицджеральда и его сына, Томаса Шелкового, устроить в 1534 году мятеж против Генриха VIII. У Генриха появился шанс вмешаться в ирландские дела. Старший Фицджеральд умер в Тауэре. Шелковый в 1536 году был казнен за измену. Но очередные попытки Англии покорить Ирландию силой оказались не более успешными, чем прежние: королевская артиллерия и несколько воинских подразделений, посланных в Ирландию, смогли лишь рассеять ирландских лучников, те ушли в непроходимые болота и леса, и преследовать их не было смысла. Генрих понимал, что только большая, хорошо оплачиваемая армия сможет совладать с Ирландией, а такой армии у него не было.

Реформы Генриха VIII

Требовалось подобрать альтернативную стратегию. В 1537 году Генрих предписал Ирландии тот же религиозный закон, что и Англии (по этому закону он становился главой английской церкви, разорвавшей связь с Римом). Но это не возымело должного эффекта, поскольку корона имела слишком мало влияния. Поэтому Генрих решился на радикальный подход. Прежде всего, корона заявила права на все земли Ирландии, которые должны были ей покориться. Титул «повелитель Ирландии», как именовались все предыдущие английские монархи, заменили на титул «король Ирландии», и первым стал Генрих VIII.

По меньшей мере один историк, Киаран Брейди, склонен рассматривать акт 1541 года, провозгласивший Ирландию королевством, равным Англии (но, разумеется, подчиняющимся монархии Тюдоров), как более значительное событие, чем падение правителей Килдейра в 1534-1536 годах. Закон отменил статуты Килкенни, объявлявшие коренных ирландцев вне английской юриспруденции. Ныне закон одинаково относил-

ся к ирландцам и англичанам, особенно в том, что касалось собственности. Гэльским главам кланов предложили титул «главных землеправителей английской короны». Что касается монастырских земель, то Генрих намеревался конфисковать их в Ирландии, как сделал это в Англии во время Реформации. Те же привилегии передали англо-ирландским баронам, которых тюдоровские хронисты называли «выродившимися англичанами». Аристократы, будь они ирландцами или англо-ирландцами, должны были посещать парламент в Дублине, быть готовыми к военной службе, им запрещалось взимать «черную ренту», и они должны были позволить английскому королю обучать их сыновей. Последние два пункта относились только к ирландцам. Некоторые из них сделались частью англо-ирландской аристократии. Так, О'Нейлы стали графами Тирона, О'Брайены — графами Томонда, а Мак Уильям Бурки — графами Кланрикарда.

Новая политика, похоже, возымела успех. Ирландские пехотинцы, керны, в 1544 году сражались в армии Генриха при осаде Булони, и новый королевский наместник Сент-Леджер писал, что, если будут следовать новой стратегии «хотя бы два поколения», то все будет хорошо. Но этого

не случилось. На первый взгляд кажется, что во всем повинны усилия Эдуарда VI (1547-1553) и его правительства сделать Ирландию «протестантской». Он сжег жезл святого Патрика и другие священные реликвии, и его поведение осудили ирландцы-католики. Но почему-то забывают, что яростная католичка Мария Тюдор (1553-1558), конфисковавшая земли мятежников О'Моров и О'Коннороров и положившая тем самым начало ненавистной политике насаждения английских колонистов, создала в Ирландии графство короля (Лэис) и королевы (Оффали).

Настоящей причиной неудачи реформ явилось непонимание устройства ирландского общества. Ирландский вождь клана, в отличие от англо-ирландского господина, никогда не был феодальным лордом. Земля принадлежала не только ему, но и клану, и это регулировалось с помощью gavelkind (равного раздела земельной собственности с периодическим ее перераспределением между членами клана). Вождь клана избирался не по праву первородства: преемником становился самый сильный представитель мужского населения. Такая система землевладения делала реформы Генриха непригодными для использования. С этой проблемой столкнулась

дочь Генриха, его преемница Елизавета 1(1558-1603). Она осуществила первую после Стронгбоу попытку завоевать весь остров — сначала с помощью убеждения, а потом силой.

Ирландия при Елизавете I

Елизавета, как и ее брат Эдуард, исповедовала протестантизм, а потому сознавала опасность, исходившую от анархичной, по-прежнему католической Ирландии, рассадника враждебных сил, жаждавших ее свержения и уничтожения протестантской Реформации в Англии. Но и на протяжении большей части правления Елизаветы Ирландия оставалась таким же хаотическим государством, как и при ее предшественниках. Впрочем, и королева не слишком интересовалась ирландскими делами. За сорок три года в Дублине сменилось всего три парламента, и слуги короны действовали ничуть не лучше, чем коренные ирландцы, которых они демонстративно презирали. Им никто не мешал похищать и убивать людей. Командирам на службе у короны платили за несуществующих солдат, а англичане-экспатрианты изыскивали возможность захватить ирландскую землю. Такие инциденты стали предтечей куда более серьезной попытки заселения англичанами Ирландии, особенно в Манстере.

В последние годы елизаветинского правления

войны не прекращались, они разрушали страну. Иностранный посол, говоря об ирландских войнах, утверждал, что они «копают англичанам могилу». Несчастных узников английских тюрем гнали на поле боя, часто бесплатно, и они тонули в болотах. Тысячи англичан умирали от дизентерии и цинги. Что до самих ирландцев, то английский поэт Эдмунд Спенсер (сам колонист Манстера) писал:

> Они доведены до такого отчаянного положения, что над ними сжалилось бы и каменное сердце. Со всех сторон, из лесов и долин они выползали, опираясь на руки, так как ноги уже отказывались им служить. Это были живые скелеты, и голоса их звучали, как могильные стоны...

От той манстерской войны до нас дошли сведения о каннибализме, находили и трупы с позеленевшими от поедания крапивы ртами. В провинцию забредали волки, и скот исчезал на многие мили в округе. Столь ужасные страдания на протяжении последних лет елизаветинского правления стали следствием яростного сопротивления местных жителей завоеванию Ирландии.

ШЕЙН О'НЕЙЛ

В первые декады правления Елизавета решала другие проблемы, особенно ее беспокоила королева Шотландии Мария, претендовавшая на английский трон. Это обстоятельство вдохновило Шейна О'Нейла (1530-1567). Его карьера продемонстрировала, почему не сработали реформы Генриха.

О'Нейл, прозванный Гордым, был сыном Кона, первого графа Тирона. В 1559 году его избрали вождем клана. Королева Елизавета одобрила такой выбор, однако в 1560 году отменила свое решение. Сразу после этого О'Нейл поднял оружие против короны и отказался от вассальной зависимости. В 1562 году О'Нейла вызвали в Лондон для разбирательства. Он пал королеве в ноги и попросил прощения, умоляя вернуть ему его права и титулы. Тем не менее, вернувшись в Ирландию, он продолжал оставаться оппозиционером. В Антриме О'Нейл напал на Макдоннеллов, вторгся в Пэйл и в 1566 году сжег Арму, а в 1567 году потерпел сокрушительное поражение от Хью О'Доннелла в бою при озере Суилли. О'Нейл хотел спрятаться в Кушендене,

однако Макдоннеллы убили его и, выдержав его голову в рассоле, отправили наместнику Сидни. Историки считают Шейна О'Нейла типичным вождем клана старого гэльского закала. Английский он так и не выучил.

Мятеж Джеральдинов

Мятеж Джеральдинов, длившийся с 1569 по 1583 год, представлял куда более серьезный вызов короне, чем восстание Шейна О'Нейла. На этот мятеж повлияли три главных фактора. Одним из них была ревность: Джеральдины позавидовали влиянию графа Ормонда, англизированного фаворита королевы Елизаветы. Он давал ей советы относительно ирландской политики. Другим фактором послужили враждебные отношения между Англией и католической Испанией, страной, которую ирландские вожди кланов объявили своей духовной отчизной. С точки зрения королевы, положение с лояльностью было особенно плохо в Манстере. Самым важным, однако, было новое единение ирландцев, вдохновляемое оппозицией в стране, населенной в подавляющем большинстве католиками. Происходило это не потому, что английское правительство пыталось навязать населению новую религию, но потому, что во многих районах религиозность вообще была на низком уровне. Состояние новой церкви Ирландии (ирландская версия англиканской церкви) было и в самом деле тяжелым. Даже в

графстве Мит, самом англизированном из всех ирландских графств, в 105 из 224 приходов не было священника, а в других местах викарии голодали, и мало кто из них говорил по-английски. Сотни храмов были разрушены, до конца правления Елизаветы на ирландском языке не выходили церковные книги. В 1604 году, через год после смерти Елизаветы, ситуация была столь тяжкой, что королевский генеральный прокурор заметил: «Религиозности в Ирландии не больше, чем среди татар или каннибалов». Мятеж Джеральдинов возглавил Джеймс Фицморис Фицджеральд (1530-1579), кузен пятнадцатого графа Десмонда. Он воевал на континенте и, вернувшись в Ирландию в 1570 году, возглавил оппозицию английским колонистам в Манстере. На начальной стадии Фицджеральд не смог получить поддержку испанского и французского двора, зато его хорошо встретил в Риме папа Пий V (1566-1572), который отлучил Елизавету I от церкви как еретичку. В июле 1579 года Фицджеральд с небольшой армией высадился на полуострове Дингл (графство Керри) и объявил «священную войну» против английских еретиков. Рой Фостер отмечает, что эта религиозная война была необычной, потому что в тот момент «католический» отнюдь не озна-

чал «ирландский». Показательно, что восстание Джеральдинов так ничем и не завершилось из-за ирландской раздробленности. Фицджеральд собирался искать поддержки на севере, но был убит в стычке с кузеном Бурком.

Восстание Хью О'Нейла

Хью О'Нейл (1540-1616), граф Тирона, был полной противоположностью своему незадачливому родственнику Шейну О'Нейлу. Этот истинно английский джентльмен вырос в Англии, исповедовал новую религию, с 1568 года служил в английской армии в Ирландии. Известно, что он сожалел об ирландском отказе перенять английские порядки, и все же именно он возглавил то, что потом назвали «последним великим гэльским сопротивлением». Почему это произошло? Все считали его протеже Елизаветы I. В 1585 году королева сделала его графом Тирона, но гэльское происхождение О'Нейла оказалось более важным фактором. Может, тому виной легендарное прошлое Уи Нейлов, претендовавших на титул верховного короля Тары? Связи с Ирландией действительно оказались сильными. Чтобы разобраться в произошедшем, надо помнить: Хью О'Нейл был лоялен по отношению к короне, когда ему это было выгодно.

Поначалу восстание оказалось успешным. О'Нейл объединился с соседями О'Доннеллами и в 1598 году одержал победу над английскими

вооруженными силами в битве при Желтом броде (по иронии судьбы, английским командующим был его зять). Этим он поставил под удар английское правление в Ирландии. Королева Елизавета встревожилась и послала в Ирландию своего фаворита, графа Эссекса, чтобы тот во всем разобрался. О'Нейл обманул Эссекса: заключил с ним компромиссный мир, в то время как разгневанная государыня бомбардировала фаворита посланиями. «Милорд, О'Нейл, находится на севере, а вы на юге. Почему, милорд, почему?» — недоумевала она, совершенно игнорируя тот факт, что несчастному Эссексу нужно было подавить восстание в Манстере. Затем Эссекс спровоцировал историю, позволившую обвинить его в попытке свержения королевы, графа обезглавили, и наместником в Ирландию назначили его бывшего подчиненного, Маунтджоя.

Граф Тирона, Хью О'Нейл

Для усмирения Ирландии Маунтджой использовал драконовские методы, но в 1601 году наступил кризис: на помощь О'Нейлу вышел большой испанский флот. Он бросил якорь в бухте Кинсейл (графство Корк), вынудив Маунтджоя повернуть на юг, чтобы остановить испанцев. Между тем О'Нейл и Хью О'Доннелл находились в Ольстере, когда до них дошло известие о высадке испанцев. Хитроумно маневрируя, они прошли на юг, не наткнувшись на королевские военные подразделения. Войска Маунтджоя тем временем окружили в Кинсейле.

Произошло решающее сражение. На Желтом броде О'Нейл использовал партизанскую

тактику, которой славились ирландцы, а вот в Кинсейле ему пришлось сражаться в открытую. Маунтджой разбил ирландцев, и армия О'Нейла обратилась в бегство. Сам граф официально сдался. Он долго стоял на коленях перед Маунтджоем, после чего его отправили в замок Дублина. Он добился прощения, но сила его была сломлена.

Традиционный взгляд ирландцев на завоевание их страны Тюдорами состоит в том, что последнее было частью долгосрочных систематических попыток покорить остров. Современные исследователи это мнение не поддерживают. Они считают, что это было последнее средство английского правительства, надеявшегося завоевать англо-ирландцев и отчасти гэльских ирландцев с помощью убеждения и подкупа. Подкуп мог означать передачу Батлерам и Фицджеральдам долю конфискованной монастырской земли (земля была с благодарностью принята). Закон о главенстве короля над церковью 1537 года не помог заткнуть «луженые ирландские глотки». Лишь много позже королевское управление действительно стало протестантским.

Так что пошло не так? На этот счет высказывались разные предположения, два из которых могут считаться наиболее вероятными. Первое:

отсутствие ирландского двора означало, что у англо-ирландских и гэльских лордов не было естественного центра. Лондон был слишком далеко, а потому не мог стать адекватным заместителем такого центра. Второе: несмотря на то что в 1550-х годах графом Килдейра и Десмондам вернули королевское расположение, политическая стабильность в Ирландии так и не восстановилась. Хотя до 1530-х годов графы Килдейра состояли в альянсе с О'Нейлами, признававшими их авторитет, прежней власти у них уже не было. В этом политическом вакууме и возникли мятежи О'Нейлов в 1560-х и 1590-х годах. Сменявшие друг друга королевские наместники в Ирландии не смогли предложить адекватной альтернативы. Сначала они, подобно Сент-Леджеру рассчитывая на поддержку, осыпали ирландцев благодеяниями. Позже, подобно сэру Генри Сидни, бросили ирландцев на произвол судьбы, благодеяний больше не было. Обе тактики не привели к желаемому результату, и завоевание стало последней надеждой. Завоевание Ирландии шло рука об руку с заселением острова. В XVII веке эта концепция доминировала. Нелояльных гэльских ирландцев и англо-ирландцев замещали лояльными английскими и шотландскими

колонистами.

Взгляд завоевателя

Тюдоровские войны в Ирландии опустошили страну, казалось, это война цивилизаций. Религиозные различия между Англией и Ирландией обострились, но в XVI веке не они были главными. Все громче звучали слова о превосходстве англичан над гэльскими ирландцами. В этом было уверено большинство завоевателей.

Королева Елизавета сама говорила о необходимости «привести эту грубую варварскую нацию к цивилизации». Другой английский обозреватель писал об «ирландцах, живущих, как животные... в своих обычаях и манерах они нецивилизованнее, грязнее и грубее, чем в любой другой стране мира». Ирландцев считали никчемными второсортными людьми, и это оправдывало жесткие меры по отношению к ним. По словам одного из елизаветинских офицеров, «варварскую страну сначала нужно сломить войной, чтобы в дальнейшем она стала управляемой».

Многие верили в жуткие рассказы об Ирландии. Карта 1610 года повторяла утверждения Джеральда Валлийского о том, что некоторые острова Ирландии «заселены ангелами, а другие

— дьяволами». На гэльских ирландцев смотрели с подозрением: считали их рабами, коварными и охочими до сплетен. При этом поэт Эдмунд Спенсер писал:

> Это одна из самых прекрасных стран, что рождены под небесами. Множество рек, богатых разнообразной рыбой, пронизывают ее насквозь. А сколько здесь очаровательных островов и прекрасных озер, они словно маленькие внутренние моря!

Он был не единственным английским колонистом, которого привлекала ирландская «пора плодоношенья и дождей»[1], но чиновники Елизаветы, как правило, гэльскую поэзию не одобряли. В гэльской стране не было порядка, и это оправдывало грубые репрессии, после того как другие способы провалились. Гэльские земли заселили англичане, а позднее — шотландцы. Маунтджой, к примеру (историки обычно называют его человеком гуманным), без зазрения совести в 1601 году разорил земли Хью О'Нейла в Ольстере. Англичане видели в Ирландии колонию, и это

---

[1] Примечания: 1

Китс Дж. Ода к осени. Перевод Б. Пастернака.

напоминает родившуюся в XIX веке философию «белого человека»: Англия должна была цивилизовать варваров-ирландцев. Только позднее определяющим стал религиозный аспект — борьба истинной веры с папством.

ЖЕНЩИНЫ

Отношение английской администрации к ирландским женщинам позволяет заглянуть в глубь конфликта гэльской ирландской и английской культуры (вспомним, что англо-ирландцы постепенно усвоили гэльский образ жизни). Английские путешественники часто недоумевали, когда ирландки приветствовали их поцелуем, пили вино и садились за праздничный стол. Все это воспринималось как признак нецивилизованного поведения, в то время тюдоровские англичане отличались грубостью и невоспитанностью. На самом деле ирландские женщины были намного свободнее своих английских визави. Они могли после брака сохранять свои фамилии, да и развестись здесь, по древнеирландскому праву, было намного легче. Практика пробных браков, так называемое добровольное совместное проживание, шокировала англичан. Ирландские брачные

законы отличались от английских. Один историк заметил, что даже в XX столетии жены Донегала продолжали иногда жить в родительском доме. Известно также, что сексуальные отношения родственников (двоюродные брат и сестра) были обычным явлением, и ирландские иезуиты разрешали подобные браки, даже если это противоречило католической практике.

Рисунки 1575 года демонстрируют значительную разницу между гэльским ирландцем и горожанкой из Пэйла

В отношении некоторых аспектов поведения ирландских женщин английские историки разделились. Некоторые считали их сексуально неразборчивыми, другие утверждали, что они целомудренны. Большинство сходилось на том, что ирландцы обоих полов чувственны и непостоянны. Некоторые ученые находили в сексуальной распущенности доказательство, что ирландцев необходимо цивилизовать. Правда в том, что гэльская ирландская семья была более гибкой и крепкой. Англичан удивляла прочность связей с усыновленными детьми, несмотря на то что практика усыновления и в Англии являлась делом обыкновенным.

ЭКОНОМИКА

Жизнь в гэльской Ирландии во времена тюдоровских войн оставалась все еще примитивной. Например, одежда: жители гэльских районов носили грубые шерстяные плащи и холщовые рубашки. Еда тоже была простой. Выращивали

злаки, ели в основном овес, пекли овсяные лепешки, употребляли масло и другие молочные продукты. В рационе отсутствовали зеленые овощи, похоже, в гэльской Ирландии их систематически не выращивали. Люди ели водяной кресс-салат и другие дикие растения, смешивая их с маслом. Сохранились описания гэльских пиров того времени, где съедали немало мяса, но, возможно, это относилось только к вождям кланов и их семьям.

Пастушеское фермерство

Ирландцы не занимались систематической землеобработкой, вместо этого они выгоняли в поле большие стада. Хотя выращивали скот скорее ради шерсти и кожи, а не мяса, животные в изобилии давали молоко, из которого готовили масло и сыр. Кровь забитого скота использовали для приготовления пудинга — смешивали его с овсом. Такая система пастушеского фермерства была, разумеется, расточительной, а техническая вооруженность земледелия ограничивалась лопатой. Имелось и преимущество — гибкость, необходимая в тревожные времена: скот при опасности перегоняли на более безопасные

пастбища. Все это затрудняло образование постоянных поселений. Города в гэльских районах были редкостью.

Англо-ирландские районы

У англо-ирландцев сельскохозяйственная практика была совершенно другой, здесь систематическая обработка земли являлась нормой. Возможно, это объяснялось тем, что англо-ирландцы хорошо освоили этот навык в южной Англии, а также и тем, что они предпочитали колонизировать лучшую почву. Это позволяло им выращивать полный набор злаков. Они использовали плуги и строили постоянные деревни. Впрочем, такая привязанность к земле делала англо-ирландские общины беззащитными перед разрушениями, вызванными тюдоровскими войнами. Историки предполагают, что в Манстере XVI века особенно пострадали от разорения англо-ирландцы.

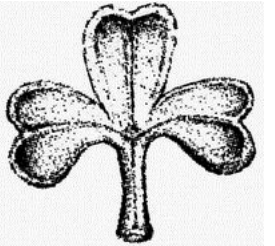
Население

Примитивная сельскохозяйственная оснащен-

ность гэльских областей вкупе с разрушениями, вызванными войнами, привели к уникальным показателям в ирландской демографии. В то время как в Европе за сто лет население удвоилось, в Ирландии оно оставалось на прежнем уровне — около 750 000 человек. Население на острове распределялось равномерно, пока войны 1580-х и 1590-х годов не опустошили плодородные земли Манстера и Ольстера.

ТОРГОВЛЯ

В XVI веке экономическое развитие затрудняла позиция вождей гэльских кланов. Произошло это из-за финансового оброка, который они налагали на купцов, пытавшихся торговать с гэльскими районами. Поэтому торговля внутри и за пределами Ирландии (всегда небольшая) была преимущественно англо-ирландской. Скот, шкуры и льняная пряжа обменивались на вино, соль и промышленные товары. Экспортная торговля с Англией осуществлялась англо-ирландскими купцами в портах, таких как Дублин и Уэксфорд.



ГЛАВА 9
От Ратмуллана до Бойна, 1607-1690 годы

4 сентября 1607 года в маленький порт Ратмуллан, что с западной стороны длинного морского залива, зашел французский корабль. На борт поднялись два человека со своими семьями и сторонниками. Один из них — Хью О'Нейл, граф Тиронский, другой — Рори О'Доннелл, граф Тирконнелл, младший брат Хью О'Доннелла. Так произошло событие, известное в ирландской истории как «бегство графов». Многие считают, что именно это событие отделяет Ирландию от ее древнего гэльского прошлого.

В некотором смысле бегство графов Тирона и Тирконнелла было неожиданным и, конечно же, удивило английских чиновников Дублина. Причиной послужило то, что Хью О'Нейл, после многих лет сражений, присягнул в 1603 году короне, и ему позволили сохранить большие поместья в Ольстере. Это привело в ярость многих бывших солдат Маунтджоя. Власть Хью О'Нейла в Ольстере была крепка. В том же году королевский генеральный прокурор заметил, что «лучшая

часть провинции Ольстер отказывается принять королевское предложение мира, пока они не получат на это дозволения графа Тиронского».

Зачем же графы Тирон и Тирконнелл бежали, оставив свои земли английской короне? Мотивы их, похоже, были сложными. Разумеется, они, и О'Нейл в особенности, к 1607 году попали под сильное давление королевских чиновников и утрачивали свободу действий в родной провинции. При Якове 1(1603-1625) религиозная политика обрела карательный характер, и католики, подавляющее большинство сторонников двух графов, подвергались штрафам за нонконформизм (в данном случае — за нежелание посещать церковь Ирландии в установленные дни каждого года). Ходили также слухи, что О'Нейл состоит в сговоре с испанцами. Возможно, эти слухи распускали те, кто хотел захватить его землю, однако они не казались неправдоподобными после событий в Кинсейле в 1601 году.

Как бы там ни было, но О'Нейл и О'Доннелл ощущали давление, вынудившее их бежать из страны (оба умерли в Риме, в 1616 и 1608 годах соответственно). Об этом бегстве в Ирландии сложено немало легенд, и значение его несколько преувеличено. Конечно, оно открыло Ольстер

для англо-шотландского заселения в XVII веке, но последние исследования показали, что даже О'Нейл, великий гэльский герой, внедрял английские методы передачи земель в поднаем, а не использовал свободные гэльские обычаи, основанные на кровных узах.

Сам О'Нейл, конечно же, соединял в себе англичанина и ирландца, был гэльским защитником и протеже королевы Елизаветы, но интересно, что даже традиционные гэльские поэты критически относились к поведению коренных ирландских лордов. Современные исследования показывают, что в Ольстере, на тот момент самой гэльской из всех ирландских провинций, поэты, такие как Лугайд О'Клейриг и Эохайд О Эодхаса, не щадили самолюбия местных лордов и даже принимали земельные владения, когда случалось новое массовое заселение колонистов.

Колонизация Ольстера

«Побег графов» поставил перед английской короной вопрос: что делать с обширными землями, оставленными в Ольстере Тироном и Тирконнеллом? Два года прошли в обдумывании, пока Яков I в 1610 году не принял решения. Такая осторожность была вызвана последствиями колонизации Манстера 1560-х и 1580-х годов и даже более скромной попытки колонизации Ольстера в 1570-х годах. Выработали правила, регулирующие новое заселение. Именовались они так: «Порядок и условия заселения Ольстера». Новое заселение 1610 года охватывало бывшие графские территории в Донегале, Тироне, Дерри и Арме, плюс графства Ферманах и Каван. Колонизация осуществлялась в куда более широких масштабах.

Организована она была тоже гораздо лучше. Это доказывает заселение графства Дерри. Оно подчинялось так называемому «Ирландскому обществу» в городе Дерри, переименованном новыми колонистами в Лондондерри в связи с тем, что определяющую роль в колонизации графства сыграл Лондон. Общество раздавало землю раз-

ным компаниям — торговцам мануфактурными товарами, солеварам, торговцам рыбой, галантерейщиками и т. д. (в графстве Лондондерри до сих пор есть города Дрейперстаун и Солтерстаун, названные в честь тех компаний).

Заселение графства Дерри стало катастрофой для гэльских ирландцев. Им досталось лишь десять процентов от всех земель, и при этом они обязаны были платить за землю двойную ренту новым колонистам. Еще пять процентов земель должно было отойти бывшим английским солдатам, отвоевавшим ее в ирландских войнах. Остальное досталось английским и шотландским колонистам, причем они получили лучшую, самую плодородную землю. Но были и обременительные условия: новым колонистам полагалось внедрять английские обычаи и исповедовать протестантскую религию. Они не имели права селить у себя ирландцев.

Колонизация во всех отношениях казалась успешной. К 1630 году в Ольстер переехали 14 500 мужчин, а с учетом их семейств — 24 000 человек. Впечатляющее переселение для того времени. Переселенцы проявляли независимый дух, они достигли преуспеяния, которого не сумели добиться в Англии и Шотландии.

Ирландия, однако, оставалась Ирландией, и местные условия изменили первоначальные условия заселения. Основная причина — местные ирландцы продолжали жить на своей земле, поскольку новоприбывшим требовался дешевый труд и рента, которую платили им ирландские работники. Итак, хотя ирландские землевладельцы были вытеснены на запад, в глухую провинцию, их бывшие крепостные остались на месте. Это был отход от первоначальной схемы: не получилось заселить Ольстер целиком лояльным протестантским населением. Новые жители были окружены обиженными, лишенными прав гэльскими ирландцами (ситуация, похожая на ту, с которой столкнулись отцы-пилигримы в 1620 году сразу после высадки в Новой Англии). Неудивительно, что английские и шотландские колонисты беспокоились за собственную безопасность.

КОЛОНИЗАЦИЯ ВОСТОЧНОГО ОЛЬСТЕРА

После 1610 года в Ольстере появился особенный анклав, при том что бывшие солдаты и гэлы получили больше земли вне Дерри. Этим анклавом

была шотландская колония восточного Ольстера, причем главную роль здесь сыграла география: шотландские мигранты столетиями проплывали в Ольстер через узкий канал (в качестве примера назовем Макдоннеллов). В результате в 1606 году на полуострове Ардс образовалось небольшое поселение. Финансировали его два протестантских авантюриста, Монтгомери и Гамильтон, заключившие сделку с местным гэльским вождем клана. Колония разбогатела и в конце века сделалась для шотландской миграции чем-то вроде берегового плацдарма. Шотландцы заполнили пустоты, оставшиеся после колонизации, спонсированной английской короной. Их успех означал, что большая часть новых колонистов была скорее шотландской, чем английской.

ПРЕСВИТЕРИАНСТВО

Эти шотландцы были пресвитерианцами и не принадлежали к англиканской церкви; для современной ирландской истории это важно, в особенности для истории Северной Ирландии. Их вера восходила к доктринам французского теолога Жана Кальвина, придерживавшегося концепции «предопределения» рая для «из-

бранных» и ада для остального человечества. В пресвитерианстве коренилась твердость убеждений шотландских колонистов, которой не обладали английские переселенцы.

После 1610 года в Ольстере ситуация все больше запутывалась, поскольку английские и шотландские колонисты смешивались с притесняемым гэльским населением. Опасность усилилась, когда в провинции появилось около 5000 бывших солдат графов Тиронского и Тирконелла, которые, по словам Роберта Ки, «угрюмо рыскали по лесам и болотам».

Восстание 1641 года

Беда пришла в октябре 1641 года, но Ольстером она не ограничилась, потому что угнетение гэльских ирландцев ощущалось на всем острове. И многие члены старой англо-ирландской аристократии, которую иногда называли «старыми англичанами», также почувствовали, что их позициям угрожает приток новых колонистов. Поэтому неудивительно, что представители этого слоя, такие как сэр Фелим О'Нейл и Рори О'Мор, возглавили ирландское восстание 1641 года.

Был и осложняющий фактор. Мятежники думали, что получили благословение короля Карла I (1625-1649). Такое впечатление произвели его распри с английской палатой общин: в 1620-х годах он назначил своим наместником в Ирландии Томаса Уэнтворта, графа Страффорда, проводившего на острове антишотландскую политику. У Страффорда были планы дальнейших конфискаций в Уиклоу и Клэре, однако парламент счел, что королевская сторона настроена сочувственно по отношению к католикам. В 1640 году Уэнтворта отозвали, обвинили в государственной измене и по распоряжению парламента казнили. Все

это можно рассматривать как свидетельство ослабления королевской власти. Ирландские мятежники 1641 года рассматривали Карла как потенциального союзника. Король, с известной долей цинизма, готов был использовать ирландскую армию для борьбы с парламентом. Но для ирландских мятежников приоритетной задачей являлось уничтожение протестантизма в Ирландии, ведь последствием «смены вер» явилась колонизация страны.

События 1641 года внесли напряженность в жизнь острова. Нет сомнений, что ужасные избиения протестантских колонистов гэльскими ирландцами действительно имели место, особенно в Портадауне (графство Арма), где мятежники выгнали из дома сотни мужчин, женщин и детей и сбросили их с моста. Те, кто сумел доплыть до берега, были застрелены, а некоторые ирландцы якобы сели в лодки и били по голове людей, барахтавшихся в водах реки Банн.

Гравюра на дереве иллюстрирует жестокое обращение с протестантскими колонистами

Относительно количества жертв шли споры, особенно когда в библиотеке дублинского Тринити-коллдежа появились тридцать два тома свидетельств. Показательным примером может служить дело некой Элизабет Прайс из Армы: у нее отобрали пятерых детей и сбросили с моста в Портадауне:

> А для этой, дающей показания, и многих других, что остались, придумали

> разнообразные пытки... и эту, дающую показания, трижды подвешивали, чтобы она призналась, куда спрятала деньги. После опускали, обжигали ей подошвы ног и часто били кнутом...

Современные историки, такие как Рой Фостер, не сомневаются в том, что большая часть «свидетельств» является слухами и сильно преувеличена. Сам Фостер полагает, что погибли 4000 человек, около 20 процентов населения в 1630 году (с учетом прироста населения к 1641 году указанный процент снизится).

Более важным, однако, является то, что число убитых стало исторической легендой о 1641 годе в памяти протестантской общины в Ольстере. В коллективном сознании протестантов и в ежегодном распорядке жизни в провинции огненным клеймом выжжены слова «Помни 1641-й». Например, в 1662 году ирландский парламент объявил, что 23 октября, день восстания, «отныне должен праздноваться в этом королевстве как святой день». И в XVIII веке устраивали памятные демонстрации, а в протестантских церквях служили молебны в память о тех черных днях. Так в Ольстере началась нездоровая традиция напоминания о событиях, о которых

следовало бы забыть.

После 1641 года ситуация переросла в так называемую «войну трех королевств»: в Ирландию вошли шотландская и английская армии, а ирландцы двинулись на помощь королю Карлу. 1642 год был отмечен двумя значительными событиями: началась гражданская война между английским королем и парламентом, а ирландские мятежники нашли командира — Оуэна О'Нейла (1590-1649), племянника великого Хью. В испанской армии он набрался военного опыта. О'Нейл был одним из ирландских лидеров, противостоявших жестокости. Историки считают, что зверства стали результатом недисциплинированности, а не плана по уничтожению протестантского населения. Следует также помнить, что часть англо-ирландской аристократии оставалась лояльной английской короне. Ее силами командовал Джеймс Батлер, граф Ормонд (1610-1688), ставший в 1644 году главой судебной и исполнительной власти острова.

Такой любопытный парадокс произошел из-за того, что Карл I, дабы избежать обвинений в связи с папистами (его жена была католичкой), утверждал, что не имеет отношения к ирландским повстанцам, хотя втайне надеялся на использо-

вание ирландской католической армии против своих врагов из парламента. В 1640-х годах католическая Ирландия была поделена между врагами и защитниками английской короны. Протестантская Ирландия также разделилась на людей, лояльных королю Карлу, и тех, кто желал победы парламенту. Ситуация еще больше запуталась, когда шотландская армия численностью 10 000 человек поднялась на борьбу за ольстерский протестантизм. Карл объединился с шотландцами и попытался навязать им англиканскую религию, а не пресвитерианство, бывшее нормой в Лоуленде (Хайленд оставался католическим).

Конфедерация

Католических мятежников в Ирландии после 1641 года называли «конфедератами». Однако и они были разделены. С одной стороны, был Оуэн О'Нейл и гэльские ирландцы, вознамерившиеся защищать католическую религию и уничтожить колониальную систему (их намерение стало еще тверже при известии о том, что английский парламент планирует в Ирландии новые поборы — до одного миллиона фунтов). Даже здесь имелись различия, ибо О'Нейл был сыном контрреформации в Испании, а у этого движения не было ничего общего с протестантизмом. Он был мятежником, желавшим, как и гэльские ирландцы, получить назад утраченные земли.

Их поддерживала англо-ирландская аристократия, за исключением сторонников Ормонда, наивно веривших, что при власти английской короны их католицизм будут терпеть. Возможно, так бы и случилось, если бы английскую гражданскую войну выиграл Карл I, а не парламент. О'Нейл считал такой взгляд абсурдным: он привык к яростным религиозным войнам на континенте, где тогда бушевала Тридцатилетняя

война (1618-1648).

Впоследствии оказалось, что О'Нейл прав. Он успешно командовал силами конфедерации. В 1646 году его талант засвидетельствовала победа при Бенбербе над шотландской армией Монро. Лорды Лейнстера нуждались в помощи О'Нейла: они хотели выгнать из Пэйла английскую армию. Но победы оказались иллюзорными. Даже в период относительного успеха внутри самой конфедерации существовала значительная напряженность. Помимо других жалоб отмечалось, что англо-ирландские лидеры восстания не дают гэльским ирландцам пользоваться мушкетами и амуницией.

Вторжение Кромвеля

Судьбу католической Ирландии решили события в Англии 1642-1649 годов. Кульминацией их стало поражение, смещение с трона и казнь Карла I, а одновременно с этим — приход к власти Оливера Кромвеля, который стал лордом-протектором только что созданной республики. Отразив вызов шотландцев в августе 1649 года, Кромвель обратил внимание на Ирландию. Нюансы ирландской политики для него мало что значили. Его совершенно не беспокоило, что Ормонд и другие англо-ирландские лорды лояльны английской короне. В глазах Кромвеля паписты были папистами, и он поставил себе задачу внедрить протестантизм во всей Ирландии и восстановить порядок. Как и все протестанты, он помнил об убийствах 1641 года и считал себя рукой Божьего гнева. Беззаконность действий католических ирландцев усугублял тот факт, что в английской гражданской войне они держали сторону Карла Стюарта, «кровавого человека».

Для осуществления возмездия у Кромвеля была армия численностью в 20 000 человек, в то время едва ли не лучшее европейское войско.

Этой армии предстояло залить Ирландию кровью. Страна так и не забыла и не простила поход Кромвеля.

ДРОГЕДА

Свою мрачную репутацию Кромвель заслужил во время жестокого разграбления Дрогеды, города к северу от Дублина. Армия окружила город в сентябре 1649 года, и Кромвель потребовал, чтобы гарнизон сдался «во избежание кровопролития». Гарнизон отказался, и английская армия атаковала город — проделала брешь в крепостной стене, однако не сразу прорвалась через защитников и понесла тяжелые потери.

Такая задержка, похоже, разъярила Кромвеля и его солдат. В следующем штурме они ворвались в город и уничтожили около тысячи мужчин, женщин и детей (в том числе и младенцев). Католических монахов и священников убили в церкви, других защитников Дрогеды сожгли заживо еще в одной церкви. В письме к английскому парламенту Кромвель писал: «Я убежден, что это справедливый суд Господа над варварами».

Трудно оправдать поведение Кромвеля в Дро-

геде, и его биограф, Антония Фрейзер, даже не пытается этого сделать. Она считает, что «в Дрогеде Кромвель потерял самоконтроль. Кровь в буквальном смысле залила ему глаза — кровь товарищей после провала первой попытки штурма». Она, правда, отмечает, что такое поведение было необычно для Кромвеля, бывшего до той поры милосердным к врагу, но, возможно, на него повлияла внушенная самому себе роль мстителя за 1641 год. Он, кажется, уверил себя, что жители Дрогеды принимали участие в резне того года. Это, разумеется, абсурдно: ведь Дрогеда находилась внутри Пэйла, к тому же в гарнизоне Дрогеды состояли бывшие королевские офицеры. Рассказывают, что Эштона, английского командира гарнизона, забили до смерти его же собственной деревянной ногой. Он был давним врагом Кромвеля.

В каком-то смысле кровопролитие в Дрогеде достигло своей цели, так как новость о побоище распространилась по Ирландии. Ормонд писал будущему королю Карлу II:

> Невозможно вообразить себе ужас, который вызвали у людей эти события.

(Англичане, как и Ормонд, были лояльны ко-

роне, а не парламенту.)

Из страха перед еще одной Дрогедой крепость за крепостью без всякого сопротивления сдавались Кромвелю. Уэксфорд стал исключением. Войска Кромвеля разграбили город в процессе переговоров, убили 2000 человек, включая 200 женщин и детей. К этим потерям прибавилась гибель жителей других городов, хотя некоторые из них, как Клонмель, сумели некоторое время продержаться.

Мало что можно сказать в оправдание ирландской кампании Кромвеля, однако следует помнить, что XVII век в Европе был временем религиозной нетерпимости (ужасное нападение на германский Магдебург произошло лишь за год до побоища в Дрогеде и Уэксфорде), так что поведение Кромвеля следует рассматривать в этом контексте. Он был достаточно терпимым, чтобы позволить евреям остаться в Англии, но такая терпимость не распространялась на католиков, будь они ирландцы или англичане.

Ирландия Кромвеля

Кромвелевской Ирландии историки уделяют мало внимания. Учитывая традиционное ирландское «проклятие Кромвеля», это, возможно, и неудивительно, хотя один или два британских историка, такие как Дж. Фрауд в XIX веке, пытались представить роль Британского содружества наций в Ирландии как модель просвещения. Главным аргументом против были новые карательные колонии, возникшие после победы Кромвеля. Католических ирландских землевладельцев переселили в западную провинцию Коннахт. Почва там была каменистая и непригодная к земледелию. Католикам пришлось служить своим новым протестантским хозяевам, но кромвелевские колонии стали символом унижения всей католической гэльской Ирландии и старой англо-ирландской аристократии. Кромвель сместил даже Ормонда, только потому что тот был лоялен английской короне.

Католических землевладельцев сменили так называемые авантюристы. Надеялись, что продажа им ирландской земли покроет издержки в три миллиона фунтов, понесенные в 1641 году. На са-

мом деле вырученные деньги и не приблизились к этой сумме, хотя английский парламент привез людей даже из Голландии. Да и в других отношениях кромвелевская колонизация окончилась неудачей. Надеялись, например, что католиков полностью выгонят из ирландских городов, но этого не случилось, несмотря на невероятные идеи, такие как продажа всего Голуэя городу Глостеру.

АНТИКАТОЛИЦИЗМ

Отличительной чертой этого исторического периода было наступление на католическую церковь. Примечательно, что парламентские уполномоченные, назначенные Кромвелем в Ирландию, не слишком старались обратить в протестантизм гэльских ирландцев, возможно, поняв, что те не поддадутся. Однако священников безжалостно преследовали, и были приняты значительные меры для предотвращения служения католической мессы. В результате появилась традиция mass-rocky или массового богослужения, — люди собирались на каком-либо заранее назначенном пустыре, и мессу служили на открытом воздухе.

Постепенно после Кромвеля Ирландия разделилась на «две нации»: протестантское меньшинство стало управлять оскорбленным и лишенным прав католическим большинством.

ИРЛАНДИЯ ПРИ КАРЛЕ II

Когда после реставрации Карл II (1660-1685) вернулся на английский трон, ирландские католики начали надеяться на перемены. В конце концов король был женат на португальской католичке, а ирландские католики боролись за дело его отца. Надежды оказались тщетными, поскольку Карл не хотел снова пускаться в авантюры, а потому вел себя чрезвычайно осторожно и не противостоял английским протестантам.

О том, как сильны были антикатолические чувства в Англии, стало ясно во время так называемого «папистского заговора» 1678 года. Тогда ренегат Титус Оутс заявил, что католики устраивают заговор против английского правительства. Отрывок из речи проповедника, чья страсть наверняка зажгла ирландских пресвитерианцев, дает ощутить дух того времени. Этот пророк предупреждал протестантов, что жены их находятся в опасности:

Они могут пасть жертвой похоти любого обитателя болот, ваших дочерей похитят распутные монахи, маленьких детей поднимут на копья и разорвут на куски, вам самим выпустят кишки... или прежде придумают для вас изощренную пытку, ваш жир пойдет на свечи... да так все и происходило на нашей памяти (явная отсылка к 1641 году).

Самой заметной жертвой антикатолической истерии стал Оливер Планкетт (1629-1681), католический архиепископ Дублина. Его увезли в Лондон и после того, что один историк назвал «пародией на суд», повесили, а потом и четвертовали в Тайберне. (В 1975 году Планкетт был канонизирован папой Павлом VI.)

Яков II и возрождение надежд католиков

Перед католической Ирландией на короткое время забрезжила надежда, когда на трон взошел брат Карла II — Яков II (1685-1688). Яков намеревался реабилитировать католицизм в Англии и направил Ричарда Тэлбота, графа Тирконелла, в Ирландию в качестве генерал-губернатора. Бестактно и слишком быстро Тирконелл принялся назначать католиков на важные посты. Он также начал готовить католическую армию, потом взялся за ирландский парламент в Дублине — стал включать в него католиков с тем, чтобы они вернули земли, отнятые Кромвелем.

Такая политика, не отличавшаяся от той, что проводил в Англии сам Яков, грозила неприятностями, и в 1688 году они не замедлили явиться в лице королевского зятя, Вильгельма Оранского. Взбунтовавшиеся тори и виги пригласили его занять английский престол. Яков вынужден был просить помощи у французов и у католиков-ирландцев, остававшихся лояльными династии Стюартов.

ОСАДА ДЕРРИ

Высадка Якова в Ирландии вызвала сильное беспокойство в протестантских общинах, снова послышались разговоры о бойне 1641 года. Особенно волновались в Дерри, заслышав известие, что Яков посылает туда полк католиков под командованием графа Антрима.

Протестанты Дерри спорили о том, что предпринять. Англикане, включая епископа Лондондерри (так называли этот город протестанты), думали, что невозможно воспрепятствовать проходу королевского полка, в то время как пресвитерианцы были уверены в необходимости защитить себя от папистов. Городские власти решили пропустить «красноногих» (уроженцев Хайленда), но их планы расстроили тринадцать мальчиков-подмастерьев. 7 декабря 1688 года они взяли все в свои руки и захлопнули городские ворота перед людьми Антрима. Эта дата выжжена в душе ольстерских протестантов и каждый год отмечается в церемониях, которые приезжим кажутся странными.

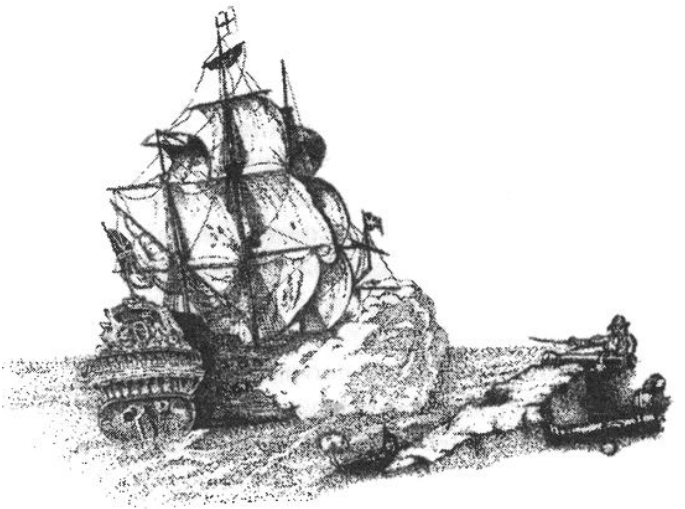
Осада Дерри началась в апреле 1689 года, поначалу была весьма символической, в июне за

дело взялись всерьез. Эта фаза продлилась шесть недель. Яков II лично появился под городскими стенами, но его армия была плохо готова к осаде (у нее имелась всего одна пушка). Даже в этом случае протестантский командир Роберт Лэнди предпочел бы сдаться якобинской армии, но жители ему не позволили. Они с позором выставили Лэнди из Дерри. Одет он был как простой солдат, заготовлявший дрова. Даже сейчас прозвище «Лэнди» звучит оскорбительно для ольстерского протестанта.

В результате осады 30 000 протестантов внутри городских стен начали испытывать сильные лишения. Вскоре им пришлось есть мышей, крыс, собак, свечи и даже кожу. Согласно одному сохранившемуся свидетельству, дородные жители Дерри не рисковали выходить из своих домов во время осады, потому что соседи жадно на них посматривали. Для католиков осада была еще труднее: армия испытывала дефицит. Привезли несколько орудий на подмогу единственной пушке, способной пробить стены, но у многих солдат в качестве оружия были только пики да заостренные палки.

Осаждающая сторона устроила заграждение на реке Фойл, чтобы не допустить прибывающие

корабли, а у армии Вильгельма, похоже, недоставало решимости сломить преграду. Дважды английские корабли не смогли прорваться и ушли, но 28 июля 1689 года все-таки прорвались и сняли осаду. Это событие вошло в протестантские легенды, как и убеждение, что на англичан нельзя положиться (хотя именно они в конце концов спасли Дерри).



Корабли идут на выручку Лондондерри

БОЙН

Вильгельм Оранский, Вильгельм III (1689-1702), высадился в Каррикфергусе в 1690 году, намереваясь захватить ирландскую часть своего королевства. 12 июля он победил армию короля Якова в битве при реке Бойн. Еще одно географическое название приобрело для протестантов символическое значение. На самом деле битва не была решающей, в 1691 году Вильгельму пришлось провести еще одну кампанию и выдержать самое серьезное сопротивление католиков к западу от Шеннона, там, где были сосредоточены католические землевладения. Отчаянно сопротивлялись и в Атлоне, и на поле брани в Огриме, и во время двух осад Лимерика, но все было бесполезно. В 1691 году якобитская католическая армия под командованием Патрика Сарсфилда, графа Лукана, вынуждена была сдаться в Лимерике. Возможно, удивительно, что по лимерикскому договору офицерам было позволено пойти на службу к французскому королю Людовику XIV. Так возникла традиция «диких гусей». Католики-ирландцы начали с честью служить во французской армии, и по крайней мере один из их потомков в XIX веке

стал маршалом Франции.

Несмотря на то что сражение при Бойне было не таким уж важным, кампания Вильгельма 1690-1691 года определила судьбу католической Ирландии: XVIII век стал веком протестантского верховенства. По иронии судьбы, Бойн не был местом масштабного столкновения протестантизма и католицизма, как о том рассказывают протестантские исторические мифы. Неудобный факт: папа поддерживал протестанта Вильгельма Оранского, отчаянно сражавшегося против французского короля Людовика XIV (как и австрийские католики Габсбурги). Черно-белое бескомпромиссное восприятие религии в ирландской истории никогда не распространялось на остальную Европу, и этим частично объясняется, почему религиозные споры за пределами Ирландии не вызывали больших распрей внутри страны. Все протестантские рассуждения о «бедности и деревянных башмаках» и призыв «Помни 1690-й» восходят к событиям в Дерри и на берегах Война.

Для католиков события 1690-1691 годов могли означать только одно: дальнейшую дискриминацию и репрессии. Ни английский парламент, ни ирландские протестанты не готовы были смяг-

читься. Законы, утвержденные Вестминстером, отстранили ирландских католиков от службы и исключили из парламента. Но ирландский парламент в Дублине, большинство в котором составляли протестанты, расширил религиозную дискриминацию, удалив священников и епископов. Католикам запретили преподавание, службу в армии, жениться на протестантках и принимать участие в местных судах. Ирландские католики дорого заплатили за поражение, как и Яков II, сосланный во Францию. В ретроспективе, однако, трудно понять, как Яков, лишенный поддержки в Англии, смог бы преуспеть в Ирландии.

Культура

Ирландские католики проиграли войну за сохранение своей религии и дела якобитов, их попытка противостоять английскому культурному вторжению тоже провалилась. К концу XVII века английский язык неумолимо распространился по всей Ирландии. Он сделался деловым языком — подтверждением этого является новый смысл гэльского слова bearla, первоначально означавшего «технический жаргон», теперь так стали называть английский язык. Интересно, что слово sasanach (связанное больше с шотландскими гэлами) означало и «протестант», и «англичанин».

Правительство не проводило целенаправленной политики по вытеснению гэльского языка, но появление в Ирландии английских колонистов и английских обычаев сделало кончину местного языка почти неизбежной. Гэльский, в конце концов, был языком побежденных и униженных. Впрочем, как и в предыдущие столетия, он жил в легендах, поэзии и в устной истории как своего рода протест против обвинений в варварстве, которые приходилось выслушивать от англичан. Несколько гэльских поэтов, особенно Пирс Ферье

(1600-1653), сражались в конфедератских войнах, и лейтмотивом их творчества был потерянный гэльский мир, разрушенный колонистами Кромвеля.

С другой стороны, в XVII веке в среде поселенцев бурлила активная интеллектуальная жизнь. Одним из центров являлась церковь архиепископа Ашера в Дублине, где следует особо отметить голландских братьев Арнольда и Джерарда Боатов (последний написал значительный научный труд «Естествознание Ирландии»). К колониальному обществу принадлежал и известный физик Роберт Бойль (1627-1691), основатель Английского королевского общества, открывший закон взаимозависимости давления, температуры и молярного объема идеального газа. Еще одной значительной фигурой был сэр Уильям Петти (1623-1687), написавший труд о том, как Ирландия может разрешить проблемы, связанные с земельной собственностью. Ирландия обрела сомнительную честь -^ быть самой изученной страной Европы, хотя главной причиной такого изучения являлась «помощь» протестантам в конфискации земель. Из научных сфер, таких как естествознание, исключили гэльских ирландцев, в подтверждение мифа, что их интересуют преж-

де всего легенды и чудеса.

Ирландия в 1700 году

В соответствии с подсчетами Петти, в Ирландии начала XVIII века проживали около 1,3 миллиона человек. Следовательно, она являлась одной из самых плотно населенных стран Западной Европы. В предыдущем веке Ирландия была травмирована постоянными переселениями и колонизациями. Поразительную поддержку такой оценке дает следующая статистика: в 1641 году у ирландцев-католиков было 59 процентов ирландской земли, в 1660 году, после кромвелевской колонизации, эта цифра опустилась до 22 процентов, а в 1695 году, после победы Вильгельма Оранского, упала до 14 процентов. В 1714 году на трон взошел ганноверский король Георг I, и доля принадлежащей католикам ирландской земли сократилась до 7 процентов. Менее чем за сто лет гэлы и англо-ирландцы, имевшие во владении две трети острова, остались буквально ни с чем, да и эта малость представляла собой жалкую каменистую почву в Коннахте (остальной территорией графства Клер владел парламент Кромвеля). Такова потрясающая реальность в Ирландии XVII века.

Попытки к примирению двух сторон неизменно приводили к размежеванию «победителей» и «побежденных». Они жили в напряженном соседстве. Изменившийся баланс сил готовил в ближайшем будущем еще один 1641 год, но протестантскому меньшинству часто напоминали о зреющем недовольстве, которое они сами и вызвали. Ирландский народ продолжал жить на земле — возделывал поля, выращивал скот. Некоторые зарабатывали, занимаясь прядением шерсти, производством льняных тканей. Ирландский экспорт состоял в основном из текстиля и продуктов животноводства. Поднять низкий уровень жизни ирландского крестьянина было нечем.

Землевладельцы и зажиточные крестьяне начали демонстрировать свое богатство — строили просторные деревенские дома и даже городские дома в Дублине. В этом городе проживали уже 50 000 человек, и он сделался настоящей столицей. Там имелось два древних собора, кипела интеллектуальная жизнь, ирландский капитал можно было сравнить с капиталом крупных европейских городов. Доход от экспорта позволил построить канал, и это превратило большую часть Лейнстера, северо-восточный Ольстер и

часть восточного Коннахта в пригород столицы.

И все же Ирландия, как отметил историк Николас Канни, оставалась в подчиненном положении. Это чувствовалось даже по элите. Ее представители могли жаловаться на ограничивающий их права парламент Дублина, но землевладельцы все же предпочитали обучать своих детей в Англии и выдавать их (или женить) за английских аристократов, а не за местную знать. И как средневековые английские монархи выказывали мало интереса к событиям, происходившим за Ирландским морем, так и всего два их преемника посетили ирландское королевство в период между 1500 и 1689 годами.

Тем не менее ирландский дух отказывался исчезнуть, и лишенное собственности католическое крестьянство, как и владельцы земельной собственности, оставались в убеждении, что со временем обретут то, чего их несправедливо лишили. Как далек от них тот день, в 1700 году ни один ирландский католик сказать бы не решился.

ГЛАВА 10
Протестантское верховенство, 1690-1800 годы

События 1690-1691 годов в Ирландии доказали, что католическая контрреволюция Якова II провалилась, и это привело к тому периоду ирландской истории, который мы знаем как «протестантское верховенство». Этот термин означает расцвет ирландского протестантизма, выросшего на неполноценности ирландского католицизма.

Штрафные законы

Ирландский протестантский парламент в Дублине вернулся к условиям договора, заключенного в 1691 году в Лимерике. Произошло это по воле голландца Вильгельма III (новый титул Вильгельма Оранского, который теперь управлял Англией и Ирландией совместно с супругой Марией, дочерью Якова II). Католики-ирландцы систематически изгонялись из всех сфер ирландской жизни. По законам, принятым дублинским парламентом после поражения Якова II, католикам запретили занимать государственные должности, лишили права голоса, им нельзя было работать в суде, покупать землю, арендовать землю более тридцати одного года и завещать землю родственникам-католикам. Земля могла быть возвращена только тому, кто обращался в протестантизм.

Закон не запрещал исповедовать католическую религию, но сделал жизнь ирландских католиков невероятно трудной. Католические священники должны были регистрироваться у властей, католическая церковь существовала только на приходском уровне. Запрещены были

религиозные ордена, например бенедектинский, не стало более епископов и архиепископов. Все служило одной цели — уничтожить католическую церковь, потому что без епископов новые священники не могли быть посвящены в духовный сан.

Только все это оставалось на бумаге. На практике же подавляющая масса ирландцев были католиками, и штрафные законы с этим ничего не могли поделать. В 1720-х годах в крупных городах Ирландии строились католические церкви, даже если их и прятали на отдаленных улочках. Видя, что католицизм не уничтожишь, местные власти смотрели на него сквозь пальцы, хотя и не без взяток. В Голуэе, к примеру, в бухгалтерских ведомостях доминиканской церкви (формально нелегальной) за 1731 год содержится следующая запись: «На кларет для шерифов... два шиллинга и два пенса». Судя по всему, время от времени шерифы совершали рейды в известные им католические церкви, но те очень легко откупались, и статус-кво сохранялся. Пока бенедиктинские, доминиканские и августинские монахи не шумели, их терпели. Католические епископы и архиепископы, хотя жили и без прежней помпы, по-прежнему общались со своими коллегами с

континента.

В итоге не слишком усердные официальные попытки подавить католицизм только усилили связь церкви с массой ирландского населения. Католицизм и ирландский национализм становились синонимами, потому что у ирландцев-католиков не было других средств заявить о себе на политическом поле. Иначе католики не могли защититься от алчных землевладельцев, так возникли в XVIII веке тайные общества аграриев, например «Белые парни» (пряча лица, они натягивали на головы белые рубашки). Политических национальных амбиций у этих людей не было.

Протестантская нация

Сознательный католический национализм в Ирландии стал продуктом XIX века. Парадоксом XVIII столетия было то, что национализм оказался связан с протестантизмом — неестественная ситуация, поскольку протестантское меньшинство было лояльно британской короне, оно правило Ирландией и на жизнь пожаловаться не могло. Доказательством тому могут служить георгианские площади в Дублине и великолепные загородные дома, такие как поместье Рассборо в графстве Уиклоу. Дом построен в 1742 году для графа Миллтауна.

Рассборо-хаус, дом в неоклассическом стиле. Графство Уиклоу

Протестантский национализм, символом которого являлось здание парламента в Дублине (ныне Банк Ирландии), уходил корнями в старую

англо-ирландскую ментальность, осуждаемую Лондоном за ее «неанглийскость». Такие люди, как Джонатан Свифт, считали, что в Ирландии есть отдельная «протестантская нация», независимая от Вестминстера и отличающаяся от гэльской католической Ирландии. Многие протестанты верили в то, что ирландский парламент в Дублине имеет право на издание собственных законов. Для таких патриотов Англия и Ирландия были отдельными, равными королевствами, объединенными лояльностью к английской короне.

За движением к равному избирательному праву стояло недовольство ирландским колониальным статусом. Свифт заявил: он-де не сомневается в том, что английское правительство назначает на ирландские посты достойных людей, только каждый раз по пути к месту назначения их убивают бандиты где-то в районе Честера. Эти бандиты и занимают в Ирландии руководящие посты!

Ирландские протестанты считали, что их торговле мешают английские законы, и эта идея руководила Свифтом, организовавшим в 1720 году кампанию против английского экспорта в Ирландию.

ПОЛУПЕНСОВИК ВУДА

Самым памятным примером антианглийских настроений среди ирландских протестантов стало дело 1725 года о полупенсовике Вуда. Оно возникло из решения английской короны дать Уильяму Вуду право чеканить ирландские монеты достоинством в полпенса. Это вызвало кампанию протеста. Так называемая патриотическая партия стала возражать — во-первых, потому, что по их мнению, выпуск медных монет был способом снижения достоинства ирландских денег, а во-вторых, потому, что сделали это, не посоветовавшись с ирландским Тайным советом в Дублине. Возмущение было столь огромным, что патент Вуда отозвали, хотя, как отметил один историк, Ирландия нуждалась в монетах, а полупенсовики Вуда отвечали стандарту монетного двора. Каким бы тривиальным ни казалось это дело в ретроспективе, патриоты смотрели на него иначе. Свифт восклицал: «Всякое правительство, действующее без согласия тех, кем оно правит, — исчерпывающая формула рабства».

Ирландский протестантизм скользил по очень тонкому конституционному льду. Протекторат

предусматривал подчинение решениям английских министров, и дублинский парламент не имел права жаловаться на назначения, которые делали в Лондоне. Да и ирландские протестанты не хотели реального отделения и реформ, которые позволили бы католикам сделаться членами парламента и занимать государственные должности. Они хотели освободиться лишь от некоторых сторон английского правления, которые чем-то их не устраивали, и при этом сохранять верховенство над ирландскими католиками (некоторые из тех, нужно отметить, ради карьеры обратились в протестантизм).

Парламент Граттана

В последних десятилетиях XVIII века обстоятельства, кажется, стали благоволить протестантскому сепаратизму. Особенное значение имела американская война за независимость 1776 года. Она основательно подорвала казну британской короны, желавшей положить конец восстанию в Новом Свете. Патриоты воспользовались возможностью и сформировали отряд «волонтеров», желавших якобы заменить английские военные формирования, направлявшиеся в американские колонии, а на самом деле готовых оказать давление на Вестминстер и заставить его исполнить ирландские требования.

Генри Граттан (1746-1829), юрист и член ирландского парламента, был лидером движения, требовавшего для Дублина права издания собственных законов. Граттан уже выступал с требованиями свободной торговли (1779), а в 1780-1781 годах неудачно добивался ирландской законодательной независимости. В 1782 году к Граттану и его соратникам пришел успех: они завоевали право на независимое законодательство, и благодарный парламент даровал ему награду

в 50 000 фунтов стерлингов (Граттан отказался ее принять).

В контексте более поздней ирландской истории важно, что кампания поддерживалась силой. По примеру «бостонского чаепития» (когда американские колонисты выбросили в море ящики с английским чаем), «волонтеры» выступили с призывом «Дорогу свободной торговле» и повесили на жерло своей пушки плакат со словами «Боже, отвори нам губы, и наши рты пропоют тебе похвалу». Американские события вынудили британцев в 1782 году пойти навстречу Граттану, и теперь всех интересовало, что случится, когда окончится американская война. Война окончилась в 1783 году. Чего будет стоить независимость ирландского парламента, когда Британская империя восстановит свою силу?

Католические ирландцы, по крайней мере большинство, не испытывали энтузиазма по поводу успеха Граттана. Как отметил Томас Пэкенхем, они видели, что независимое законодательство дает протестантам «новую возможность преследовать их налогами и законами, направленными против подстрекательства и мятежей».

«Объединенные ирландцы»

Французская революция 1789 года имела для Ирландии большое значение. Она породила радикализм, сосредоточенный прежде всего в Белфасте, и привела к созданию общества «Объединенные ирландцы». Интересно, что основателями общества были скорее пресвитерианцы, а не католики, потому что в XVIII веке их тоже исключили из привилегированного ирландского общества. В отличие от приверженцев «протестантской нации» начала века, «Объединенные ирландцы» хотели и реформировать парламент, и объединить протестантов и католиков. Одним из первых членов общества был Вольф Тоун (Уолф Тон, 1763-1798), дублинский протестант, мечтавший объединить в понятии «ирландец» католиков и протестантов. К несчастью для Тоуна и таких, как он, религиозное сектантство в Ольстере стало поднимать голову, и мирный лоббизм «Объединенных ирландцев» не имел успеха у большинства протестантов и у британского правительства.

В 1796 году общество вынуждено было уйти в подполье, а сам Тоун нашел убежище в револю-

ционной Франции. Там он защищал ирландский национализм и пользовался уважением даже у Наполеона Бонапарта. Тоун верил, что Ирландия, как Франция, должна стать независимой республикой, и хотя его дневники полны сарказма и обнаруживают язвительный ум, он оставался убежденным революционером.

ФРАНЦУЗСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

Британия воевала с Францией с 1793 года, и французы, естественно, видели в мятежной Ирландии потенциальную базу для нападения на Англию. Зимой 1796 года показалось, что им представилась блестящая возможность. Большая эскадра из тридцати шести военных кораблей удачно миновала британский флот, блокировавший Ла-Манш, и объявилась в бухте Бэнтри, рядом с графством Корк. Единственным, что в этой операции пошло не так, стало исчезновение флагмана, отделившегося во время похода от остальной эскадры. Обстоятельство тем более важное, что на флагмане был генерал Гош, командир пятнадцати тысяч солдат, которых французы планировали высадить на берег. Они должны были соединиться с «Объединенными

ирландцами».

Весь первый день, 21 декабря 1796 года, французские корабли прождали Гоша в великолепной естественной гавани. Так близко были они к берегу, писал Вольф Тоун, принимавший участие в походе, что он мог бы добросить до земли сухарик. Что еще хуже с британской точки зрения, на побережье бухты Бэнтри находилось лишь несколько сотен солдат милиционной армии, и они не могли помешать высадке французов.

И тут природа жестоко подшутила над Тоуном и его французскими союзниками. В первый день, проведенный в ожидании Гоша (тот так и не появился), ветер, до сих пор благоприятствовавший французам, сменил направление и подул на восток. По иронии судьбы, тот же восточный ветер, позволивший французам проскользнуть мимо королевского флота, сейчас мешал преодолеть последние несколько ярдов к ирландскому берегу. Некоторые корабли обрезали якорные цепи и вышли в море. Другие суда, включая и «Индомитабль» с Тоуном на борту, напрасно ждали, когда ветер поменяет направление. Но этот «протестантский ветер», как назвал его историк Томас Пэкенхем, так и не сменил направление. К 27 декабря он превратился в настоящую бурю,

и остальные французские суда (последним был корабль Тоуна) вынуждены были выйти в открытое море.

Спора нет, в бухте Бэнтри британским властям несказанно повезло. Ибо кто знает, что бы произошло, если бы опытные ветераны Гоша в 1796 году высадились на берег? Везение не оставило правительство его величества и на следующий год, когда мятежи в королевском флоте в Спитхеде и Норе поставили Англию перед опасностью прямого вторжения. Хотя и в тот кризис вмешалась погода, он имел прямое отношение к ирландской ситуации, ибо, испытав панический страх перед французской угрозой, британские власти занялись массовыми поисками тайных арсеналов «Объединенных ирландцев» и в Ольстере, и в графствах Мидланда, таких как Килкенни, Карлоу и Килдейр. Главной опасностью британцы считали французский десант в сочетании с национальным восстанием «Объединенных ирландцев».

Подгоняемые этим страхом, власти действовали безжалостно и не без успеха. В начале 1798 года информаторы выдали местоположение руководителей общества «Объединенные ирландцы». Они были арестованы. Только лорду

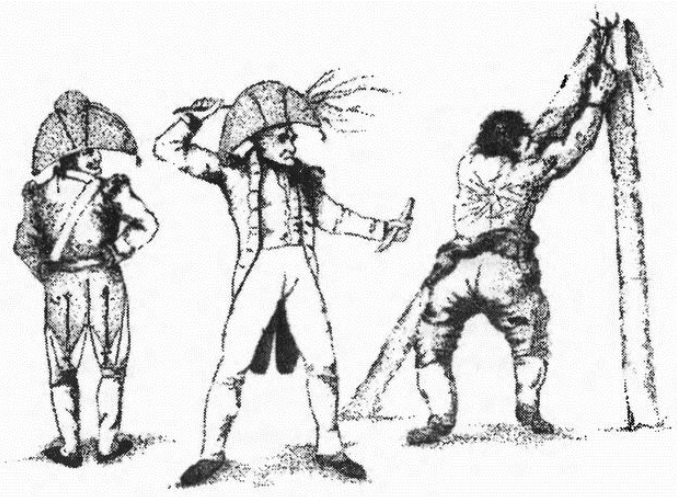
Эдварду Фицджеральду, человеку романтичному и отчаянному, удалось скрыться, но ненадолго. Вскоре его местонахождение было обнаружено, и, отбиваясь, он получил смертельное ранение. Не сознавая, что сломали хребет тайной организации, британские власти во главе с королевским наместником, лордом Кэмденом, тем не менее пребывали в настроении, близком к панике.

РЕПРЕССИИ

Все вышесказанное послужило причиной жестокостей в графствах Мидланда: в попытке вытянуть информацию о ячейках «Объединенных ирландцев» на католическое население натравили армию и милиционные войска. То, что последовало, можно назвать легализацией пыток. Первое орудие, использованное британской армией, называлось «треугольник». Жертв привязывали к деревянным треугольникам и немилосердно хлестали. По такому случаю подготовили 500 хлыстов. Невинных жителей пытали в надежде узнать у них о тайниках с оружием и об организации «Объединенные ирландцы». Дневник женщины-квакера рассказывает:

> Подожгли несколько домов возле деревни — взяли Мэрфи, отца семейства. Он держал винную лавку в доме, в котором жил Уилле. Так вот, офицеры взяли этого безобидного человека, привязали к телеге, стоявшей подле его дома, и унизились до того, что сами стали бичевать беднягу.

Другой способ допроса поражал еще больше. На голову жертвы надевали бумажный пакет из толстой просмоленной бумаги, после чего поджигали. Несчастная жертва пыталась стащить пакет, смола текла в глаза. Пакет можно было содрать только с волосами и с кожей. Была и еще одна пытка: жертве накидывали на шею петлю и ослабляли ее каждый раз, когда человек терял сознание. Одного сержанта, применявшего эту пытку, прозвали «Ходячей виселицей». Анну Девлин, участницу мятежей 1798 года, пытали именно так (эта женщина стала героиней ирландского фильма 1980-х годов).



Британский офицер порет простого ирландца

Восстание в Уэксфорде

Хотя в таких графствах, как Килдейр, было найдено много оружия, жестокие пытки, используемые властями, в конечном счете оказались непродуктивными, потому что ужас, вызванный слухами о порках, привел к серьезному восстанию католического крестьянства в юго-восточном графстве Уэксфорд, не являвшемся до той поры опорным пунктом «Объединенных ирландцев». Власти же, обнаружив в Уэксфорде свидетельства деятельности «Объединенных ирландцев» (им удалось проникнуть в крестьянское тайное общество под названием «Защитники»), напустили на них йоменов-протестантов (уэксфордские протестанты были известны на острове своим фанатизмом). Ситуация усугубилась из-за использования милиционной армии Северного Корка, состоявшей в основном из католиков. Это были солдаты плохо дисциплинированные и желавшие доказать короне свою лояльность. Такое сочетание ужасных слухов из Килдейра и фанатичных и разнузданных солдат оказалось непереносимым для католического крестьянства Уэксфорда.

Крестьяне восстали в июне 1798 года, с лидерами-протестантами во главе, но на решающей стадии их повели за собой два католических священника по имени Мэрфи. Это было необычно, потому что католическое духовенство обычно пыталось удержать людей от вооруженной борьбы. Как бы то ни было, собранная наспех армия мятежников, вооруженных копьями, мушкетами, пистолетами, косами и другим оружием и возглавляемая отцом Джоном Мэрфи, оказалась на удивление эффективной силой.

В Оларте сотня солдат милиционной армии была заколота копьями и зарублена, в живых остались только трое.

В Нью-Россе повстанцам дали отпор, там имел место примечательный эпизод: старый мятежник сунул руку в дуло пушки милиционной армии и кричал: «Остановитесь парни!», пока не взлетел на воздух. Мятежники представляли опасность.

ВИНЕГАР ХИЛЛ

За городом Эннискорти можно видеть большой белый крест (один из многих в сельских областях Ирландии, отмечающих места сражений

и бойни). Он указывает на место решающего сражения восстания 1798 года. Именно здесь 21 июня 1798 года, на холме в форме пудинга, армия отца Джона Мэрфи вместе с женщинами, детьми и солдатами, отставшими от других мятежных отрядов, дала последний бой британской армии и ирландским милиционным войскам.

Холм Винегар-Хилл с военной точки зрения не удобен для обороны, и его выбрали как место встречи с мятежными силами. Холм совершенно открытый. Генерал Лэйк бомбардировал его из пушек, но мужественные копейщики целый час выдерживали огонь и только потом побежали вниз, на дорогу в Уэксфорд. Месть короны обрушилась на город Эннискорти. Снова, как и раньше, ни в чем не повинные верноподданные протестанты уничтожались вместе с мятежниками.

Ольстер

«Объединенные ирландцы» предприняли отчаянную попытку к восстанию в провинции Ольстер, то есть там, где и началось их движение. Главным вожаком восстания был Генри Маккрэкен. Его национализм отмечала ненависть не только к английской власти, но и к привилегиям. Девиз звучал так: «Богатые всегда предают бедных», однако предавали Маккрэкена его же товарищи-протестанты, которые рассматривали общество «Объединенные ирландцы» как угрозу протестантскому верховенству. С этого момента и появились «оранжевые ложи», названные в честь Вильгельма Оранского. Они были призваны защитить протестантизм и союз с Англией. Частично поэтому Маккрэкен потерпел поражение в Антриме вместе с шеститысячной армией, а в Ольстере вспыхнула революция. Удивительно, что католическое крестьянство отказалось поддержать Маккрэкена: возможно, люди были напуганы страшными рассказами, дошедшими с юга. Бойцы Маккрэкена были рабочими пресвитерианцами. Как показали дальнейшие события, это было последнее проявление протестантского

национализма, что и отразилось на судьбе Вольфа Тоуна.

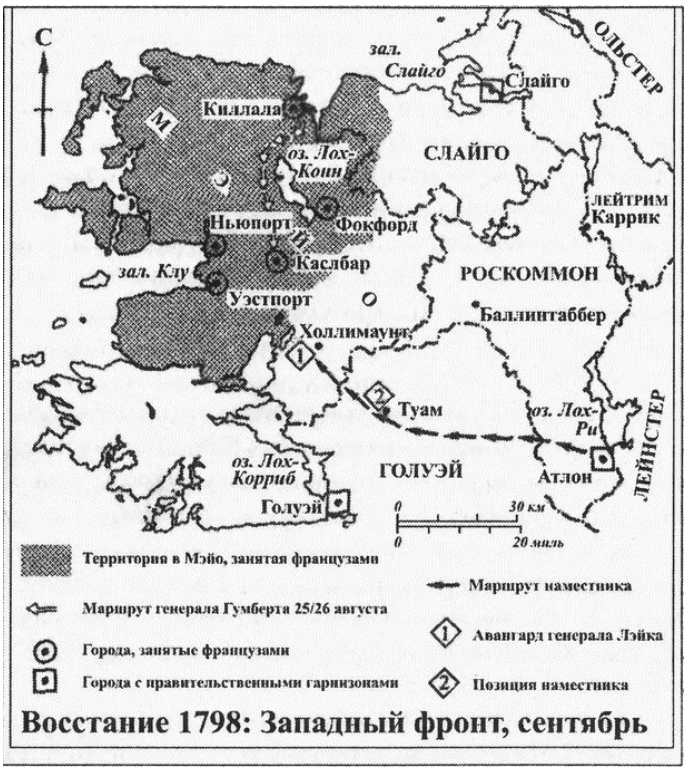
СНОВА ФРАНЦУЗЫ

Весь 1798 год «Объединенные ирландцы» напрасно ждали интервенции французов в масштабах 1796 года. Когда же та состоялась, оказалось, что пришла она слишком поздно, потому что восстание в Уэксфорде было уже подавлено, а других выступлений не последовало. К тому же и масштабы интервенции были незначительными — в августе в графстве Мэйо высадились всего 1099 человек с генералом Юмбером во главе, хотя позднее должны были прибыть еще 5000 человек.

История экспедиции Юмбера оказалась короткой, но насыщенной. На его седых ветеранов не произвели впечатления местные ополченцы. Хотя «республику Коннахт» и провозгласили должным образом, ирландские милиционные войска под предводительством генерала Лэйка отступили. Остатки ирландских ополченцев бежали так быстро, что сражение вошло в историю как «Гонки в Каслбаре».

Юмбер вскоре понял, что его положение безна-

дежно, и тем не менее продолжил войну перед лицом превосходящих британских сил (вторая, более крупная экспедиция не сумела прийти вовремя). Конец наступил в деревне Баллинамак. Юмбера и его людей препроводили в тюрьму в Дублине, где они стали знаменитостями. По контрасту их ирландские союзники, хотя и в меньшем количестве, были повешены. (Все эти события отражены в телевизионной франко-британо-ирландской постановке «Год французов», основанной на романе Томаса Фланагана.)



Восстание 1798: Западный фронт, сентябрь

За этим последовало патетическое событие. В сентябре Вольф Тоун со второй экспедицией прибыл в Лох-Свилли, и после отказа отступить, ввиду превосходящей численности британцев, его тут же отправили в тюрьму. Тоун будто бы сказал французскому офицеру: «Разве мог я бежать в то время, когда французы воюют за мою страну?» В тюрьме он пытался перерезать себе горло и умер от этой раны неделю спустя. Политический соперник Тоуна, Нэппер Тэнди, подошел на корабле к северо-западной оконечности Ирландии, высадился на берег, всю ночь пил с местным почтмейстером, после чего вернулся во Францию.

Значение 1798 года

События 1798 года были вдохновлены убеждением националистов: «Трудности Англии — шанс для Ирландии». Возможности оказались упущенными, но могли ли оправдаться надежды «Объединенных ирландцев», был ли у них шанс? Возможно, они бы и осуществились годом ранее, но к 1798 году движение находилось под страшным давлением со стороны властей. Сектантство также сыграло значительную роль, хотя религиозные нюансы мятежей могут сбить с толку. В Ольстере, например, протестант Маккрэкен был покинут не только своими товарищами, но и крестьянами-католиками, оставшимися дома. В Уэксфорде мы также сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: католики, солдаты милиционной армии, понапрасну размахивали требниками перед революционным католическим войском отца Джона Мэрфи в обреченной на неудачу попытке спасти их жизни. Сектантский протестантизм помог разгореться мятежу в Уэксфорде, но протестанты Багенал Харви и Джон Мор были повешены за поддержку этого восстания.

Историки размышляли о неоднозначности ре-

акции на события 1798 года. Историк-социалист Бересфорд Эллис считает, что движение 1798 года пало жертвой неразберихи и правительственного шпионажа; как говорил Маккрэкен, единственное, что можно утверждать, — это то, что «богатые всегда предают бедных». Томас Пэкенхем высказал более традиционную точку зрения: 1798 год привел к укреплению союза с Англией; но Рой Фостер, признавая особые обстоятельства 1790-х годов, считает, что такой союз был обдуман заранее, так как еще в 1780-х годах отмечалось сепаратистское поведение ирландского правительства.

Были и другие, менее очевидные, но долгосрочные результаты 1798 года. Один из них тот, что мятежники, избежавшие казни, были высланы в штрафную колонию на побережье Ботнического залива в Австралии, где четверть колонистов были ирландцами (одним из тюремных надзирателей был капитан Блай со знаменитого корабля «Баунти»). Так началась долгая историческая связь между двумя странами. Другие выжившие участники восстания 1798 года закончили свою жизнь в Нью-Йорке.

Для ирландских республиканцев 1798 год оказался символическим. Человеком года стал Вольф

Тоун, хотя через несколько десятилетий после его смерти соотечественники стали забывать Тоуна. Но в наши дни предполагаемое место захоронения Тоуна в Боденстауне, графство Килдейр, стало священным для ирландских республиканцев и патриотов, считающих Тоуна мучеником, погибшим за дело, которое в 1921 году наконец-то привело к независимости.

Культура

Протестантское верховенство XVIII века совпало с замечательным расцветом литературы. Самой значительной фигурой был Джонатан Свифт (1667-1745). Священнослужитель ирландской церкви в 1713 году стал деканом собора Святого Патрика. В произведениях Свифта отчетливо видна двойственность в отношении к Англии протестантского ирландского меньшинства. Кое-что весьма спорно, как, например, его памфлет «О всеобщем употреблении ирландской мануфактуры» (1720), но и в знаменитых «Путешествиях Гулливера» (1726) немало скрытых намеков на недовольство низким статусом Ирландии. Сам Свифт верил, что поддержка консерваторов во время правления королевы Анны (1702-1714) помешала его продвижению по карьерной лестнице, которого он заслуживал. Не нравилась ему и его «ссылка» в Дублин, и высокомерие Вестминстера, не отдававшего ему должного. Глубину его негодования можно почувствовать в следующем отрывке из одного его стихотворения:

Эй, мелкотравчатая знать!
Все вам орать, да глотки драть,
Да избирать того, кто платит
(Разок накормят — вам и хватит).
И вдруг — стихом возмущены
Кормящиеся от казны.
Епископы, отнюдь не святы,
Отмщенья ищут и расплаты
И уличную мелюзгу
Торопят стекла бить врагу.
Им всюду чудятся поклепы...[2]

Оливер Голдсмит (1728-1774) был сыном бедного ирландского священника. Его литературный талант начал проявляться только в 1756 году, после его возвращения в Лондон. Голдсмита заметили в лондонских литературных кругах. Среди лучших его произведений — пьеса «Ночь ошибок, или Унижение паче гордости» (1773), поэмы «Путешественник» и «Покинутая деревня», а также роман «Векфильдский священник» (1766). Голдсмит, казалось бы, воплощал в себе истинно ирландский дух, с протестантскими

---

[2] Примечания: 2
Ирландскому клубу. Перевод В. Топорова.

«патриотами» его ничто не связывало. Тем не менее его литературные достижения, как, впрочем, и в случае с другими ирландскими писателями и драматургами, оценили только после отъезда за границу.

Писательница Мария Эджуорт

Ричард Бринсли Шеридан (1751-1816) родился

в ирландской литературной семье и, как и Голдсмит, искал славы и денег в Англии, где написал для лондонской сцены множество комедий, среди самых известных «Соперники» (1775) и «Школа злословия» (1777). Но у Шеридана имелись и политические амбиции: в 1780 году он стал членом парламента, сошелся с принцем Уэльским, стал другом радикала Чарльза Джеймса Фокса. Несмотря на то, что как политик он поддерживал линию на примирение с Ирландией, Шеридан, по словам одного историка, «уникален в способности преодолевать свою "ирландскость"».

Мария Эджуорт (1767-1849) была ирландкой только по приемным родителям. Родилась она в Оксфордшире, но поселилась в Эджуортстауне (графство Лонгфорд), писала назидательные рассказы для детей; ее первый англо-ирландский роман называется «Замок Рэкрент» (1800). В личном дневнике Эджуорт имеются интересные замечания, относящиеся к событиям 1798 года, очевидцем которых она была. Эдмунд Берк (1729-1797) родился в Дублине. Его родители исповедовали разную религию (отец — протестант, а мать — католичка). Как и многие его соотечественники, Берк сделал карьеру в Англии, хотя так и не смог избавиться от заметного ирландского ак-

цента. Похоже, это помешало его политическому продвижению. Впрочем, в 1765 году его избрали в палату общин. Хотя Берка можно назвать самым крупным политическим мыслителем своего времени и теоретиком конституции (взять хотя бы его знаменитые «Размышления о французской революции», 1790), Берк так и не занял важного государственного поста.

ГЛАВА 11
Рост католического национализма и голод, 1800-1868 годы

Акт об унии

Было ли это вызвано 1798 годом, либо поведением парламента Граттана, но Акт об унии 1800 года отметил четкий водораздел в истории Ирландии. Он упразднил парламент в Дублине и с 1 января 1801 года объединил королевства Англии и Ирландии, как полагали, «навсегда». Члены ирландского парламента (разумеется, все протестанты), должны были занять места в Вестминстере.

В реакции ирландцев на акт отразились внутренние политические парадоксы страны, сформировавшиеся в XVIII веке. Так, члены старой протестантской «патриотической» партии выступили против объединения: заявили, что закон нарушает ирландские права. Католики же готовы были поддержать объединение, потому что считали, что правление англичан-протестантов будет мягче, чем правление их сектантски обособленных ирландских братьев по вере. Но, следует добавить, эти настроения продержались недолго. С объединением все чаще связывали протестантизм в целом, и католики захотели аннулировать акт. Широко обсуждалась также и

тема, перекликающаяся с нашими днями: должна ли Ирландия иметь собственный парламент, или передать полномочия Вестминстеру?

ВОССТАНИЕ ЭММЕТА

Огонь 1798 года ни в коем случае не погас в годы, последовавшие за поражением революции. Случались восстания в Голуэе и даже мятежи безработных йоменов-протестантов в графстве Уэксфорд. Однако движение «Объединенных ирландцев» окончательно ушло со сцены после неудавшегося восстания Роберта Эммета.

Эммет (1778-1803), член общества «Объединенных ирландцев», был напичкан революционными доктринами. Такой человек не мог смириться с Актом об унии, и Эммет начал создавать организацию, которая должна была захватить власть и установить Ирландскую республику; но планы были безнадежно подорваны неумелыми действиями. За две недели до намеченного восстания на складе боеприпасов произошел взрыв, затем власти задержали весь тираж свеженапечатанных листовок заговорщиков. Эммет надеялся рекрутировать для восстания в Дублине 2000 человек, в результате у него оказалось всего де-

вяносто, с которыми он вознамерился захватить дублинский замок.

По дороге к замку сторонники Эммета захватили карету председателя верховного суда Ирландии, закололи его и устроили на улицах погром. Бессмысленно говорить, что крошечная группа революционеров так и не дошла до замка, а Эммет, глубоко разочарованный недисциплинированностью своих товарищей, пустился в бега. Спустя несколько недель его арестовали, пытали и казнили.

Как и многие другие мученики Ирландии, Роберт Эммет получил признание после смерти. Возможно, тому способствовало заявление, которое он сделал на эшафоте:

> Пусть никто не пишет мне эпитафию... Но моя страна займет достойное место среди других народов, и тогда и только тогда эта эпитафия будет написана.

Хотя его попытка потерпела фиаско, Эммет немедленно вошел в мартиролог борцов за Ирландскую республику.

«Освободитель»

На протяжении всей современной истории в Ирландии конституционный национализм и кровавый мятеж развивались параллельно, попеременно выходя на первый план. После 1803 года человек, вышедший сражаться с мятежниками Эммета, сделал вывод, что, если Ирландия хочет добиться хоть какой-то независимости, она должна сделать это мирным путем. Этим человеком был Дэниел О'Коннелл (1775-1847), иначе Освободитель, многими признанный самым великим политическим деятелем Ирландии XIX века.

О'Коннелл был удивительной фигурой. Он родился в обеспеченной католической семье, сумевшей вопреки законам, направленным против папистов, сохранить собственность. О'Коннелл вырос в аббатстве Дерринейн, в глуши графства Керри (до сих пор возле его дома можно увидеть дерево, посаженное им в юности). Он был аристократом и добропорядочным землевладельцем, однако плохо относился к новым городским течениям, набиравшим силу в XIX веке, вроде тред-юнионов. К тому же О'Коннелл был отличным юристом и замечательным оратором. Один

поклонник высказался о его голосе: «Его можно услышать за милю, и кажется, что он проходит сквозь мед».

Кто-то из историков отметил любовь О'Коннелла к символам Ирландии — волкодавам, клеверу и круглым башням.

Странно для ирландского националиста, но О'Коннелл также любил монархию, позже он называл королеву Викторию своей «любимой маленькой королевой». И так же, как до него Граттан, О'Коннелл выступал за союз двух равноправных королевств под британской короной. Разница в том, что О'Коннелл хотел получить в ирландском парламенте католическое большинство, так как большинство ирландцев были католиками. Он не отрицал значения протестантской поддержки, но, когда эта поддержка не пришла, он проявил нетерпимость. Отчасти из-за своего прошлого об Ольстере он ничего не знал и потому недооценивал значение религиозных различий.

В карьере Дэниела О'Коннелла были две великие цели — католическая эмансипация и аннулирование Акта об унии. Одна цель была достигнута, а другая привела к крушению, а потом и к настоящей трагедии. Была сформирована

«Католическая ассоциация». В нее могли вступить крестьяне, выплачивая по одному пенсу в месяц. Ассоциацию организовали католики, принадлежавшие к среднему классу. Идея духовной эмансипации привлекла в организацию католическое духовенство (действия, направленные на отмену Акта об унии, они поддерживали с меньшим энтузиазмом).

Начиная с 1826 года усилилось давление на Вестминстер, и особенно О'Коннелл преуспел в организации так называемых «гигантских сборищ». Собирались большие толпы, выдрессированные почти по-армейски, и хотя О'Коннелл всегда подчеркивал неприятие насилия, вид таких толп пугал власти. Историки спорят, в какой степени эти сборища представляли угрозу, несмотря на заявления О'Коннелла о неприменении насилия. Этими собраниями О'Коннелл, похоже, хотел сказать: вы видите большую массу моих дисциплинированных сторонников, но что, если они перестанут повиноваться?

Доказательством неоспоримой харизмы О'Коннелла стала победа в 1828 году на выборах в Ист Клэре над другим католиком, выступавшим, однако, против эмансипации. Это обстоятельство заставило действовать тогдашнего британского

премьер-министра, сэра Роберта Пиля. В 1829 году был утвержден Акт о католической эмансипации. Согласно этому закону, католики могли стать членами английского парламента, несмотря на ограничения, остававшиеся для них в других сферах общественной жизни.

Одержав успех в своей первой кампании, О'Коннелл тут же приступил к другой — за отмену Акта об унии. Снова на улицах появились «гигантские сборища» с ирландскими символами (например, флагами с изображением волкодавов), которые так нравились О'Коннеллу. Кампания достигла кульминации в 1843 году: на старинном королевском холме Тара собралось около полумиллиона сторонников О'Коннелла (он утверждал, что там было полтора миллиона человек). Со свойственной ему патетикой О'Коннелл заявил: «Мы стоим на Таре, холме королей — месте, где родилась общественная сила, законная власть, право на владение всей этой землей». (Это исторически неверно, потому что ни один король Тары не обладал такой властью.) Большее значение имеют другие слова О'Коннелла: «Шаг за шагом мы приближаемся к великой цели — отмене унии, но наши шаги — это поступь гиганта».

Британские власти назвали речь О'Коннелла

блефом. Они объявили незаконным «гигантское сборище» в Клонтарфе, арестовали О'Коннелла и некоторых его главных сторонников и предъявили им обвинение в заговоре. О'Коннелл провел пять месяцев в тюрьме Брайдуэлл, но ему было уже под семьдесят, и звезда его закатилась. Умер он в Генуе в 1847 году, несмотря на свои достижения, как обыкновенный изгнанник.

«ВНУТРЕННИЙ ВРАГ»?

Историк Бересфорд Эллис был среди тех, кто нападал на О'Коннелла, называя его предателем ирландского национализма. Эллис даже назвал его «внутренним врагом». Такое осуждение проистекало из-за отсутствия у О'Коннелла интереса к языку, ибо, несмотря на беглую ирландскую речь, тот намеренно говорил по-английски в ирландских районах. О'Коннелл будто бы сказал: «Я достаточно прагматичен, чтобы не жалеть об отказе от ирландского языка». Согласно подсчету, в 1831 году сторонники гэльского возрождения могли счесть предателями четыре миллиона коренных ирландцев, не владевших гэльским.

Об оппозиции О'Коннелла тред-юнионам уже упоминалось (ему не нравилась деятельность

дублинского тред-юниона, основанного в 1831 году), протестовал он и против аграрных кампаний, когда те были сопряжены с насилием. Его монархизм и пацифизм (в 1803 году он выступил против Эммета) также порицались. Даже эффективность католической эмансипации ставилась под вопрос, потому что она мало что дала ирландским беднякам.

Альтернативное мнение высказал Роберт Ки. Он заявил, что О'Коннелл четко сформулировал политические требования католического крестьянства, о которых до той поры никто не слышал. На взгляд Ки, это делает О'Коннелла более крупной фигурой, чем Тоун или Эммет. О'Коннелл — человек, показавший разницу между теми, кто предпочитает ненасильственный конституционный национализм, и теми (как Бересфорд Эллис и его английский коллега Э. Томпсон), кто считает насилие неизбежным следствием многовекового английского давления.

ЦЕРКОВЬ

Главную роль в кампании католической эмансипации сыграла, как уже отмечалось, католическая церковь. Активное участие церковь

приняла и в третьей организованной О'Коннеллом кампании — «войне против десятины». Название кампании дала система, согласно которой ирландские крестьяне платили десятину в пользу англиканской церкви. Абсурдная ситуация, тем паче, что служители церкви составляли крошечную долю ирландского населения. Тем не менее закон позволял англиканским священнослужителям забирать урожай крестьянина, если тот не мог заплатить налог. Тем самым они обрекали его на голодную смерть.

О'Коннелл начал протесты за отмену десятины, а в 1830-е годы между крестьянами, церковью и землевладельцами уже шла настоящая гражданская война. Часто приходилось прибегать к военному вмешательству. Британские власти поняли абсурдность ситуации и упразднили десятину указом 1838 года (хотя церковь Ирландии сохранила свое непропорционально привилегированное положение в других сферах). Некоторые историки утверждают, что указ был принят под давлением со стороны ирландского крестьянства, а не благодаря усилиям Дэниела О'Коннелла.

ОБРАЗОВАНИЕ

В начале XIX века в Ирландии школы на открытом воздухе были обычным явлением. Ввиду отсутствия настоящей школьной системы обучения преподавали там переезжавшие с места на место ирландские учителя-католики. Уроки велись на ирландском языке, хотя большую часть времени отводили чтению на английском, латыни и даже греческом. По этой причине школы не нашли одобрения «Объединенных ирландцев»: впав в утопический политический экстремизм, они выступали за отмену изучения и употребления английского языка.

Национальная система начальных школ, введенная в Ирландии в 1831 году, тоже вызвала критику (особенно литератора и ученого Дэниела Коркери, автора книги «Спрятанная Ирландия») — за то, что эта система проигнорировала существование ирландского языка. Но отношению британских властей трудно удивляться: они намерены были внедрить в школы английский язык, уже являвшийся к тому времени языком бизнеса и управления.

ОЛЬСТЕР

Районом Ирландии, не принявшим идеи О'Коннелла, была провинция Ольстер. По большей части протестантская, она противостояла эмансипации, к тому же была богаче остальной страны из-за процветающей торговли льном. Ольстер обязан был своим благополучием унии, и потому идея ее отмены не нашла там поддержки. Ольстер продолжал богатеть, особенно Белфаст. Во второй половине XIX века он рос быстрее, чем любой другой город на Британских островах. В 1842 году английский писатель Теккерей с восхищением писал о жителях Белфаста, «толпе сердечной, преуспевающей, видно, что у нее есть деньги в кармане и ростбиф на обед».

В религиозном смысле это преуспеяние также было важно, потому что пресвитерианское купечество бросало вызов верховенству англиканства, поднимался и средний католический класс, появлению которого на политической арене способствовали кампании О'Коннелла.

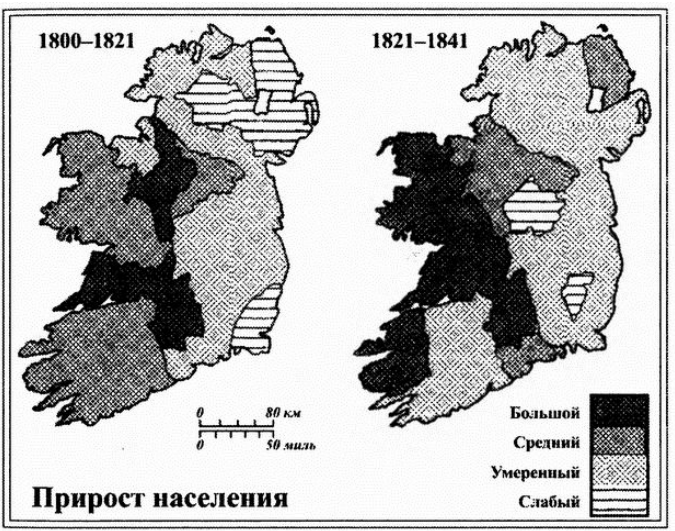
Голод

Все, что случилось в Ирландии в XIX веке и после, омрачила катастрофа, разразившаяся в стране с 1845 по 1849 год. Это несчастье на многие поколения отравило англо-ирландские отношения и оказало огромное влияние на саму Ирландию. Речь идет о картофельном голоде.

Ирландия XIX века была самой плотно населенной страной Европы. В 1800 году ее население составляло четыре с половиной миллиона человек, но к 1841 году, согласно первой официальной переписи, выросло до восьми миллионов. Тем не менее большинство людей существовали в условиях невероятной бедности, шокировавшей приезжих. Причины этого коренились в зависимости от урожая картофеля. В западных графствах, таких как Мэйо и Голуэй, девять из десяти человек не ели ничего другого. Здесь и подстерегало несчастье, тем более страшное, что рост населения в первой половине века заставил крестьян тесниться на маленьких клочках земли. Другие овощи шли на продажу в счет арендной платы.

Власти Ирландии не были слепы и видели

опасность. В 1817 году на картофель напала болезнь. Тысячи людей умерли от голода. В 1824 году правительственная комиссия признала потенциальной угрозой хроническую зависимость страны от урожая картофеля. В 1844 году картофель поразила еще одна эпидемия, половина урожая погибла, и только особенная закалка ирландских крестьян помогла им выжить.



На лето 1845 года возлагались большие надежды: ожидали хорошего, здорового картофеля. Однако погода в то лето была странной, а в ретроспективе — просто плохой. Летняя жара перемежалась грозами, туманами и большими температурными перепадами, необычными для Ирландии. Суеверные крестьяне с тревогой смотрели в будущее. Первые слухи о картофельном грибке пришли из Корка в июне, но в августе крестьяне и фермеры все еще ожидали крупного урожая. Сообщения из Голуэя, к примеру, настраивали на самый оптимистичный лад. К середине сентября все изменилось. 11 сентября «Фримэн джорнел» сообщил, что в понедельник один человек копал в поле отличный картофель, но уже во вторник обнаружил, что все «клубни сгнили и не годятся для употребления в пищу ни человеку, ни животному». Все картофельное поле превратилось в отвратительную зловонную массу, и было это тем более удивительно, что до сих пор картофель выглядел здоровым. Люди впадали в отчаяние: годовой запас картофеля исчезал на глазах; искали объяснения и приходили к нелепым выводам, обвиняли и луну, и туман, и заморозок, и восточные ветры, и даже молнии. Что же случилось?

Виноват в трагедии скромный грибок — фитофтора. Занесенный в Ирландию на корабле из Америки, он заразил почву, а затем и картофельные растения. Так как на той стадии развития науки крестьяне не знали и не могли этого знать, то и пытались спасти урожай: выкапывали картофель из земли, сушили, вырезали здоровые части. Невежество было простительно — пораженными ведь выглядели только листья, испещренные черными точками, хотя именно это и означало, что грибок на них уже поселился, а значит, клубни и ботва обречены. Не могли крестьяне понять и скорости, с которой распространялась эпидемия. К началу 1846 года ею были охвачены все графства Ирландии. Ветер, дождь, туманы и насекомые переносили болезнь с пораженных растений на здоровые.

РЕАКЦИЯ ИРЛАНДЦЕВ

Картофельная эпидемия разорила ирландцев. Это хорошо отражено в недавно вышедшей книге Томаса Галлахера «Жалобы Пэдди». Галлахер отмечает, что предвестником несчастья был ужасающий запах,

> ядовитый, зловонный... ветер принес его с гниющих растений, с тех, которые грибок поразил в первую очередь. Фермеров, ушедших спать с мечтой о богатом урожае, разбудил этот запах. Собакам вонь тоже не нравилась, и они выли.

Люди впали в отчаяние. Один католический священник писал:

> Во многих местах несчастные сидели на оградах умирающих огородов, заламывали руки и горько жаловались на судьбу, оставившую их без пропитания.

Затем люди попытались найти то, что можно есть. Вблизи от берега добывали мидий и другие морепродукты (часто крестьяне травились, потому что не знали, что можно есть без опаски), заметно участилось воровство овец. Кому-то везло: удавалось добыть дичь, другие пытались есть растения. Но ничто не заполнило пропасть, оставленную погибшим картофелем. Католический архиепископ Дублина приглашал верующих во все католические церкви и призывал молиться, «чтобы Господь в своем милосердии отвратил от нас надвигающееся бедствие».

РЕАКЦИЯ БРИТАНЦЕВ

Британские власти не были в неведении относительно проблем Ирландии, даже пусть они полагали, что ирландцы, как всегда, склонны к преувеличениям. Тем не менее британское правительство оказалось совершенно не готовым к бедствию такого масштаба. Премьер-министра сэра Роберта Пиля нельзя было назвать бессердечным человеком. Он назначил научную комиссию, которая должна была вникнуть в причины эпидемии. Комиссия дала голодающим ирландцам бесполезный совет: в графстве Лимерик люди «рыли по бокам гряд большие отверстия, пуская туда воздух», но это не помогло.

Тогда Пиль попробовал другие меры, но они безнадежно утонули в туманной экономической теории того времени. Так называемая «политическая экономика» была крайним выражением рыночной и часто ассоциировалась с принципом laissez-faire («пусть будет, как будет»). Это означало, что правительство не может вмешиваться в рынок. Такая доктрина меньше всего подходила к кризису 1840-х годов.

Принцип laissez-faire запрещал раздавать пищу

голодающим ирландцам, потому что такое действие было бы вмешательством в естественные рыночные законы и в ценовую политику, оказало бы влияние на цены, и при этом торговцы ушли бы с рынка. Тем не менее Пиль знал, что к началу 1846 года четверть ирландского населения окажется на грани голодной смерти и необходимо что-то предпринять. Однако все, что было предпринято, провалилось благодаря парадоксам политической экономии и laissez-faire.

Картофельная эпидемия вызвала в Ирландии

Для спасения ситуации сделали следующее. Во-первых, Пиль закупил в США большое количество кукурузы. В народе ее прозвали «индейским зерном». Кукурузу продавали в Ирландии по низким ценам. И дело не в том, что ирландцы никогда не ели кукурузу и не знали, как ее готовить, — просто на рынке ее никогда не было, а потому и принципы политэкономии не были нарушены. Во-вторых, Пиль назначил комиссию, надзиравшую за кукурузными складами. Комиссия должна была работать в контакте с местными магистратами и лендлордами. Они давали работу голодающих крестьянам, чтобы те смогли купить кукурузу. Наконец в 1846 году Пиль аннулировал закон о зерне, существовавший с 1815 года, отменил протекционистские импортные пошлины на зерно, ввозимое в Британию и Ирландию. Эта мера понизила цены на хлеб, но для Ирландии она почти не имело значения: большая часть населения и без того не могла позволить себе покупать хлеб.

Императивы политэкономии подчеркнуты были решением, экстраординарным для современного человека, — держать склады с «индейским злаком» закрытыми, пока не поднимутся цены

на все продукты. К тому времени большинство ирландцев были доведены голодом до отчаяния. Но задачей Пиля было не накормить людей, а подстегнуть рынок. Эта негибкая экономическая теория соединилась тогда с самым неудачным назначением. На пост председателя комитета по борьбе с голодом был назначен чиновник Чарльз Эдвард Тревелиан (1807-1886), однако вряд ли можно было найти человека, менее сочувствовавшего ирландскому бедствию. В некоторых его высказываниях даже сквозит расизм. Например, поднаем земельной собственности он называл «варварством», хотя на самом деле на это вынуждала крестьян экономическая необходимость. Более скандально прозвучало высказанное им убеждение, что «Ирландию должно предоставить естественным стихиям». В его переписке то и дело встречаются эпитеты «ленивые», «беспомощные», «непредсказуемые».

К 1847 году положение стало столь отчаянным, что даже Тревелиан был вынужден согласиться на раздачу бесплатных обедов голодающим ирландцам, поскольку система борьбы с бедностью, основанная на концепции, что здоровый человек обязан работать (в 1834 году был утвержден закон о бедных), полностью провалилась.

К тому моменту люди умирали от дизентерии и тифа. И все же неверно было бы заключить, что англичане повернулись спиной к ирландской беде. Королева Виктория щедро жертвовала на борьбу с голодом, титулованные дамы создавали различные фонды, однако их усилия были каплей в море по сравнению с масштабом бедствия.

ЦЕНА

В противоположность тому, что утверждал Тревелиан, голод в 1847 году не закончился, продолжился и в 1848-м, и в 1849 годах: картофель вновь поразила фитофтора. 1849 год во многих отношениях был хуже всех, стоит лишь взглянуть на него глазами очевидца, писавшего из деревни Баллинроуб в графстве Голуэй: «По улицам днем ходят живые скелеты. Поля усеяны мертвыми телами... на всех нас проклятие Рассела, еще более ужасное, чем проклятие Кромвеля». (В 1846 году лорд Рассел сменил Пиля на посту премьер-министра.) Крестьяне по всей Ирландии запирались в своих лачугах в ожидании смерти.

Чарльз Тревелиан

Некоторые пытались бежать за границу. На улицах Ливерпуля появились 100 000 голодающих, никому не нужных ирландцев. Другие уехали в Новый Свет в ужасных «кораблях-гробах», названных так потому, что многие беженцы умирали по дороге либо приезжали в США и Канаду полумертвыми. Взять хотя бы один пример:

в июле 1807 года из 4227 людей, отплывших из Корка и Ливерпуля, умерли в пути 804 человека. Сходная картина наблюдалась и на пути в Соединенные Штаты.

Сколько умерло всего? Слухи о человеческих потерях между 1845 и 1849 годами кажутся невероятными, но есть и правдоподобная статистика, основанная на переписи 1841 года: согласно ей, численность населения составляла 8 миллионов человек. Подсчеты показывают, что если бы ирландское население сохранило предыдущий прирост, то в 1851 году на острове проживали бы свыше девяти миллионов. Перепись 1851 года дала цифру — 6 552 385 человек. Если прибавить к ней бежавших от голода за границу, получится что-то около 8 миллионов. Выходит, что между 1845 и 1849 годами от голода и болезней умерли миллион ирландцев. Проблема в том, что цифра основана на приросте населения в 1841-1851 годах, а голод при этом не принимался во внимание. Рой Фостер предпочитает более низкую цифру погибших — 775 000, другие ирландские историки называют 800 000 человек. Цифры эти, однако, имеют отношение только к мертвым и не учитывают ужасную судьбу бесчисленных ирландских эмигрантов на чужбине, где вновь

прибывших презирали общества, построенные руками переселенцев. Вот уж действительно — «проклятьем заклейменные».

ВОПРОС ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

По мере того как ужас голодных лет уходил в историю, в Ирландии формировался миф о том, что гибель сотен тысяч ирландцев связана с целенаправленной английской политикой. Это явление назвали не больше и не меньше как геноцидом. Голод вписан в черные страницы ирландской истории рядом с именем Кромвеля и 1798 годом, список бесчисленных ирландских мучеников стал еще обширнее.

Нет и не было никаких доказательств того, что политика британского правительства довела население Ирландии до голодной смерти. Даже суровые критики британской политики той поры — Сесил Вудэм Смит, автор книги «Великий голод», и Томас Галлахер, написавший «Жалобу Пэдди», — не нашли оснований для подобных предположений. Однако следует отметить, что заявления британского правительства мало сделали для опровержения этого мифа. Лорд Джон Рассел заявил (тогда из Ирландии экспортиро-

вали зерно): «Я не верю, что есть силы в нашем королевстве, которые могли бы предотвратить ужасные страдания и смерть людей в Ирландии», — и его слова прозвучали как неприкрытое лицемерие. Или в лучшем случае как попытка обелить высказывания Чарльза Тревелиана, считавшего, что «если ирландцы обнаружат обстоятельства, при которых они смогут бесплатно получать правительственные субсидии, мы обретем систему попрошайничества, какой мир еще не знал».

Ирландцы вряд ли заметили, что в Англии была похожая беда: требования политэкономии и пресловутый принцип laissez-faire привели к тому же результату. Однако ирландские страдания были усугублены зависимостью от урожая картофеля, и вот за это, несомненно, британское правительство должно нести ответственность. Но действия викторианского правительства в отношении голода в Ирландии были не более преднамеренными, чем эпидемия холеры, унесшая спустя десятилетие жизнь принца-консорта.

Бывало, что британцы мало сочувствовали горемычным ирландцам (протестантские священники в Англии утверждали, что тех постигла кара Господня), но так думали не все англичане, и ирландская катастрофа не была следствием

целенаправленного английского коварства.

СЛЕД В ПАМЯТИ

Несомненно, тяжкие испытания голодного периода добавили сторонников радикальному ирландскому национализму, предпочитавшему мирным действиям насилие. Но в целом реакция страдающих масс была на удивление мирной. Даже в самый пик голода в Уэстпорте, графство Мэйо, толпа истощенных людей, выходившая с петицией о помощи к дому маркиза Слайго (одному из многих землевладельцев, пытавшихся помочь), старалась не мять его траву. Травма, нанесенная голодом, не нарушила социальной целостности народа. Зато она вырыла глубокий колодец, наполненный горечью и ненавистью, и не только в Ирландии, но и на другом берегу Атлантики: ведь в Соединенные Штаты устремилось огромное число ирландских эмигрантов. Там выросла ирландская община, укрепив тем самым связь Америки с Ирландией. Американские квакеры сформировали комитет, который оказывал помощь жертвам голода.

Легенда об ужасах голода переходила из поколения в поколение. Разрушенные и опустевшие

деревни в Мэйо и Голуэе сделались постоянным напоминанием о том бедствии. Иногда дома-привидения специально разрушались жестокими лендлордами, выгнавшими несчастных жильцов из-за того, что те, лишившись картофеля, не имели денег для выплаты ренты. Неудивительно, что ирландцы всего этого не забыли:

> Ничто не может стереть из памяти чудовищного события, случившегося в те годы с ирландскими мужчинами, женщинами и детьми в их собственной стране во времена британского правления в Ирландии.

Такова природа того, что Роберт Ки назвал «чудовищным событием», так что многие ирландцы, не всегда справедливо, соглашались с высказыванием англичанина Сидни Смита:

> В тот момент, когда упоминается само имя — Ирландия, — англичане, похоже, забывают об обыкновенных чувствах, обыкновенной рассудительности и здравом смысле и действуют с варварством тиранов и тупостью идиотов.

В сельской местности наступила тишина, «земля, такая одинокая», обезлюдевшая, печалилась, потерянных тысячах жизней». Хью Дориан подытожил в книге «Донегол шестьдесят лет спустя»:

> Очень быстро не осталось ничего, кроме тишины, траурной тишины в деревнях, в бедных домиках, в истощенных лицах... Лудильщики... сбежали в города, музыканты... пропали, да так и не вернулись. Многие жители тоже в одночасье скрылись: нашли на стороне работу или раннюю могилу... Уже не было вечерних соседских застолий, не собирались по воскресеньям на склонах холмов, не стало слышно песен и веселого девичьего смеха. Смолкли не только люди, но и животные: собаки не лаяли, не слышно было петухов...

«Молодая Ирландия»

Голод в некоторой степени всколыхнул революционные традиции 1798 года. По образцу «Молодой Италии», организованной великим итальянским патриотом Мадзини, была создана «Молодая Ирландия». Эта организация по сути своей была истинно ирландской и сохранила многие черты движения 1798 года. Протестанты по-прежнему играли ведущую роль, в том числе вдохновлявший организацию Томас Дэвис (1814-1845) — автор патриотической баллады «Вновь нация». Не меньшее влияние оказывал на движение издатель газеты «Юнайтед айришмен» Джон Митчелл (1815-1875), написавший балладу «Вольф Тоун».

По иронии судьбы центральной фигурой «Молодой Ирландии» во время революции 1848 года стал самый ее консервативный член. Уильям Смит О'Брайен (1803-1864) поздно обратился к национализму О'Коннелла, а в организацию «Молодая Ирландия» вступил только после трагедии голода. Он был истинным выпускником школы Харроу и Кембриджа и несколько лет являлся членом английского парламента. Не успели

«молодые ирландцы» согласовать свои планы, как Митчелла арестовали, и О’Брайен оказался вовлеченным в трагикомедию под названием «Сражение за капустный огород вдовы Маккормака». О’Брайен и двадцать плохо вооруженных крестьян были разгромлены местной полицией в Баллингарри (графство Типеррери). Позднее О'Брайена арестовали на железнодорожной станции, когда он пытался бежать. Восстание «Молодой Ирландии» в великом революционном 1848 году потерпело фиаско, однако указало дорогу в будущее.

Экономика

Ирландский историк и экономист Л. М. Каллен доказал, что полная зависимость Ирландии от картофеля проявлялась и до голодных 1840-х годов. Он отметил, что всеобщий голод в Ирландии случился в 1740-1741 годах и охватил часть территории в 1817 году. Каллен обратил внимание и на разницу между участью крестьян и рабочих и более зажиточных фермеров, способных позволить себе лучшее питание. Большое значение придавал Каллен упадку домашнего ткачества, а следовательно, и производству льна на северо-востоке (например, в бывшем ранее зажиточном центре ткачества Уэстпорте, графство Мэйо). Это лишило многих людей реальной альтернативы, а потому все переключились на выращивание картофеля. Каллен заключает: «Принимая во внимание кризис домашнего производства, можно сказать, что причины голода были не только аграрными, но и промышленными». Он считает, что последствия голода были неоднородными и связанными с обнищанием Манстера и Коннахта. В этом с ним согласны другие историки.

Что можно сказать о сильном приросте насе-

ления в 1800— 1845 годах? В противовес старым интерпретациям письменные свидетельства не подтверждают того взгляда, что в этот период прирост был ненормален или что его вызвали ранние браки. И данные о рождаемости, и возраст брачующихся на момент переписи 1841 года не отличались от показателей других европейских стран. Бесспорно, между 1785 и 1841 годами ирландское население выросло на 105 процентов, но ведь то же явление наблюдалось и во всей Европе. С другой стороны, достижения медицины, в том числе прививки от оспы, хотя и понизили уровень детской смертности, но при этом сделали обедневших крестьян более зависимыми от урожая и болезней картофеля. Рой Фостер, участвовавший в этой дискуссии, отметил, что прирост населения в Ирландии на самом деле стал падать в 1820-х годах. Частично это было вызвано эмиграцией молодых людей, имевшей место и ранее и связанной не только с голодом. Некоторые объясняют падение прироста и тем, что в 1830-х годах женщины позже стали выходить замуж.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первые дебаты об ирландском голоде продемонстрировали силу мифа в истории. Что же можно сказать об этом в XXI веке? Во-первых, «теория геноцида» не выдерживает критики. Прискорбное отношение британского правительства к Ирландии не было проявлением целенаправленного геноцида, как пытались убедить всех и вся националисты из «Молодой Ирландии». Во-вторых, последние исследования историков-экономистов доказали, что факторы, имевшие место до голода, оказали значительное влияние на бедствие, и его последствия оказались катастрофическими для беднейших слоев населения. Наконец, голод, несомненно, дал импульс развитию ирландского национализма в духе Тоуна, Эммета и Дэвиса.

ГЛАВА 12
Парнелл и Лига гомруля, 1868-1891 годы

Когда Гладстон торжественно пообещал «умиротворить Ирландию», ситуация на острове была неспокойной и нестабильной. Катастрофическое положение, вызванное картофельным голодом, и чувство горечи, не оставлявшее людей, породили в 1858 году движение фениев (от древнеирландского fianna — легендарной военной дружины древних ирландцев). Фении поставили себе задачу навсегда разорвать связь с Англией. Возглавил движение Джеймс Стефенс. В 1867 году несколько восстаний фениев провалились, лидеров арестовали, троих казнили в Манчестере за нападение на полицейский фургон, в котором был убит охранник. Последующие британские правительства игнорировали суть ирландской проблемы — землевладение, ибо дело было в нем, а не в отчаянном республиканстве фениев. Вопрос землевладения затрагивал большинство ирландцев. К чести Гладстона, он приступил к решению этой проблемы сразу после формирования своего первого правительства в 1868 году.

Похоже, он вселил в ирландцев надежду, признав несправедливый характер колонизации. Он, в частности, заявил, что «старые ирландские идеи искоренялись исключительно грубой силой — актами, изложенными в своде законов, но не доходили до душ ирландцев».

Заявления подобного рода из уст британского премьер-министра вдохновили ирландских националистов, таких как бывший фений Майкл Дэвитт (1846-1906), который обвинил «диктатуру лендлордов, установленную в этой стране Англией несколько веков назад» (намек на англо-ирландский класс, часто называемый «западными британцами», многие из которых предпочитали жить в Англии). Различие заключалось в том, что Дэвитт хотел положить конец английскому правлению в Ирландии, а Гладстон, напротив, хотел его сохранить.

Расформирование ирландской церкви

Еще более ненормальным, как полностью признал Гладстон, было положение ирландской церкви. Будучи эквивалентом англиканской по другую сторону Ирландского моря, она пользовалась всеми привилегиями последней, но не получала никакой поддержки. До 1829 года католические ирландцы вынуждены были слушать мессу на улице, в то время как священнослужители епископальной церкви проповедовали в пустых храмах.

В 1868 году Гладстон объявил, что церковь Ирландии «должна прекратить свое существование» как государственное образование, но его удивила реакция на это заявление. Разгневанные ирландские клирики выступили против «святотатственного нападения» либерального лидера, хотя отменить его были не в силах. В 1869 году палата общин аннулировала 5 статью Акта об унии 1800 года. Это разорвало связь ирландской протестантской церкви с церковью Англии и поставило ее в то же положение, что и католическую церковь Ирландии. Как писал Гладстон лорду Гранвилю, это положило конец «скорбному

спекулятивному вопросу».

Земельный акт 1870 года

Отделение церкви от государства доставило ирландцам некоторые неприятности, но земельный акт должен был принести «умиротворение», о котором в 1868 году говорил Глад-стон. Акт решал скромную задачу: фермеров защищали от выселения, однако не гарантировали землепользования, и ничего не было сделано для назначения справедливой ренты (этого решения оставалось ждать до 1881 года). В результате, как пишет один историк, «после 1875 года фермеры-арендаторы долгие годы испытывали давление, и на понижение арендной платы никто не шел». Если Гладстон надеялся подобными мерами решить «ирландский вопрос», то результат его разочаровал.

ДРУГОЙ ОСТРОВ ДЖОНА БУЛЯ

Похоже, виной всему было невежество англичан относительно Ирландии, поскольку даже самый заинтересованный в «ирландском вопросе» правитель, Гладстон, оказался весьма наивным.

Страну он посетил только раз (в 1877 году, когда был в оппозиции) и в память о своем визите посадил в Эннискерри дерево. Хотя либеральные лидеры вроде Гладстона и Джона Брайта верили, что просвещенная политика может смягчить ирландские беды, другие были не столь снисходительны. Королева Виктория утверждала, что «эти ирландцы ужасные, отвратительные люди, не похожие на любой другой цивилизованный народ». Ее любимый премьер-министр Бенджамин Дизраэли, напротив, выражал недоумение, когда слышал, что английские государственные деятели не могут понять природу ирландских проблем: «Мне бы хотелось, чтобы какой-нибудь публичный человек объяснил, что такое "ирландский вопрос"... В один день это папа, в другой — картофель...»

Правительственные комиссии были столь же пренебрежительно надменными и враждебными в своих заключениях, как и королева. В «Докладе о положении ирландских бедняков в Британии» (1836) говорилось:

> Ирландская эмиграция в Британию являет собой пример менее цивилизованного населения, подобного почве под

более цивилизованным обществом. Не делая успехов ни в одной области промышленности, они захватили низшие области ручного труда.

Тем не менее Э. Томпсон отмечал, что ирландцев не назовешь «глупцами или дикарями», просто у них, «по сравнению с английскими ремесленниками, другая система ценностей». Они казались другими как в английском обществе, так и у себя, в беспокойной заморской стране. Журнал «Панч» был заполнен карикатурами, изображавшими злобных, вооруженных до зубов бандитов, готовых в любой момент нарушить покой империи Джона Буля. Они были безрассудными, ленивыми, преступными и — самое ужасное в глазах англичан — католиками. Мэтью Арнольд (1822-1888) мог только надеяться, что английская «добрая натура» в конце концов окончательно победит проблему, которая называется «ирландской натурой».

Презрение и раздражение с одной стороны встречали ненависть с противоположной. «Юнайтед айришмен» напоминал своим читателям, что «сакс — имя дьявола», а лидер националистов Уильям Редмонд заявил на собрании в Фермойе,

что, на его взгляд, «нет ни одного человека — от Парнелла до него самого, — кто не ненавидел бы правительство Англии всем сердцем». Семьсот лет несправедливости и давления придали ирландскому вопросу моральный оттенок, но это не разрешило экономических и политических проблем. Несчастьем Ирландии, как отметил Патрик О'Фаррелл, было то, что отношение к ней Англии выразилось в «некомпетентности и безответственности английских политиков». Были и достойные исключения, такие как Гладстон и Джон Морли, но в целом вердикт справедлив.

Возникновение гомруля, 1872-1876 годы

Жесткая тактика фениев в 1860-х годах не достигла своей цели, а попытки Гладстона сдержать ирландцев удались в первый срок его нахождения у власти (1868-1874). Тем не менее начало 1870-х ознаменовалось важным событием — появлением ирландской национальной партии, которая называлась Лигой гомруля (самоуправления). Партия намеревалась достичь своей цели конституционными средствами, возглавлял ее Айзек Батт (1813-1879). В 1867 году он защищал узников-фениев, в результате чего оказался противником акта об унии Великобритании и Ирландии. Он хотел «восстановления отечественного законодательства, без которого в Ирландии никогда не будет настоящего процветания и мира», и в 1872 году помог основать Ассоциацию местного управления (в ноябре 1873 года ее преобразовали в Лигу гомруля). Такие действия в националистических кругах были встречены с подозрением, и газета «Дублин ивнинг пост» назвала лигу «подлым притворством». В контексте ирландской проблемы лига, однако, представ-

ляла движение вперед, а Гладстон мало что мог предложить. Ирландские епископы отвергли его план создания в Ирландии университета, а королеву Викторию возмутило предложение Гладстона сделать принца Уэльского постоянным наместником в Дублине. Каким бы ужасным ни был «Берти», в Ирландию она его не сослала. В июне 1871 года на аудиенции королева сказала Гладстону, что Шотландия и Англия заслуживают большего королевского присутствия.

Выборы 1874 года мало исправили положение, так как Дизраэли и консерваторы получили преимущество над либералами в сто голосов. Новый премьер-министр никогда не выказывал ирландцам симпатии, как признает его биограф Роберт Блейк, «он для них никогда не делал и не говорил чего-то полезного». Такое негативное отношение Вестминстера означало, что в 1874 году любые инициативы пятидесяти семи членов ирландского гомруля не находили отклика. Да и сам Батт быстро терял влияние на фоне восходящей звезды, Чарльза Стюарта Парнелла (1846-1891), члена парламента от Западного Мита. В 1875 году в своей первой речи на заседании парламента Парнелл возразил против определения Ирландии как «географического фрагмента», а в 1876 году

задел чувства англичан, отрицая, что в 1867 году в Манчестере ирландцы совершили какие-либо преступления.

Прошлое Парнелла

Новый ирландский лидер был необычен в двух отношениях: он был протестантом, хотя первым выказывал готовность служить делу ирландского национализма, и к тому же лендлордом, значит, мог бы поддерживать британские порядки. Но отец его матери в войну 1812 года был адмиралом, и в 1780-х годах Парнеллы пытались добиться для Ирландии независимого парламента. Вполне естественно, что столь радикальные традиции семьи в соединении с пылким темпераментом (бешеный нрав способствовал его исключению из Кембриджа) сделали Парнелла лидером гомруля. Как метко выразился Майкл Дэвитт, это был «англичанин из сильнейших, заточенный под ирландскую проблему».

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАРНЕЛЛИЗМА

Парнелл наделил ирландский патриотизм динамикой, но он лишь подпитывал идеями новые силы ирландского общества образца XIX века, без них его лидерство не стало бы таким

эффективным.

Удивительным кажется сокращение числа безземельных ирландских тружеников после голодных лет. Вот цифры:

1841 - 16,1%
1871 - 13,8%
1881 - 9,1%

Это означает, как заметил Джордж Бойс в своем великолепном исследовании «Национализм в Ирландии», что

> безземельные крестьяне играли все меньшую роль в развитии политического движения, опиравшегося на людей, получавших средства к существованию от земли. Напряжение между крестьянами и фермерами, бывшее важной причиной насилия до голодных лет, стало менее ощутимым.

В партии Парнелла состояли фермеры-арендаторы. Попытки использовать недовольство безземельных крестьян не помешали расширению движения гомруля.

Способствовали росту движения и электоральные изменения, в особенности Акт об ирландском избирательном праве (1850). К 1853 году 88,7%

ирландского электората имели право избирательного голоса, хотя самые бедные слои населения все еще не могли голосовать.

ГРАМОТНОСТЬ И ПРЕССА

Движению парнеллизма в немалой степени способствовали грамотность и газеты. В 1851 году читать умели 53 процента населения старше пяти лет, а к 1911 году цифра возросла до 88 процентов. Рост грамотности шел рука об руку с распространением популярной прессы, так что к 1913 году издавалось 230 местных газет. Журналисты, такие как Тим Харрингтон из «Керри сентинел» и Джеймс Дейли из «Коннахт телеграф», играли важную политическую роль в своих графствах.

Влияние католической церкви

Ни один анализ парнеллизма не будет полным без обсуждения взаимоотношений членов движения гомруля и католической церкви. Парнелл понимал, что католические епископы обладают большой властью и влиянием, и обратился к ним. Они, в свою очередь, благословили Парнелла и его сторонников. Уолш и Кроук, лидеры католической иерархии 1880-х годов, сочувствовали национальным устремлениям, и местные священники приняли деятельное участие в организации партии Парнелла.

ФЕНИАНИЗМ

В 1879 году католический архиепископ Макхейл пошел на фениев в жестокую атаку, но Парнелл всегда знал, что альянс с «обитателями холмов» весьма ценен. Публичного поощрения насилия он избегал, тем не менее началу его карьеры сильно поспособствовала защита бывших фениев, таких как Майкл Дэвитт. В этом отношении изменение тактики фениев в начале 1870-х

годов было для Парнелла жизненно важно. К 1873 году те решили поддержать Лигу гомруля на следующих выборах и отвергли утверждение Стефенса, что только фениаство спасет нацию. Это решение означало, что вплоть до 1890 года Парнелл постарается добиться самоуправления конституционными способами.

ЗЕМЕЛЬНАЯ ВОЙНА, 1879-1882 ГОДЫ

На этом основании Парнелл и его союзники-фении затеяли то, что после 1879 года назовут «земельной войной». Кампания стала ответом на кризис в сельском хозяйстве 1870-х годов. К счастью, благотворительная организация, учрежденная герцогиней Мальборо, предотвратила повторение ужасных страданий времен картофельного голода. Тем не менее люди опасались, что страшные дни 1840-х годов могут вернуться, и Парнелл постарался этими чувствами воспользоваться.

Летом 1879 года в Уэстпорте, графство Мэйо, он произнес речь, в которой бросил вызов существующей системе земельных рент. Он заявил, что

> справедливая рента — такая рента, ко-

торую арендатор может позволить себе платить на данный момент, но в плохие времена от арендатора нельзя ждать тех денег, которые он платил в хорошие времена...

Это заявление встретило немедленный отклик наиболее грамотных и политически подкованных арендаторов. Они присоединились к кампании Парнелла и Дэвитта, направленной против фермеров, захвативших собственность арендаторов, не способных выплачивать ренту. Такие люди, заявил Парнелл, должны быть отправлены в «моральное Ковентри», народ должен отвернуться от них, как от прокаженных.

Эта кампания совпала с возвращением Гладстона в большую политику. В 1880 году он вновь занял пост премьер-министра и был еще решительнее настроен покончить с «ирландским вопросом». Его естественными союзниками в кабинете либералов были радикалы сэр Чарльз Дилк и Джозеф Чемберлен, но Гладстон чувствовал себя обязанным завоевать голоса тех либералов, которые хотели восстановить в Ирландии закон, поскольку, независимо от согласия Парнелла, сторонники фениев стреляли в ленд-

лордов.

Земельный акт 1881 года

Решением стал компромисс — земельный акт в сочетании с принудительным дал значительные права вице-королю Ирландии, представлявшему британскую корону. Земельный закон, однако, был мерой, продолжившей процесс, начатый Гладстоном в 1870 году. Фермеры получали право при посредстве специальных судов фиксировать на пятнадцать лет арендную плату, так что их теперь нельзя было согнать с земли. Акт содержал положения о справедливой ренте, свободной торговле и неотчуждаемом праве на имущество. Но в нем имелись и серьезные пустоты: к примеру, 130 000 арендаторов, запоздавших с выплатой ренты и не удовлетворявших требованиям, остались ни с чем.

Парнелл открыто выступал против принудительного акта. Он и тридцать пять членов парламента были исключены из Вестминстера. Парнелл разгневал либеральное правительство уже тем, что в 1880 году посетил США и возобновил связи с тамошними фениями. В одной речи он зашел столь далеко, что выразил желание «уничтожить последнюю связь Ирландии с Ан-

глией». Гладстон вышел из себя и обрушился на него с нападками в речи в Лидсе:

> Если в Ирландии еще возможна борьба закона с полным беззаконием, то тогда, джентльмены, без промедления скажу: ресурсы цивилизации еще не исчерпаны.

В октябре 1881 года Парнелл а арестовали и посадили в Килмингеймскую тюрьму в Дублине.

Нельзя сказать, что это было особенно неприятно: во многих отношениях тюремное заключение Парнеллу было выгодно. Как указывает Роберт Ки,

> для него все сложилось как нельзя лучше: он оказался мучеником в стране, с которой хотел порвать в любом случае. В то же время он был освобожден от всякой ответственности за продолжающееся насилие.

Нахождение Парнелла в тюрьме, хотя и выгодное, было непродолжительным, к тому же ему не терпелось освободиться. Кампания фениев против лендлордов провалилась, а Парнелл был

поглощен любовью всей своей жизни — Кэтрин О'Ши, «дорогой королевной». Она была женой Уильяма О'Ши, члена парламента от графства Клер. Муж закрывал глаза на ее связь в надежде, что это поможет его политической карьере. Фактически именно Кэтрин была посредницей между Гладстоном и Парнеллом, что помогло последнему выйти из тюрьмы.

У так называемого «килмингеймского договора», заключенного в мае 1882 года, были два условия, пусть и не зафиксированные на бумаге. Парнелл обязался использовать свое влияние для прекращения бунтов, а Гладстон — снисходительно отнестись к ирландскому гомрулю. Казалось, дело пошло на лад, как вдруг последовал сокрушительный удар.

Убийства в Феникс-парке

Беда пришла, откуда не ждали: У. Форстер, главный секретарь по ирландским делам, ушел в отставку в знак протеста против «килмингеймского договора». Его сменил лорд Фредерик Кавендиш, племянник Гладстона со стороны жены. По приезде в Дублин, в первый же вечер, Кавендиша и его помощника Томаса Берка зарезали члены группы, называвшей себя «Непобедимыми». Убийства в Феникс-парке сделали невозможной сотрудничество Парнелла и либералов, особенно когда стало известно, что в этом деле замешаны члены Земельной лиги.

Настали скверные времена. Насилия и убийства в Ирландии вынудили правительство Гладстона издать еще один принудительный акт. Но на сей раз Парнелл четко заявил, что действует конституционным путем, и еще отчаяннее стал бороться за ирландские места в парламенте.

Борьба за гомруль, 1885—1886 годы

На этой стадии тактика ирландской партии была достаточно гибкой и осторожной, а потому она и не вступала в альянс с Гладстоном. В 1885 году правительство пало, на смену ему пришли консерваторы во главе с лордом Солсбери. Поскольку тори находились в меньшинстве, они зависели от помощи ирландцев. Парнелл верил, что консерваторов можно убедить принять закон о гомруле. Ирландцы хотели этого, потому что боялись радикальных либералов. Возможно, они проявили наивность в анализе намерений консерваторов, их сбили с толку заявления лорда Рэндолфа Черчилля (он тогда находился в зените своей блестящей карьеры). Николас Мэнсерг не сомневается в том, что в ирландских иллюзиях следует винить Черчилля:

> Он всегда возражал против гомруля, и все же ни один человек, за возможным почетным исключением наместника, лорда Карнарвона, не сделал больше для убеждения ирландских лидеров в том, что сотрудничество с тори может приве-

сти их к заветной цели.

Те же иллюзии разделял и Гладстон. Он надеялся, что с ирландской поддержкой в палате общин можно убедить Солсбери принять закон о гомруле.

Он рассчитывал, что такая стратегия придаст законность большинству тори в палате лордов, на что либералы не могут надеяться. Вышло так, что родной сын Гладстона, Герберт, разрушил планы отца, преждевременно сообщив о его желании протолкнуть закон. Это сообщение имело двойной эффект. Гладстону не удалось добиться для Ирландии гомруля. Во-первых, лорду Солсбери стало известно о желании Гладстона (его кабинет уже решил разорвать переговоры с Парнеллом). Во-вторых, разглашение намерения Гладстона привлекло внимание Джозефа Чемберлена, лидера радикалов, и он полностью настроился против него.

Гладстон и, разумеется, Парнелл думали, что Чемберлен сочувствует ирландским настроениям, однако они ошибались. Чемберлен выступал против принуждения и даже способствовал освобождению ирландского лидера из Килмингейма, но никак не мог согласиться на сужение

власти имперского парламента. В 1880 году он заявил, что «Ирландии не может быть предоставлена национальная независимость», а также что «необходимость отмены конституции в Ирландии не доказана...». В националистических кругах его и Дилка недолюбливали как лидеров нонконформистского радикального крыла либеральной партии, да и в вопросах социальной политики с Парнеллом и ирландцами у них было мало общего.

Последовавшая за тем драма соткана из череды недоразумений. Гладстон и Парнелл думали, что консерваторов можно использовать для достижения ирландских целей, и ошибочно они видели в Джозефе Чемберлене союзника в отстаивании гомруля. Первый просчет объясняет публичную поддержку Парнеллом консерваторов на декабрьских выборах 1885 года. Второй просчет Гладстона в июне 1886 года закончился непрохождением первого закона о гомруле.

Третий кабинет Гладстон сформировал в феврале 1886 года, и билль стал главной его целью, однако с самого начала дело было обречено на неудачу. Либералы встали стеной, да и Чемберлен отказал в поддержке, когда хорошенько вчитался в текст закона. Согласно этому докумен-

ту, ирландские члены парламента уходили из Вестминстера. В Ирландии должен был появиться однопалатный парламент, управляющий всем, кроме внешней политики, обороны и торговли. Имперские полномочия весьма существенно сужались, и Чемберлену это не понравилось. В марте 1886 года он подал в отставку. Когда в июне 1893 года билль был представлен к голосованию, либералы во главе с Чемберленом выступили против, и палата общин его отвергла. Ирландские члены парламента кричали ему «Иуда!» и «Предатель!», но в июле после голосования было объявлено: 316 консерваторов и 78 либералов выступили против гомруля, «за» проголосовали 191 либерал и 85 ирландских патриотов.

Еще одним фактором стала яростная оппозиция гомрулю в Ольстере. Лорд Рэндолф Черчилль разыграл свою знаменитую «оранжевую карту», что подтвердило неправильное суждение о нем Парнелла. Черчилль призвал ольстерских протестантов бороться против гомруля. Он представил тот как средство развала империи. Протестантов не пришлось долго убеждать. Единение католиков и протестантов, бывшее отличительной чертой ирландского восстания 1798 года, бесследно исчезло.

Оглядываясь назад, трудно не согласиться с вердиктом Николаса Мэнсерга по поводу поражения 1886 года:

> Чем внимательнее изучаешь политическое положение 1886 года, тем больше убеждаешься: даже при самом искусном использовании голосов ирландцев аннулирования унии добиться было невозможно.

Попытка Гладстона протолкнуть гомруль любой ценой провалилась и из-за того, что он переоценил силу своей партии, и из-за неготовности электората принять его доводы. Один вопрос, однако, был выяснен: если гомруль когда-нибудь будет принят, произойдет это только при объединении либералов и ирландских патриотов. И Гладстон поставил себе целью этого добиться.

Поражение Парнелла

Прежде чем гомруль снова поставили на голосование, он потерял своего главного приверженца. В 1890 году Парнелл стал жертвой викторианских двойных стандартов: ему поставили в вину продолжительную связь с Кэтрин О'Ши. Парнелл потерпел поражение фактически после главного своего триумфа: с помощью поддельных писем его попытались связать с убийствами в Феникс-парке. Человек по имени Пиггот, подделавший письма, покончил жизнь самоубийством. «Тайме», опубликовавшая подделку, вынуждена была извиниться, а Парнелла поздравили в палате общин. И все же через два года, в связи с бракоразводным процессом, репутации Парнелла был нанесен удар. Муж миссис О'Ши, бывший до той поры добровольным сообщником влюбленных, не получив своей выгоды, вышел из игры.

Китти О'Ши

Парнелл, со свойственным ему мужеством, отбивался, но враги оказались слишком сильны. Католическая церковь обвинила его в адюльтере, и большинство сторонников не осмелились выступить в защиту Парнелла. Он оскорбил и моральные принципы Гладстона, которые тот ставил выше приверженности гомрулю. Гладстон объявил ирландцам, что не останется лидером либеральной партии, если Парнелл не покинет

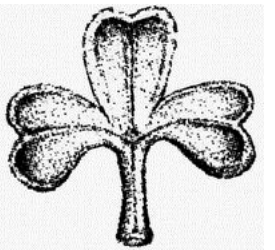
свой пост. История закончилась личной трагедией Парнелла, сопротивлявшегося традициям ирландского общества. Его попытка восстановить прежний альянс с шотландскими горцами провалилась из-за вмешательства католического духовенства.

Серия местных выборов, на которых Парнелл пытался восстановить свое лидерство в ирландской партии, окончилась потасовками. В 1891 году он простудился и умер на руках миссис О'Ши. Гладстон сказал, что «Парнелл был самым замечательным человеком, которого я знал». Его влияние на ирландскую историю огромно. Попытка разрешить ирландскую проблему конституционным путем, а не с помощью насилия, не умерла вместе с ним; он и изложил свою точку зрения в самом, возможно, знаменитом своем высказывании:

Ни один человек не имеет права устанавливать границу продвижения нации. Ни один человек не имеет права сказать своей стране: ты пойдешь туда и не дальше. Мы никогда не пытались зафиксировать ne plus ultra относительно прогресса ирландского народа и никогда не станем этого делать.

Историки могут спорить, был ли Парнелл

«сепаратистом» в прямом смысле этого слова (некоторые, например доктор Бойс, это оспаривают), но своими действиями он сумел поставить ирландский вопрос в центр политики Вестминстера.



ГЛАВА 13
Оранжевая революция и республиканское самопожертвование, 1891-1916 годы

После смерти Парнелла в его партии продолжались недостойные разборки между теми, кого католики заставили отречься от «вождя», и бешеными парнеллитами, верившими в то, что Ирландию «заездили священники». Даже после смерти католические клирики продолжали нападки на Парнелла, и кто-то из них заявил перед паствой, что «парнеллизм — обыкновенная тяга к адюльтеру, и все те, кто проповедуют парнеллизм, проповедуют адюльтер».

Горечь, оставшаяся после тех событий, так и не забытая, хорошо передана в отрывке из известного романа Джеймса Джойса «Портрет художника в юности». Юный Стивен Дедал прислушивается к семейной перепалке по поводу поражения Парнелла:

> — О, да — он все припомнит, когда вырастет, — подхватила Дэнти с жаром, — все эти речи против Бога, религии и

священников, которых наслышался в родном доме.

— Путь он припомнит, — закричал ей мистер Кейси через стол, — и речи, которыми священники и их прихвостни разбили сердце Парнеллу и свели его в могилу. Пусть он и это припомнит, когда вырастет.

— Сукины дети! — воскликнул мистер Дедал. — Когда ему пришлось плохо, тут-то они его предали! Накинулись и загрызли, как крысы поганые! Подлые псы! Они и похожи на псов! Ей-богу, похожи!

— Они правильно сделали, — крикнула Дэнти. — Они повиновались своим епископам и священникам. Честь и хвала им![3]

Нет сомнения, на чьей стороне симпатии Джойса в этом споре, но он сохраняет нейтралитет, как только разговор заходит об ирландском национализме. Последствием поражения Парнелла явилось предание гомруля забвению до следующего поколения.

---

[3] Примечания: 3
Перевод М. Богословской-Бобровой.

Гэльское возрождение

Негативное отношение к раздорам в Лиге гомруля способствовало обращению Ирландии к культурным корням. В 1893 году была основана Гэльская лига с целью возрождения и развития всех видов ирландского культурного наследия, будь то язык, поэзия, музыка или танец. Сестринской организацией стала Гэльская атлетическая ассоциация. Она способствовала развитию ирландских видов спорта, таких как хоккей на траве и гэльский футбол. До какой-то степени этот интерес переключил внимание ирландцев с гомруля, тем более что теперь тот казался проигранным делом (особенно после того, как в 1893 году Гладстон снова не сумел протолкнуть билль в палате лордов). Но в культурном возрождении был заинтересован в основном средний класс, в то время как крестьянство попросту боролось за выживание.

Небольшая группа энтузиастов, занимавшаяся возрождением гэльской культуры под руководством поэта и просветителя Падрейка Пирса (1879-1916), видела в этом политический потенциал. Пирс вступил в Ирландское республиканское

братство, маленькую организацию, получившую после 1900 года некоторую поддержку. Возглавлял ее старый фений Том Кларк.

«Шинн Фейн»

Еще одной значительной фигурой того периода был журналист Артур Гриффит (1872-1922). Он родился в Эдинбурге, издавал газеты «Юнайтед айришмен» и «Шинн Фейн», газету новой националистической партии «Шинн Фейн» (означает «мы сами»), основанной в 1905 году. «Шинн Фейн» вернулась к старой концепции Граттана — созданию отдельного ирландского парламента в Дублине и к бойкоту Вестминстера ирландскими членами парламента. Этот призыв не приобрел широкой популярности, однако мнения ирландцев расходились. Им было приятно, что британцы терпят поражение в англо-бурской войне, однако в 1900 году они с энтузиазмом встретили королеву Викторию, посетившую Дублин. Даже «Юнайтед айришмен» вынуждена была признать, что королеву «бурно приветствовали».

ТРЕД-ЮНИОНИЗМ

Период до 1914 года весьма важен тем, что в Ирландии начали появляться профсоюзы. Веду-

щими фигурами движения были Джим Ларкин (1876-1947) и Джеймс Коннолли (1868-1916), вскоре они возглавили борьбу за ирландскую независимость. Дублин как главный ирландский город (преуспевающий Белфаст эти вопросы не слишком беспокоили) стал центром активности, чему немало способствовали находившиеся там самые ужасные трущобы в Европе. Ларкин основал профсоюз транспортных и неквалифицированных рабочих, который в 1913 году вступил в жесткую конфронтацию с хозяевами дублинских трамваев. Несмотря на то что стачкой рабочие ничего не добились, разогнать профсоюз хозяин не смог.

Коннолли позднее влился в республиканское движение. В ходе дискуссий, предшествовавших 1914 году, выяснилось, что члены старой партии Парнелла фактически владели худшими трущобами, а владелец трамвайных линий некогда являлся сторонником гомруля. Коннолли был одним из тех, кто заронил традицию настоящей социальной политики в Ирландии, даже если ее влияние оставалось сравнительно небольшим.

Оранжевая революция

С 1891 по 1910 год казалось, что об ирландском гомруле все забыли. Его забвения весьма желала либеральная партия, которую расколол этот вопрос, она ни в коем случае не хотела поднимать эту тему снова. Но либералы обнаружили, что на двух британских выборах 1910 года их опередили, и Ирландская национальная партия во главе с Джоном Редмондом (1856-1918) имеет в палате общин большинство голосов. Премьер-министр либерал Асквит вынужден был предложить еще один билль о гомруле, иначе пришлось бы передать власть консерваторам. В то же время либералы столкнулись с возмущением протестантов в Ольстере. Как и в 1886 году, те решительно возражали против гомруля.

Протестанты выражали свое недовольство через общество оранжистов. Оно было основано в 1795 году и преобразовано из тайного общества «Рассветных ребят». Назвали их так потому, что в предрассветные часы они терроризировали католиков. Затем появились ложи оранжистов, выступавшие за сохранение унии; они в 1912—1914 годах являлись опорными пунктами

противодействия гомрулю.

Юнионисты, или оранжисты, как они сами себя порой называли, имели два важных преимущества. У них была поддержка британской консервативной партии, возглавляемой Бонаром Лоу, даже если это и выглядело немного цинично, и харизматичный лидер, сэр Эдвард Карсон (1854-1935), юрист-протестант, родившийся в Дублине. Его преданность унии была столь же несомненной, как и у любого ольстерца. Националисты под руководством Редмонда еле уговорили равнодушную либеральную партию поддержать гомруль, и это в ситуации, когда офицеры британской армии в Ирландии отказывались поддерживать идею ирландского самоуправления.

Кампания против гомруля

Кульминация кампании против гомруля пришлась на 28 сентября 1912 года, когда почти три четверти всех ольстерских протестантов старше пятнадцати лет (преобладали женщины) обязались использовать «все средства, лишь бы не допустить гомруль». За этим вызовом в начале 1913 года последовало формирование «Ольстерских добровольческих сил» (ОДС) численностью примерно 90 000 человек. Они были хорошо вооружены и организованы. Была проведена кампания, благодаря которой в порт Ларн доставили германские маузеры. По сравнению с ополченцами соперничающие националистические «Ирландские добровольцы» оснащены были плохо, и винтовки у них были старинные. (Фотографии того времени запечатлели отличные мотоциклетные воинские подразделения ОДС, чего сторонники Редмонда позволить себе не могли.)

В результате юнионисты победили: несмотря на то, что в 1914 году акт о гомруле был принят, либеральное правительство не смогло сдержать протестантское меньшинство. Да и, с такой арми-

ей и консерваторами, настраивавшими Ольстер на сопротивление, сделать это было почти невозможно. Шли разговоры об «исключении» из-под действия акта четырех ольстерских графств с протестантским большинством. Фактически это дало бы ирландскому парламенту контроль над большинством сфер жизни, а оборона, международные отношения, таможенное обложение и даже управление королевской ирландской полицией подпадали бы под юрисдикцию Вестминстера. Редмонд решительно возражал против таких предложений, но к лету 1914 года у него была слабая позиция, так как либералы и тори хотели заключить сделку в отношении Ольстера. Тем временем «Ирландские добровольцы» попытались воспользоваться яхтой сочувствовавшего им англичанина Эрскина Чайлдерса (1870-1922), автора знаменитой «Загадки песков». На ней они хотели переправлять германское оружие в бухту Хоут около Дублина.

В тот момент, когда Ирландия фактически оказалась перед угрозой гражданской войны, внимание Европы переключилось на другую войну. По словам Уинстона Черчилля, «от мрачных башен Ферманаха и Тирона» взгляды обратились в сторону Бельгии и Сербии. Перед лицом новой

опасности Редмонд великодушно предложил перенести начало действия гомруля на год либо до окончания войны. Билль к тому времени будет усовершенствован, однако все еще оставалось неясным, сколько графств будет исключено из-под действия акта. Редмонд также заручился лояльностью ирландских националистов, и пока в Европе бушевал великий конфликт, дело не сдвинулось с мертвой точки.

Был ли гомруль действительным выходом для Ирландии из кризиса 1912-1914 годов? Почти наверняка нет, ибо, как отмечает Рой Фостер: «Несмотря на недоверие националистов, нет причины сомневаться в том, что гомруль встретили бы в Ольстере вооруженным восстанием». Еще один историк предположил, что первоначальное предложение по исключению некоторых графств из-под действия гомруля было лучше того, что предложили ирландским националистам в 1921 году, когда Ирландия разделилась.

Пасхальное восстание

Тысячи ирландских националистов мужественно сражались за Британию в Первой мировой войне, но ни одно подразделение не пострадало так серьезно, как ольстерское в битве на Сомме в 1916 году. Но правда и то, что большинство ирландцев не участвовали в войне против Германии. Тем не менее это тоже не было выражением позиции убежденных республиканцев, для которых трудности Англии всегда являлись шансом для Ирландии (что подтверждается словами Падрейка Пирса — для достижения независимости ирландцам потребуется «кровавая жертва»).

Ситуация, предшествовавшая Пасхальному восстанию, была сложной. Лидер «Ирландских добровольцев» фактически отменил восстание, а попытки призвать на помощь германские отряды провалились. Корабль с оружием «Ауд», присланный из Германии, был перехвачен, а сэр Роджер Кейсмент (1864-1916), старавшийся предотвратить восстание, считая его преждевременным, был арестован британцами после того, как высадился из германской субмарины на Банна-Стрэнд (графство Керри). Кейсмент, прежде

чем стал бороться за ирландскую независимость, был влиятельным британским колониальным чиновником. Его повесили как предателя. Репутация его была подмочена одиозными «Черными дневниками» (до сих пор относящимися к разряду секретных).

Но Пирс и его сторонники в Ирландском республиканском братстве (ИРБ) решили не отменять восстание, хотя и сознавали, что оно обречено на провал. Удивляет, что Джеймс Коннолли, убежденный социалист, также принял аргументацию Пирса, которому он до тех пор противостоял. Коннолли вступил в ИРБ, однако на вопрос одного из соратников о перспективах успеха ответил: «Абсолютно никаких». Даже тогда его смущали цели некоторых новых товарищей, да и многие другие республиканцы сомневались в благоразумии восстания.

Освещение тех событий до сих пор полно противоречий. Почему, к примеру, восставшие не захватили британский правительственный центр в дублинском замке (вместо этого они просто застрелили стоявшего на посту стражника)? Если верить историку Дэвиду Фицпатрику, произошло это потому, что военный совет ИРБ принял решение захватить центр Дублина, а

не конкретно замок. Они хотели нанести максимальный урон собственности и тем самым британскому империализму. Бересфорд Эллис возражает, цитируя объяснение Коннолли, что замок не удалось бы удержать: он бы не вынес британской контратаки.

Аллегорический плакат, изображающий рождение в 1916 году Ирландской республики

Некоторые факты бесспорны, например то, что британские власти были застигнуты врасплох. Как только арестовали Кейсмента, приняли решение взять в плен остальных республиканских активистов в первый день после Пасхи. Именно этот день выбрали Пирс и Коннолли для нанесения удара: большая часть британского гарнизона отбыла на скачки в Фэйрихауз, и только 400 военнослужащих находились в распоряжении властей, когда вспыхнуло восстание. Штаб восставших находился в дублинском почтамте, а другие опорные пункты располагались в центральном районе города. В здании почтамта Пирс и провозгласил создание Ирландской республики:

> Именем Бога и умерших поколений, от которых мы ведем наши древние национальные традиции, Ирландия нашим голосом призывает своих детей под знамя борьбы за свободу отчизны.

РЕАКЦИЯ БРИТАНЦЕВ

Оправившись от неожиданности, британские власти отреагировали решительно. Из Англии были вызваны подкрепления, а почтамт был обстрелян. Погибли несколько невинных горожан. Произошло это, несомненно, из-за ярости, охватившей солдат при подавлении мятежных опорных пунктов. Британцев удивило отчаянное сопротивление восставших, особенно на Маунт-стрит Бридж, где ответный огонь был таким интенсивным, что британцы решили, будто воюют против двухсот человек, когда на самом деле их там было семнадцать.

Тем не менее численный перевес в конце концов решил дело. Пирс принял решение сдаться в субботу. Несмотря на его разговоры о кровавой жертве, он и сам пришел в ужас от кровопролития в Дублине. Погибли 64 мятежника, 130 британских солдат и около трехсот горожан. В стране случались отдельные отклики на призыв Пирса к всеобщей революции, особенно в графстве Мит, где убили шестнадцать констеблей, а в Уэксфорде город Эннискорти (памятный по 1798 году) непродолжительное время удерживался

«Ирландскими добровольцами».

РЕАКЦИЯ ИРЛАНДЦЕВ

Реакция ирландцев поначалу была враждебной. Дублинцев возмутило разрушение их города, а женщины швыряли помидорами в сдавшихся мятежников. Даже когда в начале восстания мятежники заняли свои позиции, их называли лодырями, которым следовало ехать в Европу и сражаться во Франции против немцев (следует заметить, что в Первой мировой войне погибли 25 000 ирландцев). Люди победнее воспользовались хаосом и занялись мародерством в центре Дублина. Женщины убегали в шубах, в то время как мужья похищали костюмы. В целом дублинцы мятежникам не сочувствовали.

Все изменилось с 3 по 10 мая 1916 года. Казнь Падрейка Пирса, возможно, и ожидалась, поскольку он был предводителем, но Уилли Пирса казнили только потому, что он был братом Падрейка. Особенно жестоко обошлись с Джеймсом Коннолли. Уже раненного в ногу, с начинавшейся гангреной, его вынесли привязанным к стулу, после чего застрелили. В общей сложности казнили пятнадцать главных повстанцев. Настроения ир-

ландцев изменились: жестокая расправа спустя несколько дней вызвала у населения сочувствие к мятежу, чего в пасхальный понедельник не наблюдалось.

Почему же британцы отреагировали именно так? Отчасти потому, что Британия была вовлечена в кровавую войну с Германией, а потому на людей Пирса смотрели не только как на мятежников, но и как на предателей. Однако имелись и другие факторы, самым важным из которых было катастрофическое решение — перевести Дублин на военное положение. В связи с этим ирландский секретарь Биррелл (1850— 1933) подал в отставку. Затем разразился пасхальный мятеж, и место секретаря несколько месяцев оставалось вакантным.

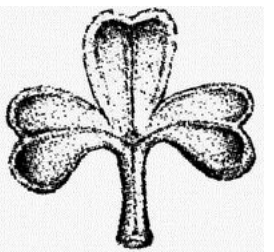
Наследие Пасхи, 1916 год

Что бы произошло, если бы британцы придерживались менее жестоких мер? Это одно из самых больших «если» современной ирландской истории. Как бы там ни было, оставаясь в меньшинстве, бунтовщики совершили отчаянный шаг, пытаясь пробиться к национальному сознанию. Ирландский поэт Йейтс в стихотворении «Пасха 1916 года» писал, что «родилась ужасающая красота». Нет сомнения, что казнь Пирса и других революционеров создала национальный миф, существующий и поныне. Заявления Пирса об «очищающем и освящающем» кровопролитии оставили отчаянное и кровавое наследство ирландской политике, потому что насилие продолжилось. Трагедия 1916 года состояла в том, что более разумный британский ответ мог бы создать более мирный, эволюционный путь развития. Пять лет спустя такой путь был уже невозможен.

По ощущениям Джеймса Коннолли, ирландская революция могла стать предтечей социалистических революций по всей Европе, но Ленин считал ее преждевременной, на его взгляд, католические националисты, такие как Пирс и Коннолли,

способствовали маргинализации ирландских левых. Они привлекли на свою сторону лишь меньшинство народа.

Значительным явлением восстания 1916 года была роль, сыгранная ирландскими женщинами. Хотя лейтенант Констанция Маркевич (1868-1927) была единственной женщиной, по-настоящему сражавшейся вместе с инсургентами (британцы вынесли ей смертный приговор, но впоследствии помиловали), в мятеже принимали участие и другие женщины, такие как Елена Молони. Ненасильственным путем помогала восстанию и женская лига (*Cumann na mBan*). Женская активность стала отличительной чертой ирландского республиканизма.



ГЛАВА 14
Независимость и гражданская война, 1916-1923 годы

Хотя Пасхальное восстание 1916 года и привлекло симпатии общества, оно не вызвало немедленных изменений политической ситуации. Ирландских националистов Редмонда все еще рассматривали как политических представителей, а гомруль — как устремления католических ирландцев. Положение стало меняться в 1917 году. Важным фактором стало появление на политической арене Майкла Коллинза (1890-1922), чрезвычайно способного организатора ИРБ, человека, увидевшего тщетность вооруженных восстаний, поскольку те практически не имели шанса на успех. Коллинз был воинствующим республиканцем, но его поддерживали отвергавшие насилие члены «Шинн Фейн», такие как Артур Гриффит, не принимавшие участия в событиях 1916 года. Эти люди считали, что для осуществления надежд ирландцев гомруля недостаточно, и британцы должны переуступить свои права республике, состоящей из 32 графств. Поэтому они решили бросить вызов партии Редмонда на

дополнительных выборах. Первые, в графстве Роскоммон, завершились убедительной республиканской победой, за ней вскоре последовала еще одна, в графстве Лонгфорд. Такие победы неизбежно влияли на постепенную перемену симпатий ирландского населения — от Редмонда к националистам.

Британцы неосознанно помогли этому процессу, освободив всех выживших заключенных, принимавших участие в Пасхальном восстании в июле 1917 года (они сидели в тюрьме в Англии). В отличие от 1916 года, по возвращении в Дублин их приветствовали как героев. Среди них были главные фигуры борьбе за ирландскую независимость. Их убеждения не имели ничего общего с конституционным национализмом, так что на компромисс надеяться было трудно.

Де Валера

Имон де Валера (1882-1975), сын испанца и ирландки, родился в США. В 1916 году он принимал участие в антибританских восстаниях и командовал одним из боевых подразделений во время пасхальной недели. Возможно, от казни его спасло американское происхождение. Как бы то ни было, он уцелел и стал самым известным политическим деятелем независимой Ирландии.

Де Валера, лидер движения «Шинн Фейн»

В 1917 году, используя хорошо смазанную политическую машину Коллинза, де Валера выиграл знаменитые дополнительные выборы в

Восточном Клере. Он благоразумно заручился поддержкой католической церкви, заявив, что его программа обращена на «религию и патриотизм». После этого де Валера стал лидером объединенного республиканского движения, попрежнему называвшегося «Шинн Фейн», однако в него входили ИРБ, ирландские добровольцы довоенных времен и первоначальный «Шинн Фейн» Гриффита. К концу 1917 года у «Шинн Фейн» имелось около 250 000 членов в 1250 клубах по всей Ирландии.

Будущее старой националистической партии казалось смутным (республиканцы даже утверждали, что они являются настоящими наследниками Парнелла), однако она все еще пользовалась местной поддержкой. В Уотерфорде, к примеру, сын Редмонда выступал против участников «Шинн Фейн», когда умер его отец, и, несмотря на показное ношение британской армейской формы, боролся с ними. Тем не менее отход от старой партии гомруля был необратим.

ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ

Британское решение — освободить узников Пасхального восстания, — изменившее атмосфе-

ру 1916 года, к несчастью, было сведено на нет крупной ошибкой. Снова война с Германией вытеснила мысли об Ирландии (кстати, в 1917 году ситуация на фронте складывалась для Британии неудачно). Решение о введении воинской повинности, уже принятое в остальной Британии, распространилось в 1916 году и на Ирландию. Ничто не могло сильнее воспламенить огнеопасную ситуацию. Это объявление объединило всех ирландцев (за исключением юнионистов) против британских властей. Сообща выступили «Шинн Фейн», профсоюзы, сторонники Редмонда и — самое главное — католическая церковь. В 1917 году по всей Ирландии проходили митинги, люди подписывали воззвания, направленные против воинской повинности. Британское правительство отказалось от своего намерения, но к этому моменту было слишком поздно.

АМЕРИКАНСКИЙ ФИЛИАЛ «ШИНН ФЕЙН»

На протяжении 1916-1917 годов отношение США к Ирландии оказывало влияние на все, что происходило в стране, особенно после того, как в апреле 1917 года президент Вудро Вильсон

вовлек Америку в войну «ради установления демократии и мира». Ирландские республиканцы надеялись (оказалось, напрасно), что при заключении мирного договора по окончании войны Вильсон будет сочувствовать делу ирландской независимости.

Американское вмешательство после казни участников Пасхального восстания было недвусмысленным. «Шинн Фейн» настолько умело использовала сочувствие американского населения для сбора пожертвований, что Джим Ларкин, проживавший тогда в Америке, возмутился:

> Движение «Шинн Фейн» здесь антилейбористское. Его представители, пытаясь внушить американцам, что революция была католической, на самом деле нанесли делу невероятный вред. Все они яростные американские шовинисты, постоянно кричат, как много ирландцев боролись и погибли за свободную республику... Меня от них тошнит. Недавно в Чикаго они устроили митинг и потратили на него 2600 долларов, 1700 долларов пошло на установку специального флага со звездами, эти звезды, словно

> электрическая гирлянда, сверкали на протяжении всего собрания. Называют себя патриотами, а на деле это законченные обманщики-политиканы.

Конечно же, Ларкин критиковал то, что считал эксцессами ирландского католического национализма, однако приведенный отрывок дает понять, сколь мощным стало движение «Шинн Фейн» в США. Цитата вдвойне показательна, потому что, судя по свидетельствам, после Пасхального восстания 1916 года американские ирландцы, члены «Шинн Фейн» во главе с Джоном Дивоем контактировали с немцами, которые, что вполне понятно, были заинтересованы в возможности революции в Ирландии. Существует письменное свидетельство о том, что одного члена «Шинн Фейн» арестовали в Голуэе, когда после восстания тот высадился с американской подводной лодки.

В свою очередь, это спровоцировало британские власти: они только и ждали повода, чтобы обвинить лидеров движения, боровшегося против воинской повинности. Власти заявили, что «Шинн Фейн» участвует в «германском заговоре». На самом деле не существует свидетельств, что лидеры «Шинн Фейн» под влиянием Кол-

линза пытались в 1917 году заключить союз с Германией. Такой союз в любом случае помешал бы ирландцам в Америке, настроенной против Германии, так что такого рода заговоры были для «Шинн Фейн» бессмысленны. Тем не менее с США приходилось считаться, и, возможно, это повлияло на решение британцев освободить из тюрьмы участников Пасхального мятежа. Ирландско-американские республиканцы были среди них самыми фанатичными.

Выборы 1918 года

Событием, по-настоящему закрепившим разрыв с Британией, стали декабрьские выборы 1918 года. Они последовали за неудавшейся конституционной конференцией 1917 года, когда националисты Редмонда согласились на то, что в Ирландии будет 26 графств, кроме шести ольстерских. Им очень хотелось заключить хоть какое-то соглашение с Британией.

Это мало помогло. На выборах движение «Шинн Фейн» завоевало семьдесят три мандата против жалких шести у националистов. Лишь в Ольстере юнионисты оказались на втором месте, завоевав шестнадцать мест. Каким образом была добыта эта сенсационная победа? Частично благодаря наследию 1916 года, но были и другие важные причины.

Одна из них заключалась в том, что в этот раз был представлен новый электоральный список, в три раза больше, чем в 1910 году. Голосовали женщины старше тридцати и мужчины начиная с двадцати одного года. Другая причина: многие ирландские солдаты, служившие в британской армии, скорее всего, проголосовали бы за наци-

оналистов, однако избирательных бюллетеней им не выдали. В результате участие в выборах принимала треть списочного состава. И наконец, избирательную кампанию 1918 года отличало то, что сделалось ирландской традицией — «перевоплощение». Организаторы выборов тщательно изучали списки избирателей, выясняли, кто из них умер, но остался на бумаге, а затем чудесным образом «перевоплощались» в них в избирательной кабине. Особенно хорошо удавалось это шиннфейнерам. Некоторые хвастали, что проделывали такое по шесть раз подряд. Были даже случаи, когда люди голосовали двадцать раз!

Принимая во внимание все эти факторы и неудачи националистов, оставшихся без единого кандидата в четверти ирландских избирательных округов, остается лишь процитировать мнение Роя Фостера, разделяемое большинством историков: «С самого начала победа могучего движения "Шинн Фейн" рассматривалась как неизбежная». Движение действительно было могучим и победоносным. «Шинн Фейн» потребовало разорвать связь с Британией и создать в Дублине отдельный ирландский парламент. Хотя у «Шинн Фейн» в Вестминстере было самое большое количество ирландских мандатов, ее

депутаты их не взяли. Одной из таких отсутствующих депутатов была Констанция Маркевич — первая женщина, избранная в палату общин.

Вместо Вестминстера «Шинн Фейн» создало собственный парламент — Дэйл Эриан (Dail Eireann) во главе с Имоном де Валера. Британцы, конечно, восприняли его созыв как незаконный акт, и началась война за независимость, длившая до 1921 года.

Ольстер

Полагая, что Британия без зазрения совести покушается на их независимость, республиканцы позабыли об одном факторе, а именно — об Ольстере, с его протестантским большинством, настроенным враждебно и к гомрулю, и ко всей Ирландской республике (католическое меньшинство там, кстати, было не таким уж и маленьким). Несмотря на пропаганду Пирса и 1916 год (были даже слухи о людях, молившихся Пирсу и его соратникам), чувства ольстерских протестантов в связи с предполагаемым разрывом с Британией сильно недооценили. И это только подчеркивает республиканскую близорукость, отличавшую в особенности Пирса. Не было никакого шанса на то, что оранжисты Ольстера мирно вольются в объединенную католическую Ирландию, когда одним из их лозунгов по-прежнему был «Нет папству!». Представить себе что-то другое — значило жить в сказочной стране республиканцев и националистов.

Война за независимость

Парламент, собравшийся в Дублине в январе 1919 года, услышал первые выстрелы, донесшиеся из Типперери. Началась «война за независимость». Жертвами стали два полицейских Королевской ирландской полиции. Волонтеры убили их без приказа Коллинза или кого-либо еще. Но смерти этих двух людей предвосхитили то, что уже наметилось в сознании Коллинза. Через несколько недель он говорил коллегам, что

> чем скорее будет навязана война и чем больше будет беспорядка, тем лучше для страны. Ирландия от этого только выиграет, это лучше, чем нынешняя ситуация.

Проявив себя политическим и финансовым организатором, Коллинз продемонстрировал способности к партизанской борьбе: он развязал сознательное наступление на королевскую ирландскую полицию (КИП), большинство офицеров которой сами были ирландцами. Инструментом для борьбы он избрал только что

созданную Ирландскую республиканскую армию (ИРА), а целью кампании являлось провоцирование британских властей на жестокие ответные действия, чтобы пробудить к борьбе ирландское население. В течение года были убиты четырнадцать полицейских, к тому же ряды полиции поредели в связи с ранним выходом офицеров в отставку и нежеланием молодых ирландцев приходить на их место.

Тем временем сам Коллинз, «Большой человек», как звали его в республиканских кругах, вел двойную жизнь. С одной стороны, он был министром финансов и занимался выбиванием займа для новой республики, а в другой — бесстрашным главарем повстанцев, ездившим на велосипеде вокруг Дублина. Он даже заходил в отделения полиции — поговорить с информаторами. Под кажущейся беззаботностью скрывалась фанатичная преданность идее. Человек, который соревновался в армрестлинге с коллегами из Ирландского республиканского братства, мог безжалостно распорядиться о казни офицеров из политической разведки КИП, если те не внимали его предупреждениям и оставались на своих постах.

«ЧЕРНО-КОРИЧНЕВЫЕ»

В марте 1920 года в городе Корк произошла необычная казнь. Томас Маккертен, лорд-мэр, был застрелен предположительно членом отряда КИП, однако свидетели слышали, что убийцы говорили с английским акцентом. Кем они были на самом деле? Дело усугублялось тем, что вместо знакомой зеленой формы КИП на этих мужчинах были брюки цвета хаки. На самом деле они являлись членами одиозной группировки КИП — «черно-коричневых», чьи «подвиги» увековечены в Ирландии белыми крестами.

Члены карательных отрядов не были отбросами британского общества, арестантами и т. д., как утверждает националистическая легенда. Это были люди, дезориентированные после демобилизации по окончании Первой мировой войны. Их рекрутировали в поредевшие ряды КИП. Война в Ирландии предоставляла бывшим солдатам возможность заработать и на благом деле — налаживании законности и порядка. «Черно-коричневые» получили свое название от знаменитых гончих в графстве Типперери, где впервые обратили внимание на их любопытный

окрас. Прозвище прижилось. Своим внешним видом они были обязаны простому факту: не хватало униформы. К 1920 году карательные отряды насчитывали несколько тысяч человек.

«ОГЗИ»[4]

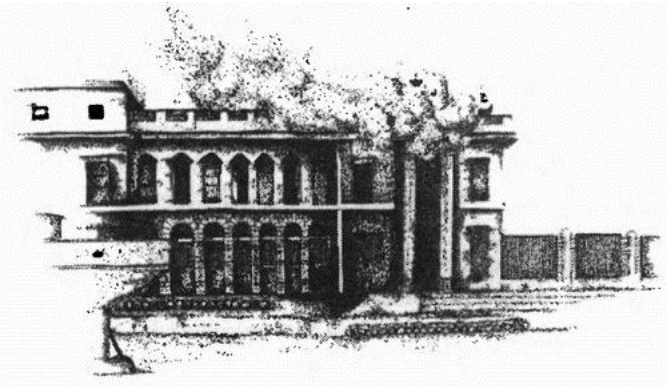
Рука об руку с «черно-коричневыми» шли «огзи», бывшие британские армейские офицеры, получавшие фунт в день (больше, чем «черно-коричневые»). Эта небольшая армия заработала еще более скверную репутацию. Посреди ночи они с ревом носились по сельской местности в своих машинах (на автомобильные рамы устанавливали кузова, вмещавшие до десяти человек). Их боялись, считали самыми опасными военными подразделениями. Вместе с КИП, «черно-коричневыми» и британской регулярной армией «огзи» составляли в Ирландии боевую силу в 40 000 человек. Противостояла им ИРА — 15 000 мужчин и женщин, из которых, возможно,

---

[4] Примечания: 4

«Огзи» («Auxy») — прозвище солдат Вспомогательной дивизии королевской полиции Ирландии (Auxiliary Division of the Royal Irish Constabulary), элитного подразделения, формировавшегося в Англии из бывших офицеров британской армии, ветеранов Первой мировой войны.

только 5000 находились на активной службе, хотя сам Коллинз называл лишь 3000 человек.



Пожар на дублинской таможне

ТЕРРОР И АНТИТЕРРОР

Ирландская республиканская армия смотрела на всех солдат британской короны как на законные цели, поражая которые они смогут изгнать британцев из Ирландии. Самым эффективным их подразделением была «летающая колонна» — от двадцати до тридцати мужчин, быстро передвигающихся по стране, оказывающихся там,

где нужно, и полагающихся на помощь сочувствующего населения. Имелись также довольно крупные отряды в городах, таких как Дублин, Корк и Лимерик (они были больше подвержены британским контратакам), однако война не охватила всю страну. Большинство боев ограничивалось западным и южным графствами.

В то время как в городах проводились крупные операции, подобные поджогу дублинской таможни (настоящее бедствие для ИРА), в сельской местности устраивали хорошо спланированные засады для воинских колонн «огзи» и «черно-коричневых», подрывали железнодорожные пути, нападали на здания, принадлежавшие английской короне. Возможно, самой знаменитой стала засада и уничтожение восемнадцати «огзи» в Килмайкле на юго-западе страны. Совершила это «летучая колонна» под руководством бывшего британского солдата Тома Барри. В этом случае «огзи», сымитировав сдачу в плен, подстрелили двух военнослужащих ИРА, за что всех их уничтожили. Другие эпизоды, связанные с ИРА, обернулись позором для организации: они, например, застрелили семидесятилетнюю женщину, предупредившую власти об одной из их засад, и уничтожили компанию ни в чем не

повинных теннисных игроков в Голуэе.

Первое из нескольких «кровавых воскресений» в современной ирландской истории случилось в ноябре 1920 года. Начался день с казни четырнадцати британских офицеров в Дублине (в большинстве своем разведчиков). Некоторых из них казнили в присутствии жен, причем убийцы только что вернулись с литургии. Британцы ответили: в тот же день «черно-коричневые» расстреляли двенадцать человек (включая одного игрока) на ирландском футбольном финале в Кроук-Парк. Но даже этим побоище не закончилось, ибо вечером на гауптвахте дублинского замка были убиты еще два военнослужащих ИРА вместе с невинным сторонником «Шинн Фейна», которого привели для допроса.

По мере того как «черно-коричневые» и «огзи» выходили из себя, борясь с неуловимым и быстро передвигавшимся противником, жертв у британской стороны становилось все больше. Самая тяжелая ситуация сложилась в Корке: там сожгли центр города, а пожарным, пытавшимся погасить огонь, перерезали шланги. Правительство, считавшее, что «его взяли за горло» (выражение Ллойд Джорджа), ухудшило положение: главный ирландский секретарь министерства

финансов попытался уверить, что граждане Корка специально сожгли собственный город. Еще одно ужасное событие произошло в Балбриггане (графство Дублин). Там «черно-коричневые », ограбив пивную, сожгли город, включая несколько сыроварен. Последние являлись жизненно важной частью местной экономики, а потому такие поджоги стали обычной тактикой «черно-коричневых».

Следует отметить, что на все проявления произвола немедленно следовала ответная реакция. В Корке «огзи» взъярились из-за засады, в результате которой погибли одиннадцать их коллег, а в Балбриггане офицер Королевской ирландской полиции умер от пулевых ранений, что привело в бешенство «черно-коричневых». Провокация, разумеется, не может служить оправданием убийствам и поджогам, но один историк обратил внимание на важный факт: в большинстве случаев после нескольких лет, проведенных в окопах, у «огзи» и «черно-коричневых» расшатались нервы: их бесила легкость, с которой ИРА уничтожала их товарищей.

Британские офицеры интуитивно чувствовали, что война в Ирландии вовсе и не война, а расплата за поведение, вынудившее командира

«огзи» от стыда подать в отставку. В целом это было постыдное, грязное и безжалостное противостояние, в котором хороши и легитимны оказывались любые средства. И посреди всего этого находились сами ирландцы, иной раз возмущавшиеся тактикой ИРА, однако часто попадавшие под подозрение королевских сил: те считали их сторонниками ИРА, если они не представляли доказательства обратного. Во многих домах останавливались на постой бойцы «черно-коричневых» и офицеры регулярной армии, в то же время другие жители вынуждены были прятать у себя членов ИРА в силу родственных отношений.

С 1919 по 1921 год были убиты 752 гражданских жителя и военнослужащих ИРА. Цифра кажется небольшой сравнительно с другими конфликтами, однако экономике страны был нанесен громадный ущерб. Никто не был гарантирован от полуночного стука в дверь и от того, что могло за этим последовать. К 1921 году ирландцы устали от конфликта и готовы были к мирному процессу, который неуверенно начал прокладывать себе дорогу сквозь «кровавые воскресенья».

Акт о правительстве Ирландии

Уже в 1920 году Британия приняла акт о правительстве Ирландии. Он содержал основные положения билля о гомруле 1914 года, но при этом создавал два отдельных ирландских парламента — в Дублине и Белфасте. Совету Ирландии было поставлено условие, согласно которому в нем могли находиться северные и южные представители, однако полномочия совета были ограничены.

Главным здесь являлось то, что акт не рассматривал разделение Ирландии на двадцать шесть графств как нечто незыблемое и полагал возможным создание одного парламента Ирландии при условии, что обе стороны согласятся вверить ему свои полномочия. Возможно, Ллойд Джордж был искренен в своем желании принять такое решение, к тому моменту ему хотелось сбросить с себя ответственность за «эту прекрасную и печальную чертову страну». Ничего не получалось, пока у власти находились такие люди, как Карсон и сэр Джеймс Крейг. Так же, как и Пирс, рисовавший себе республиканскую утопию, они фанатично держались своих убеждений: в первую очередь

требовали, чтобы им были переданы все девять графств Ольстера, хотя только в четырех из них большинство составляли протестанты-юнионисты.

Англо-ирландский договор

Полуторагодовое отсутствие де Валера, уехавшего в США в 1919-1920 годах (для республиканцев он собрал там пять миллионов долларов), оторвало его от бурных событий на родине, а потому по возвращении в Ирландию в декабре 1920 года он был уже готов на переговоры с британцами. Случилась оплошность: британские власти по ошибке арестовали его в июне 1921 года. Переговоры по поводу окончания войны оказались безуспешными. Де Валера говорил с Крейгом, представлявшим юнионистов, и лордом Дерби, выступавшим от имени британского правительства, однако существенного прогресса достигнуть не удалось.

Определяющим фактором в переговорах, убедившим ирландский парламент, стало предупреждение Коллинза. Он сообщил де Валера, что ИРА вот-вот потерпит военное поражение. Британцы не знали о слабости ИРА, они находились под давлением зарубежного общественного мнения и готовы были прекратить борьбу. Следует отдать должное роли британской прессы, особенно «Тайме», заставившей правительство

Ллойд Джорджа сесть за стол переговоров. Тем не менее переговорный процесс был долгим и тяжелым. С ирландской стороны доминировали де Валера, Коллинз и Гриффит, в особенности первые два. «Большой человек» (Коллинз) и «Высокий человек» (де Валера) отличались друг от друга, как лед и пламя. «Дев» (де Валера) погряз в юридических формулировках и тавтологиях, а Коллинз, как человек военный, действовал решительно и темпераментно.

Поначалу де Валера увел ирландскую делегацию в теоретические дебри относительно того, является ли Ирландия республикой или автономным доминионом, наподобие Канады или Австралии. Когда Ллойд Джордж спросил, как по-ирландски «республика», де Валера вынужден был признать, что в их лексиконе такого слова нет и ближайшее по значению — слово «saorstat», или «свободное государство». Победа осталась за Ллойд Джорджем, который решительно настаивал на том, чтобы ирландцы сохранили связь с британской короной и чтобы новое государство не называлось республикой. Его собеседники с этим не соглашались.

Поскольку о переговорах требовалось извещать Дублинский парламент, де Валера решил,

что как президент нового ирландского правительства он должен остаться над схваткой, быть символическим представителем ирландского народа. Коллинз нехотя согласился ехать, хотя и настоял на том, что представит себя делегатом Ирландского республиканского братства (ИРБ) и не станет «смешиваться» с остальной ирландской делегацией.

Переговоры затянулись, и в декабре 1921 года сам Ллойд Джордж, под давлением консервативной коалиции, начал терять терпение из-за «ирландского упрямства». В конце концов он решил поставить типичный для него мелодраматический спектакль. Вынул два конверта и сказал, что один из них вечером будет отправлен на истребителе из Холихеда в Северную Ирландию к сэру Джеймсу Крейгу, и тот узнает о решении, принятом ирландской делегацией. Если они согласятся отпустить шесть графств Ольстера из независимой Ирландии и оставят те частью Британии, все будет хорошо. Но если откажутся, между Британией и ирландскими республиканцами снова вспыхнет война.

Это, конечно, смахивало на шантаж, и ирландская делегация заволновалась (те события очень хорошо представлены в англо-ирландской

телевизионном сериале 1992 года «Договор»). Одни делегаты сомневались, имеют ли они право подписывать соглашение без консультации с ирландским парламентом, других ужасала перспектива разделения страны. Коллинз и Гриффит первыми поняли, что реальной альтернативы у них нет, и им удалось убедить в этом коллег. Все понимали, что договор вызовет распри. Майкл Коллинз сказал: «Я подписал себе смертный приговор».

Потребовалась месячная отсрочка для доработки условий договора шести графствам Ольстера — Лондондерри, Антриму, Дауну, Арме, Тирону и Ферманаху. В конце месяца графства получили бы право выйти из вновь созданного Ирландского свободного государства. И они это сделали. Роберт Ки сделал по этому поводу интересное замечание: когда ирландских переговорщиков пригласили в Лондон, они смогли убедительно представить всю единую Ирландию, потому что никто из них не упомянул Ольстер. Именно Коллинзу и его коллегам пришлось решать, как лучше ответить на «национальные чаяния». Перед лицом возможности возобновления войны, в победоносное окончание которой Коллинз не верил, они добились права для исключения

ольстерских графств. Но (это точка зрения Ки) делегация в конце концов вела переговоры в отношении всей Ирландии, а не двадцати шести графств, из которых должно было сформироваться Свободное государство.

Из договора также следовало, что даже британское правительство не считало разделение окончательным. Совету Ирландии поставили условие: в нем должны присутствовать и северные, и южные представители, а специальная комиссия должна определить границу между севером и югом «в соответствии с пожеланиями жителей». Националисты, конечно, думали, что плебисцит в Тироне и Ферманахе, где большую часть жителей составляли католики, приведет их в Свободное государство. Это оставит юнионистов с четырьмя северо-восточными графствами, а такой союз, по мнению британцев и ирландцев, будет экономически нежизнеспособен.

Вопрос об английской короне, главный для Ллойд Джорджа и его коллег, был аккуратно обойден клятвой, которая отдалила Ирландское свободное государство на почтительное расстояние от монархии. Текст звучал так:

Торжественно клянусь верно служить

> конституции Ирландского свободного государства согласно установленному закону... буду верен его величеству Георгу V, его наследникам и преемникам по закону на основании общего гражданства Ирландии и Великобритании, а также ряда стран, образующих Британское Содружество наций.

Коллинз заметил, что полбуханки лучше, чем никакой. «Поклянитесь избавиться от нее», — сказал он. Но клятва британской короне, а уж тем более разделение страны казались фанатичным республиканцам совершенно невозможными. Они посчитали Коллинза и Гриффита предателями. Такое расхождение и вызвало ирландскую гражданскую войну.

Договор все же прошел в ирландском парламенте шестьюдесятью четырьмя голосами против пятидесяти семи «за». Обсуждение было столь жестким, что де Валера прослезился. Он отклонил предложение возглавить парламент, отказался признать юридическую силу договора, а ИРА решила, что лучше начать войну, чем признавать легитимность правительства нового Свободного государства.

Ирландская гражданская война

Повоевав с британцами для обретения независимости, ирландцы начали воевать друг с другом. Во многих отношениях гражданская война 1922-1923 годов была даже более трагичной и кровопролитной, чем война за независимость.

Война началась в Дублине, где выступившие против договора военнослужащие ИРА во главе с Рори О'Коннором захватили здание «Четырех судов», но после нескольких дней обстрелов артиллерией Коллинза (по иронии судьбы, одолженной у британцев) вынуждены были сдаться. На юго-западе сторона, настроенная против договора и удерживавшая Корк, была сильнее, но Коллинз направил вооруженные силы Свободного государства по морю на захват второго города нового государства. Несмотря на то что их дело казалось все более безнадежным, республиканцы боролись с отчаянной храбростью, и жестокости хватало с обеих сторон. Правительство Свободного государства приняло драконовские меры: расстреляло семьдесят семь солдат ИРА после того, как погиб сам Майкл Коллинз.

Майкл Коллинз умер так, как и жил: беспечно,

невзирая на опасность, он ехал на «роллс-ройсе» с открытым верхом в сопровождении вооруженного эскорта в местечке Билнамблат в графстве Корк. Коллинз всегда говорил: «В моем родном графстве никто в меня стрелять не станет». Что произошло в тот августовский вечер 1922 года, до сих пор не вполне ясно, но вероятнее всего кажется утверждение, что Коллинза сразила срикошетившая пуля. Существует и сенсационная версия, будто его убил кто-то из своих. Майклу Коллинзу было всего тридцать два года.

Лидер Свободного государства Майкл Коллинз на смертном одре. Автор рисунка — сэр Джон Лэйвери

Гриффит умер в пятьдесят лет, сказались боль-

шие нагрузки, но самой горькой стала смерть Эрскина Чайлдерса, в 1914 году доставлявшего контрабандой оружие. Чайлдерс был скорее пропагандистом, чем солдатом, но это его не спасло. Маленький пистолет, подаренный ему Коллинзом, послужил поводом для его расстрела.

К маю 1923 года сторонники Свободного государства одерживали победу, и де Валера приказал противникам договора или, как он их называл, «солдатам арьергарда», сдаться. Вот так, в кровавой борьбе, когда в заключении находились тринадцать тысяч сторонников республики, была образована независимая Ирландия.

Почему победили сторонники Свободного государства, когда, по расчетам, к началу гражданской войны превосходство противника являлось четырехкратным (впрочем, такой цифры удалось добиться благодаря усиленной вербовке)? Были и практические причины, например, в их руках находилась вся артиллерия, но самым значительным фактором, по мнению историка Ф. Ч. Лайонса, стало то, что республика, на появление которой надеялись, была

скорее невидимой, чем неделимой, а искренний и трогательный идеализм, старавшийся пробудить ее к жизни, вызывал слабое эхо в

уставшей от войны стране, желавшей как можно быстрее вернуться к нормальной жизни.

НАСЛЕДИЕ ВОЙНЫ

Призывы Пирса, прозвучавшие в 1916 году, глубоко проникли в души ирландских республиканцев. Война и насилие вытеснили британцев, и войну попытались использовать для отмены соглашения 1921 года. Противники договора игнорировали тот факт, что на всеобщих июньских выборах 1922 года большинство проголосовало за Свободное государство. Фактически население одобрило договор.

Даже по окончании гражданской войны часть военнослужащих старой ИРА продолжала считать правительство Свободного государства, как и разделение страны, незаконным. Из этого следовало, что ярые республиканцы отрицали легитимность юнионистского правительства в Белфасте и готовы были прибегнуть к насилию для его свержения. В этом корень трагедии современной Северной Ирландии.

Культура

Тень, оставленная насилием 1916-1921 годов, заставляет забыть, что эти события связаны с периодом высоких культурных достижений Ирландии.

Уильяма Батлера Йейтса (1865-1939) многие запомнили по фразе, сказанной им в 1916 году по поводу Пасхального восстания: «родилась ужасающая красота». Йейтс был прежде всего поэтом, но его деятельность была разнообразна. Вдохновляемый Мод Гонн (ирландская революционерка), он пытался стимулировать создание подлинно ирландской литературы, из-под его пера вышли «Кельтские сумерки» (1893) и пьесы «Графиня Кэтлин» и «Кэтлин, дочь Холиэна». В 1904 году Йейтс вместе с драматургом Августой Грегори (1852-1932) помог основать знаменитый театр Аббатства в Дублине, но позже разорвал связь с национальной литературой. В 1923 году он был награжден Нобелевской премией.

Уильям Батлер Йейтс

Джеймс Джойс (1882-1941), как и несколько других ирландских писателей, вынужден был бежать из страны, и его талант расцвел в Париже. Он критично относился к Йейтсу и к националистской литературной школе, а также к мрачному католицизму своей молодости. Его «Портрет художника в юности» (1916), возможно, лучше всего написанного показывает тяготы католического воспитания с памятной назидательной проповедью об «огне и горящей в нем

сере». «Улисс», опубликованный в 1922 году, дает удивительное описание одного дня жизни еврея из Дублина. Ранний сборник рассказов «Дублинцы» (1914) громко заявил о потенциале Джойса.

Джордж Бернард Шоу (1856-1950) унес свой талант на чужбину. Как романист он потерпел неудачу. В 1876 году Шоу переехал в Лондон и стал заметным литературным критиком, после чего заявил о себе как драматург. Свет увидели пьесы «Человек и сверхчеловек» (1912), «Дом, где разбиваются сердца» (1919) и «Святая Иоанна» (1923). Он заинтересовался национальным вопросом и в 1916 году организовал кампанию по спасению Роджера Кейсмента от казни. О событиях Пасхального восстания 1916 года Шоу писал: «Расстрелянные ирландцы по праву встанут рядом с Эмметом и манчестерскими мучениками». Он любил огни рампы, британская хроника печатала (часто не к месту) его остроумные суждения по тому или иному поводу. В 1925 году он был награжден Нобелевской премией.

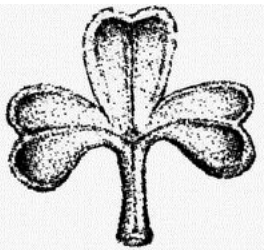
Ирландия не внесла заметного вклада в изобразительное искусство, но Джек Йейтс (1870-1957), брат знаменитого поэта, был отличным художником. Как и его брат, Джек Йейтс имел склонность к литературе, однако в юности, посещая Мэйо

и Слайго, выучился рисовать. Он зарекомендовал себя в 1913 году, представив на знаменитой выставке Армори в Нью-Йорке пять картин. С тех пор живопись стала его жизнью. Особый интерес он проявил к тому, что один критик назвал «бессознательным». Йейтс с одинаковым умением писал браконьеров, людей, режущих торф, поэтов и влюбленных. Не хуже удавались ему и пейзажи. У него не оставалось времени для мистицизма брата и его «герметического ордена Золотого рассвета».

Друг Джека Йейтса, Дж. Синг (1871-1909), писал вместе с ним этюды на западном побережье, однако таланты его проявились в области театрального искусства. Пожив некоторое время в Париже, он согласился на уговоры Уильяма Йейтса и поселился в Ирландии. Путешествие на Аранские острова было проиллюстрировано Джеком Йейтсом, а Сингу дало сюжеты для пьес «В сумраке долины», «Скачущие к морю» и самой великой его комедии «Плейбой» (1907). Его драма в стихах «Дейрдре — дочь печалей» не была закончена: он умер от рака в тридцать семь лет.

И наконец, хотя о нем следовало рассказать в предыдущей главе, упомянем Оскара Фингала О'Флаэрти Уиллса Уайлда (1854-1900). Он вырос

в Дублине и, как Шоу, переехал в Лондон. Уайлд был признан самым остроумным человеком своего времени, и талант его раскрылся в театре, в таких комедиях, как «Веер леди Уиндермир» (1892) и «Как важно быть серьезным».



ГЛАВА15
Протестантское государство для протестантского народа. 1920-1973 годы

Конституционные основы

Акт о правительстве Ирландии от 1920 года стал победой юнионизма в том смысле, что создал отдельный парламент в Белфасте (чего юнионисты и не ждали); однако первоначальный билль, основанный на документе 1914 года, оставил открытым вопрос, какие земли будут включены в провинцию Ольстер. Британское правительство предлагало юнионистам исторический Ольстер из девяти графств, но сэром Джеймсом Крейгом и его коллегами это предложение было отвергнуто в пользу государства из шести графств, поскольку в таком случае оно будет более «однородным». То есть там будет протестантское большинство, в то время как в государстве из девяти графств имелось бы католическое меньшинство численностью 43 процента. Тем не менее парламент в Белфасте был ограничен в своих правах и находился в подчинении Вестминстера, контролировавшего оборону, внешнюю политику, внешнюю торговлю и — самое главное — финансы. Это означало, что новый парламент Северной Ирландии не может оплачивать свои расходы без субсидий Вестминстера. Не мог он прово-

дить и по-настоящему внятную и эффективную экономическую и региональную политику, — а ведь трущобы Северной Ирландии были самыми ужасными в Соединенном королевстве.

С точки зрения юнионистской перспективы акт 1920 года вызывал озабоченность, поскольку он предусматривал образование Совета Ирландии, а это доказывало, что Вестминстер не считает раздел постоянным. Одним из главных достижений периода 1920-1925 годов было то, что раздел и в самом деле стал окончательным. Союз Ирландии контролировал местные вопросы, такие как ирландские железные дороги и рыболовство, а северный и южный парламенты имели в нем по двадцать представителей.

РЕАКЦИЯ КАТОЛИКОВ

Реакция католиков на образование государства Северная Ирландия была в основном враждебной. ИРА (и до и после англо-ирландского договора) организовала кампанию терроризма против нового государства. Эта тактика оказалась не слишком успешной, в частности потому, что дала предлог сэру Джеймсу Крейгу (1871-1940), премьер-министру Северной Ирландии, сменившему в 1921 году

Карсона, главу юнионистской партии, ввести три вида военизированных отрядов для поддержки новой Королевской ольстерской полиции (КОП), причем подразделение «B Specials» вызывало особую неприязнь католического меньшинства.

Старая националистическая партия тоже отреагировала: Джо Девлин отметил, что в акте 1920 года нет гарантии защиты католического меньшинства, но ни британцы, ни юнионисты на это никак не отреагировали. Следующим ответом католиков стал бойкот североирландских институтов, так что в составе КОП было не более 16 процентов католиков, и учителям-католикам в течение десяти месяцев после подписания договора 1921 года продолжал платить Дублин, а не Белфаст.

Эта стратегия была обусловлена ожиданием, что раздел долго не продлится, ибо, как позднее заметил лидер националистов: «Мы думали, это временная мера, карточный домик, который вот-вот рассыплется». Большие надежды возлагались на комиссию, созданную согласно акту 1920 года. Она определяла границы государственных избирательных округов. Ожидали, что комиссия сузит юнионистский Ольстер до экономически нежизнеспособного обрубка из четырех графств.

АКТ ОБ ОСОБЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ

Обструкционная тактика северных католиков сыграла на руку юнионистам, которые чувствовали себя как осажденный гарнизон. В таком отношении юнионисты увидели доказательство того, что католики нелояльно относятся к североирландскому государству. Ответом правительства юнионистов стал Акт об особых полномочиях 1922 года, позволявший властям использовать жесткие методы, а владение оружием объявивший серьезным правонарушением.

ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА

Напряжение англо-ирландской войны и раздел страны неизбежно отразились на самом Ольстере. С 1920 по 1922 год в шести графствах были убиты 450 человек, большинство — католики, а потому многие из них устремились в Свободное государство. В Белфасте произошли трагические эпизоды: в католические районы направили упомянутое подразделение КОП — «B Specials». Население озлобилось. А тут еще Крейг назна-

чил на пост министра внутренних дел особенно несимпатичного юниониста...

В каком-то смысле поведение юнионистов, хотя и провокационное, можно понять, ведь фанатичные республиканцы настроены были отменить Акт 1920 года, не дожидаясь постановления комиссии, ведавшей определением границ избирательных округов. Поскольку Свободное государство, по крайней мере до 1923 года, казалось, поощряло деятельность ИРА на севере, суровые меры были необходимы. В результате произошла фатальная поляризация политических взглядов. И в самом деле, националистическая позиция после 1920 года заставляла поверить в то, что все католики выступают против раздела страны, а все протестанты — за него, но это примитивное деление только мешало конституционным националистам изменить статус шести графств путем мирных переговоров.

Крейг сказал тогда, что в североирландском парламенте две партии, состоящие из «людей, которые за союз, и из тех, кто против него и хотят в дублинский парламент». Такое соотношение породило ситуацию, в которой юнионистская партия за пятьдесят лет не представила в парламент ни одного депутата-католика. В 1932 году

политики-националисты вышли из североирландского парламента в знак протеста против того, что они назвали институционным фракционизмом. Следует признать, что для этого имелись веские причины. Еще в 1922 году Крейг отменил пропорциональное представительство местных органов власти (введенное Актом о правительстве Ирландии), и махинации при разбивке на электоральные округа стали обычным явлением. Классический пример — Лондондерри, где, предварительно пересмотрев границы округов, от католического большинства в местный совет избрали меньшинство депутатов. Юнионисты ответили на обвинения в злоупотреблениях, указывая на постоянное лоббирование католического меньшинства в Ирландии, состоящей из 32 графств.

Результатом политического раздела стало постоянное дублирование результатов выборов. В 1921 году в Северной Ирландии были избраны сорок юнионистов против шести шиннфейнеров и шести националистов. Во многих избирательных округах обычным явлением стало отсутствие оппозиции членам парламента, постоянное доминирование юнионистов сделалось символичным к 1932 году, когда принц Уэльский

открыл новое здание парламента (Стормонта). Напротив поставили статую Карсона, политик изображен в характерной для него упрямой позе.

Комиссия по определению границ избирательных округов

В 1921-1924 годы попытки разрешить вопрос определения электоральных границ провалились из-за гражданской войны и упрямства сэра Джеймса Крейга. Британское правительство вынуждено было назначить в комиссию по границам представителя Северной Ирландии, потому что Крейг отказывался это сделать. Председателем комиссии назначили южноафриканского судью. На самом деле судья не собирался вносить изменений, которых ожидали от него националисты. Прежде чем комиссия представила свое заключение, о намерении судьи сделалось известно британской газете «Морнинг пост». Стало ясно, что Свободному государству отдадут небольшие, экономически незначительные территории, в то время как Северной Ирландии будет передан большой кусок Восточного Донегала.

Эта утечка информации способствовала тому, что правительство Свободного государства в 1925 году поспешно заключило соглашение с Британией, признав существующую границу в обмен на погашение части ирландского долга.

Крейг и юнионисты, без сомнения, выиграли вчистую, ибо соглашение разоблачало непопулярного у юнионистов советника по делам Ирландии. Крейг высказался за совместные заседания кабинета со Свободным государством, однако соперничающие главы государств до 1965 года так и не встретились. Какими бы ни были устремления националистов, граница в этот период осталась незыблемой.

Депрессия

Тревога юнионистов не унялась, особенно после победы де Валера на выборах 1932 года: все знали о его мечте объединить Ирландию. Страхи оправдались, когда в 1937 году де Валера опубликовал конституцию, объявившую суверенитет всей Ирландии. Вторая статья конституции, гласившая что «национальная территория занимает весь остров Ирландия, вместе с соседними островами и территориальными морями», доказала большинству юнионистов, что с дублинским правительством у них нет ничего общего. «Особое положение», закрепленное за католической церковью в той же самой конституции, явилось дальнейшим доказательством того, что «отечественное правление — это римское правление».

Конституционное развитие на юге совершалось на фоне экономической депрессии на севере. На протяжении 1920-х и 1930-х годов безработица в шести графствах составляла около 25 процентов, но нужда не привела рабочих (протестантов и католиков) к объединению. Краткосрочное исключение — 1932 год, когда протесты против несправедливых пособий по безработице вы-

звали мятежи, в которых приняли участие и католики и протестанты. Во время волнений погибли два человека. Однако тогда же последовало избрание первого правительства Свободного государства с де Валера во главе, вызвавшего подозрения протестантов в отношении политики юга страны, и волнения 1932 года остались первым и единственным примером совместных действий католиков и протестантов на фоне непримиримого раскола.

Экономическая ситуация на севере все 1930-е годы оставалась тяжелой, и Лайонс признал относительную бедность Ольстера по сравнению с другими территориями Объединенного королевства. Правительственный доклад 1937 года констатировал, что люди в провинции, «по большей части, проживают в домах, мало пригодных для жилья». Младенческая и материнская смертность в Ольстере была выше, чем где-либо еще, туберкулез убивал людей в возрасте до двадцати пяти лет. В 1938 году 87 процентов домов в сельском Ольстере все еще не имели водопровода, а инвестиции в строительство были ничтожны.

Каково было политическое значение столь бедственной ситуации? Лишения, как отмечалось, не сплотили рабочий класс, напротив,

привели к еще более жесткой политике. Перед лицом возможной массовой безработицы рабочих-протестантов правительство Крейга лишь подчеркивало важность разделения, чтобы бедные протестанты почувствовали: даже в своей бедности они превосходят бедных католиков, которых прозвали «тайд» («ирлашками», от имени Taidgh), или «левоногими» (старинная насмешка оранжистов, предполагающая, что католики, копая землю, упираются в лопату левой ногой).

Лорд Крейгавон (с 1927 года Крейг) сделал в Стормонте классическое заявление юниониста. В 1934 году его избрали великим магистром ложи оранжистов, и Крейг сказал членам парламента:

> Я рад этому больше, чем креслу премьер-министра... Я всегда говорил, что в первую очередь я оранжист, а во вторую — политик и член парламента... Я горд тем, что мы — протестантский парламент и протестантское государство.

Заявление, сделанное перед третью католического меньшинства, было недвусмысленно: католицизм означал «исключение». Еще яснее выразился сэр Бэзил Брук (позднее лорд Брукборо), бывший премьер-министром Северной

Ирландии в 1943-1963 годах. Он похвастался, что не принял на работу ни одного католика — экстремистская позиция, которая тем не менее подтверждала общее убеждение юнионистов в том, что католики нелояльны государству Северной Ирландии.

Однако в это время случались и положительные подвижки. К примеру, в 1930-х годах Стормонт значительно увеличил электрификацию сельской местности, появились признаки улучшения материального положения населения (даже если главным образом это был протестантский средний класс). За период между двумя мировыми войнами в четыре раза выросло количество владельцев автомобилей, с открытием в Белфасте в 1924 году местной станции Би-би-си людям со скромными доходами стали доступны кино и радио. Впрочем, провинция всегда отличалась приверженностью к расколу. Худшим проявлением этого стал 1935 год, когда в мятежах в Белфасте погибли одиннадцать человек и сотни семей, в основном католиков, были изгнаны из своих домов.

Война

Вторая мировая война предоставила юнионистам возможность доказать свою лояльность британской короне, и Северная Ирландия сделалась важным плацдармом охраны британской Атлантики. Значительную роль во время войны сыграли авиация, судостроительная промышленность и сельское хозяйство.

Но даже тогда ненадежный статус Северной Ирландии подчеркнуло высказывание сэра Бэзила Брука, сделанное в британском фильме: «Как вы знаете, мы — часть Соединенного королевства». Как заметил один историк, британцам якобы требовалось напоминать об этом факте! Обычно Британия уделяла мало внимания делам Северной Ирландии. Стэнли Болдуин (британский премьер-министр в 1935-1937 годы) в связи с кровопролитием 1935 года отреагировал на протесты католиков: заявил, что с этим нужно разбираться правительству Северной Ирландии. Католики, возможно, почувствовали, что в обязательства по обороне, возложенные на Вестминстер актом от 1920 года, следовало бы включить их защиту от толп оранжистов.

Северная Ирландия пострадала за свою лояльность британской короне: немецкие бомбардировщики четырежды подвергали ее массированным атакам. В 1941 году в результате одного налета в Белфасте погибли 700 человек, и 100 000 остались без крыши над головой. Однако, учитывая опыт 1917 года, британское правительство, по словам Имона Феникса, «благоразумно решило не объявлять воинскую повинность в Шести графствах». Тем не менее британский имидж лояльной, четко, по-военному организованной Северной Ирландии способствовал укреплению юнионизма, что стало особенно заметно на фоне нейтралитета, объявленного Свободным государством де Валера. Крейг и его соратники любили хвастаться, что они «люди короля», но их патрицианская отстраненность от простых граждан Ольстера отлично иллюстрируется бесконечными дискуссиями по поводу спасения статуи Карсона, в то время как Белфаст подвергался бомбардировкам.

Конституционная солидарность

После войны в Шести графствах произошло нечто вроде социальной революции. Радикальное законодательство лейбористского правительства, возглавляемого Аттли, из Британии распространилось и на Северную Ирландию. Теперь и здесь появилось бесплатное здравоохранение, бесплатное среднее образование, гранты на обучение в университете и пособия неимущим, как и в Соединенном королевстве.

Но политический застой продолжился: юнионистское правительство наотрез отказалось от принципа «один человек — один голос», как в Стормонте, так и в местных органах власти. В 1949 году националисты надеялись, что лейбористы, в отличие от консервативной партии, проявят больше сочувствия к решению Свободного государства не становиться участником Общего рынка. Ответ правительства Аттли был таким:

> Северная Ирландия или любая ее территория не перестанет быть частью доминионов его величества и Соединенного королевства без согласия на то

парламента Северной Ирландии.

Ни один юнионистский лидер не мог бы пожелать большего.

Экономическое развитие

Прогресс экономики Северной Ирландии с 1945 по 1968 год во многих отношениях был впечатляющим. Модернизация сельского хозяйства позволила стремительно увеличить экспорт скота и зерна на остальные территории Соединенного королевства. Правительство щедро субсидировало развитие промышленности в провинции. Тем не менее безработица на протяжении всего послевоенного периода оставалась на тревожно высоком уровне (не менее 6 процентов), причем более всего страдало католическое меньшинство, что усугубляло сектантские настроения. Безработица по большей части не была виной юнионистского правительства. Ее порождали такие факторы, как малый размер отечественного рынка, однако отдельные провокационные политические решения казались в глазах католиков частью сознательной стратегии. Среди таких примеров — строительство нового города Крейгавон. В самом названии звучал намек на раздел, и это в местности, удаленной от депрессивных католических территорий, к западу от реки Банн. Еще одно решение — построить второй университет

не в большом католическом Лондондерри, а в маленьком протестантском городе Колрейн.

В других областях достижения юнионистского правительства при щедрой помощи Соединенного королевства (достигавшей к 1960-м годам 45 миллионов фунтов стерлингов в год) были обесценены многолетним ожиданием результатов. Яркий пример — строительство: хотя к 1968 году было построено 100 000 отличных домов, произошло это слишком поздно.

Война за передел границ

В 1956 году стало особенно заметно, какого социального и экономического прогресса достигла страна: в это время ИРА начала новую кампанию на севере с утопической целью — покончить с разделом территории. Война продолжалась шесть лет, за это время были убиты девятнадцать военнослужащих ИРА и КОП, а государству причинен ущерб на сумму в миллион фунтов. В 1962 году ИРА вынуждена была признать, что кампания провалилась в большей степени потому, что ее не поддержало католическое меньшинство. По этой причине старая тактика «летучей колонны», столь успешно зарекомендовавшая себя во время войны за независимость, оказалась неэффективной.

Возможно, был шанс для примирения. После того как католики в большинстве своем остались лояльны британской короне, один политик-юнионист, абсолютно преданный короне, предложил премьер-министру лорду Брукборо поощрить католиков. Ответ был решительно негативным. Тем временем остальная часть Соединенного королевства жила в блаженном неведении отно-

сительно реальной природы проблем Северной Ирландии. Это было подтверждено наглядно: когда Брукборо давал телевизионное интервью известному комментатору Би-би-си Ричарду Димблби, тот спросил его, тщательно выговаривая последнее слово: «Что же такое И-Р-А?» Стреляный воробей Брукборо не упустил такой возможности: несмотря на известные всем свидетельства «войны за передел границ», повторил старую юнионистскую утку о нелояльности всех католиков.

Неприятности

Современные ирландские историки ожесточенно спорят, была ли неизбежной фаза республиканских мятежей, начавшихся на севере в 1969 году. На первый взгляд кажется, что да, судя по продолжавшейся дискриминации католиков в образовании, жилищном строительстве и в местном управлении. Возьмем только один пример: в графстве Ферманах в марте 1969 года в местном правительстве против 338 протестантов было тридцать два католика. Ситуацию в Ольстере периода 1968-1969 годов отличали особенности, которые и привели к кризису. Одна юнионистская организация, лидером которой стал Теренс О'Нейл, совершала примирительные жесты по отношению к католическому меньшинству. В числе таких жестов были визиты О'Нейла в католические школы, о чем ранее в юнионистских кругах никто не слышал. В январе 1965 года О'Нейл встретился с тогдашним премьер-министром Шоном Лемассом.

Теренс О'Нейл

На самом деле такие жесты ничем не угрожали доминирующей позиции протестантов и юнионистов. И все же поведение О'Нейла вызвало опасную экстремистскую реакцию протестантов, возглавляемых Иэном Кайлом Пэйсли (род. 1926), пресвитерианским священником, порвавшим с собственной церковью и донимавшим О'Нейла на публичных собраниях уколами насчет его «стремления к Риму». Дикое преувеличение по отношению к такому человеку, как О'Нейл! Он объяснял, что его скромная стратегия заключа-

ется в желании убедить католиков «жить более или менее как протестанты, например не рожать по восемнадцать детей».

К несчастью, именно эта закоснелая форма юнионизма (Пэйсли в 1972 году создал Демократическую юнионистскую партию) совпала со все еще продолжавшей свое существование и не менее закоснелой утопической формой республиканства. Здесь также имелась умеренная альтернатива — основанное в 1968 году студентами-католиками, вдохновленными движением за гражданские права чернокожих в США, народно-демократическое движение. Студенты требовали у Стормонта тех же уступок. Согласно юнионистской легенде, народная демократия с самого начала была прикрытием для ИРА, однако это обвинение не находит подтверждения. Что не вызывает сомнений, так то, что юнионистов встревожили уличные манифестации католиков, и они среагировали на них слишком нервно: вывели против демонстрантов отряды «B Specials». Особенно неприятный эпизод случился в начале 1969 года: полиция бездействовала, в то время как толпа приверженцев Пэйсли забрасывала камнями демонстрацию, требовавшую предоставления гражданских прав. Произошло это в семи милях

от Лондондерри.

Иэн Пэйсли

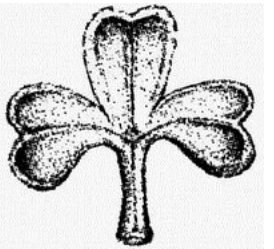
Ситуация накалилась, когда отрядам «B Specials» разрешили терроризировать католические районы Белфаста. Они спровоцировали такие гражданские беспорядки, что в августе 1969 года в Северную Ирландию были направлены британские войска. Казалось бы, сложилась благоприятная ситуация для ИРА, но эта организация так ослабла, что в Белфасте ее приверженцев осмеивали и расшифровывали аббревиатуру IRA как «I Ran Away» («Я сбежала»).

Временная ИРА

Эта слабость отчасти явилась результатом изменения во взглядах на роль ИРА. После войны за передел границ новый, более дальновидный командующий ИРА Катал Гулдинг старался не использовать силу по отношению к воинственно настроенному политическому левому крылу. Идеи Гулдинга были плохо восприняты традиционно мыслящими членами ИРА: они обвинили Гулдинга в марксизме и в 1970 году вышли из организации. Раскольники назвали себя «Временной ИРА» в честь дублинского Временного правительства 1916 года и объявили о намерении устроить на севере военную кампанию против сил британской короны. Ядро ИРА стало называться официальной ИРА; они не участвовали в насилии 1972 года в отличие от воинственно настроенной Временной ИРА (ВИРА).

Даже тогда «временщикам» не сразу удалось получить поддержку в католических гетто. То, что они добились этого, по крайней мере частично, произошло из-за ошибочной тактики британской армии, которую католики поначалу приняли тепло: они смотрели на нее как на защитника от

карательных отрядов «B Specials». Итогом стала злосчастное объединение бесправных городских католиков Северной Ирландии и ВИРА, и с этого момента началось жестокое насилие со стороны «временщиков», на что последовали ответные меры верноподданных военизированных групп. Насилие и контратаки растянулись на двадцать лет.



ГЛАВА 16
От свободного государства к республике, 1922-1949 годы

Ирландское свободное государство родилось в результате гражданского конфликта 1922-1923 годов, и горечь противостояния отравляла первые годы жизни новой страны. Эта горечь частично была вызвана потерями, понесенными обеими сторонами во время гражданской войны, но также и тем, что де Валера и его сторонники отказались создавать новую политическую структуру. У нового правительства не осталось по-настоящему эффективной политической оппозиции, а это — нездоровая ситуация для новорожденной парламентской демократии. Фактически на выборах 1923 года республиканцы завоевали сорок четыре места в парламенте, однако отказались их принять.

Кевин О'Хиггинс

Лидером Свободного государства был Уильям Томас Косгрейв (1880-1965), официальный титул — президент нижней палаты парламента. На этом посту он оставался почти десять лет. Однако самым влиятельным лицом в первые несколько лет был Кевин О'Хштинс (1892-1927), ученик Майкла Коллинза. В трудной ситуации он говорил: «Я всегда пытаюсь делать то, что сделал бы на моем месте Большой Человек».

О'Хиггинс был министром внутренних дел и вице-президентом нижней палаты парламента. Человек он был способный, решительный и, когда нужно, безжалостный. Во время гражданской войны он санкционировал казнь члена ИРА Рори О'Коннора, хотя тот был шафером на его свадьбе. Некоторые называли О'Хиггинса «ирландским Муссолини» за умение работать и принимать жесткие решения. О'Хиггинс твердо верил в парламентскую демократию и при этом не щадил к своих оппонентов. Именно О'Хиггинс взял на себя ответственность за меры против тех элементов ИРА, что продолжали сопротивляться новой правительственной партии, называвшейся «Куманн

на нГаэдхил» («Общество ирландцев»). Два закона об общественной безопасности, принятые в 1923-1924 годах, позволили правительству Свободного государства применять к «раскольникам» ИРА драконовские меры, телесные наказания и интернирование, даже де Валера был посажен в тюрьму. Все эти меры, впрочем, оказались неэффективными, ибо «Дев» (де Валера) критиковал правительство Косгрейва, как и прежде.

Авторитет правительства пострадал и от фиаско комиссии по пересмотру электоральных границ. Утечка информации привела к отставке ирландского представителя в комиссии. Республиканцы восприняли это как проявление коррупции.

УБИЙСТВО О'ХИГГИНСА

Вслед за успехом на «Куманн на нГаэдхил» обрушился сокрушительный удар. В июле 1927 года Кевин О'Хиггинс отправился из своего дублинского дома на мессу в соседнюю церковь. По дороге его встретили трое убийц (их так и не нашли). Они ранили его, а когда О'Хиггинс попытался бежать, догнали, повалили на землю и выпустили несколько пуль в распростертое

тело. Администрация Косгрейва потеряла свою главную фигуру, человека чуть старше Коллинза. Историки могут только гадать, как повернулись бы события, если бы О'Хиггинс остался жив. Ф. Ч. Лайонс, по крайней мере, не сомневался в способностях О'Хиггинса, считал его человеком «такого калибра, который смог бы сыграть ведущую роль в стране на каком угодно посту».

Возвращение к конституционализму

В попытке привлечь де Валера и его вновь образованную партию «Фианна Файл» («Солдаты судьбы») в парламент, правительство Косгрейва издало закон, обязывавший каждого кандидата на выборах поклясться, что в случае избрания он или она займет место в парламенте. Де Валера столкнулся с проблемой: ведь в случае избрания от него потребуется принести клятву верности королю Георгу V. Он прибег к трюку — отодвинул Библию в сторону и просто поставил свое имя в книге, как полагалось всем членам нижней палаты. Честь не была посрамлена, и де Валера со своими сторонниками вошел в парламент. Ф. Ч. Лайонс называл де Валера (вспоминая его спор с Ллойд Джорджем о «свободном государстве» и о «республике») «конституционным Гудини своего поколения», но другой историк резонно спрашивал, почему к конституционной уловке, совершенной в 1926 году, нельзя было прибегнуть в 1922-м? Во всяком случае оппозиционное бойкотирование парламента прекратилось, и Свободное государство вступило в эру «нормального» парламентаризма.

ЦЕРКОВЬ

Между католической церковью и «Куманн на нГаэдхил» сразу образовалась тесная связь. Церковь ясно заявила о своей политической позиции, осудив в 1922 году ИРА, выступившую против договора. Вплоть до 1930-х годов она враждебно относилась к де Валера и его «Фианна Файл». В отличие от государства Северная Ирландия, правительство Косгрейва не было настроено на раскол, протестантскому меньшинству Свободного государства (составлявшему менее десятой части населения) позволялось играть существенную роль в делах страны. В конституции не содержалось запрета католицизма, и вторая палата, сенат (Seanad Eireanri), отстаивала интересы меньшинства.

Только в области общественной морали в это время ощущалось сильное влияние католиков: строгая цензура фильмов, запрет на рекламу контрацептивов. Эти запреты действовали до 1970-х годов.

ОБРАЗОВАНИЕ

Маленькая страна, только что получившая независимость, просто обязана выражать себя в творческом отношении, особенно, как в случае с Ирландией, после столетий навязывания английской культуры. Могла ли такая попытка удаться — другой вопрос. Шаги, предпринятые правительством, были робкими; судя по всему, правительство считало, что англо-ирландское примирение предпочтительнее конфронтации. Косгрейв и его соратники довольствовались попыткой ввести ирландский язык в детские сады (не получилось) и в школы в качестве обязательного предмета обучения.

«Фианна Файл» у власти

В 1932 году в ирландской политике произошли неизбежные изменения: к власти пришла «Фианна Файл». Она находилась в коалиции с Ирландской лейбористской партией, однако у «Фианна Файл» не было подавляющего большинства, и через год состоялись новые выборы. Во время кампании ИРА усердно собирала голоса за «Фианна Файл», используя тактику запугивания и «перевоплощения»: как рассказывают, некоторые люди голосовали по пятьдесят раз. В этих обстоятельствах неудивительно, что «Фианна Файл», снова в коалиции с лейбористами, выиграла подавляющим числом голосов и осталась у власти на следующие шестнадцать лет. Не исключено, однако, что коалиция выиграла бы в любом случае и без помощи ИРА.

В 1933 году мирный переход власти казался маловероятным. Особую тревогу внушала армия Свободного государства: она была враждебно настроена к ИРА, а некоторые члены «Куманн на нГаэдхил» рассматривали «Фианна Файл» как прикрытие ИРА, убившей О'Хиггинса. (Существует по меньшей мере одна история о депутате

«Фианна Файл», которого застали в телефонной будке с автоматом в руках — настолько силен был страх перед всесильной «Фианна Файл».)

Оказалось, беспокойство безосновательно: Косгрейв и его соратники достойно приняли поражение на выборах, и армия, которую они создали, осталась верной конституции. «Куманн на нГаэдхил» скоро исчезла, реформировалась под новым именем — «Фине Гэл» («Объединенная Ирландия»). Вместе с «Фианна Файл» она доминирует в ирландской политике по сей день, следуя разделу 1921 года между теми, кто принял и кто не принял договор. Это разделение глубже, чем между «правыми» и «левыми», потому что во многих вопросах позиции «Фианна Файл» и «Фине Гэл» почти полностью совпадали. Итак, в Свободном государстве по-настоящему левой партией остались только лейбористы.

Де Валера и ИРА

Если при де Валера ИРА и надеялась на повышение своего статуса, ее ожидало глубокое разочарование, несмотря на то что в начале его правления генерал-адъютант ИРА занимал пост в министерстве обороны. Проблема состояла в том, что ИРА начала, что называется, проявлять норов: открыто устраивала парады в ирландских городах, не обращая внимания на правительство. Де Валера старался утихомирить ИРА и определил правительственные пенсии некоторым ее членам, боровшимся против шиннфейнеров, в обмен на прекращение парадов, однако ИРА нагло потребовала, чтобы через пять лет он превратил Свободное государство в республику. Это оказалось слишком даже для де Валера с его республиканским прошлым (еще одним фактором стала череда убийств мирных жителей, совершенная ИРА).

ИРА и «Фианна Файл» расходились все дальше, несмотря на то что рядовые члены партии питали некоторое сочувствие к военизированной организации. Это сочувствие хорошо передано в песне 1950-х годов:

Ирландия моя, вольна наполовину!

Шесть графств на Джона Буля гнули спину,

Пришел де Валера, и отчего-то

Играть он бросил в игры патриотов...

Кульминация наступила в 1939 году, когда дерзкий налет ИРА на правительственный арсенал в Феникс-парке закончился потерей большого количества оружия. Де Валера вынужден был возбудить дело и арестовать подозреваемых. Спустя несколько лет четверых боевиков ИРА, обвиненных в государственной измене, казнили.

В ответ ИРА развязала безумную террористическую кампанию, в 1939-1940 годах устроила ряд взрывов на британской территории, в результате которых погибли мирные жители.

«ГОЛУБЫЕ РУБАШКИ»

Еще одной угрозой для правительства «Фианна Файл» после 1933 года стало фашистское движение «голубых рубашек» под руководством бывшего комиссара полиции Оуэна О'Даффи (в свое время его уволил де Валера). «Голубые рубашки» исповедовали идеи Муссолини о корпоративном

государстве. Их целью являлось «наведение и удержание порядка». О'Даффи всегда отрицал диктаторские амбиции, так что в фюрера или дуче он вряд ли бы превратился, но в 1933 году де Валера встревожило желание местных фашистов использовать отряд «Брой Харриерс», названный так в честь их первого лидера из специального вспомогательного полицейского отряда, состоявшего из бывших бойцов ИРА.

В целом «голубые рубашки» серьезной силой не являлись: их главным достижением стала отправка добровольцев на помощь генералу Франко, сражавшемуся против Испанской республики.

Конституция 1937 года

Как на службе, так и вне ее де Валера демонстрировал редкий талант ловкого обращения с конституцией. Когда он пришел к власти, главной его целью было ослабление пут, связывавших страну с Британским Содружеством, и к 1937 году эту связь фактически разорвали. Сначала было отменено право обращения в Британский Тайный совет в Лондоне, затем правительство перестало приносить присягу британской короне и наконец отменили должность генерал-губернатора (этот чиновник официально представлял в Ирландии британскую корону).

Процесс завершился в 1937 году принятием конституции, хотя де Валера и не вышел из Содружества, а британцы не стали изгонять Свободное государство, переименованное в Эйре (гэльское название Ирландии). У них, правда, вызвали раздражение вторая и третья статьи новой конституции, где говорилось, что территория страны состоит из всего острова Ирландия, прилегающих к нему островов и территориальных морских вод, а также что юрисдикция Эйре в соответствии с конституцией, до восстановления целостности

национальной территории, распространяется на те же сферы и в отношении той же территории, что и законы Свободного государства.

Эта ревизия конституции специально была рассчитана на то, чтобы разгневать юнионистов и бросала вызов лорду Крейгавону, который тут же напомнил, что «мы — протестантский парламент и протестантское государство». На севере начались разговоры об отделении Ольстера, и хотя этого не произошло, ярость юнионистов вызвали упоминания в конституции 1937 года католической церкви. Преамбула начиналась так: «Во имя Пресвятой Троицы», и, хотя слов «католическая церковь» в тексте не было, содержался намек на ее «особое положение… как хранителя веры, исповедуемой большинством граждан». Таким искусным манером де Валера ублажил католиков, с подозрением относившихся к «Фианна Файл» из-за ее связи с ИРА.

Конституция де Валера сделала идею объединения Ирландии еще менее осуществимой. Принимая во внимание намерение Taoiseach (премьер-министров Ирландии) объединить страну, трудно представить, как новая Конституция могла способствовать этому процессу. Вторая и третья статьи на многие годы стали мишенью

нападок юнионистов. На них совершенно не произвело впечатления то обстоятельство, что место президента Эйре занял протестант Дуглас Хайд.

ОБРАЗОВАНИЕ

К процессу «англизации» Ирландии де Валера и его правительство были настроены враждебнее, чем «Куманн на нГаэдхил», а потому они решительнее навязывали ирландский язык населению, не всегда встречавшему это предложение с энтузиазмом. По конституции 1937 года ирландский признавался «первым официальным языком», и историк Дэвид Фицпатрик упоминает «вдохновенные усилия "Фианна Файл" по внедрению в учебные планы истории, гэльского языка и патриотических принципов». Для популяризации гэльское правительство финансировало поездки школьных учителей в Гэлтахт, территорию на западном побережье Ирландии, где говорили по-гэльски. (Моя мать обучалась ирландскому языку в Турмакеди, графство Мэйо.)

Принесла ли успех эта политика? Статистика утверждает, что нет, так как в самом Гэлтахте число людей, говорящих по-гэльски, с 1922 по 1939 год уменьшилось вполовину. Историки считают,

что сама эта политика была неправильной: родной язык не поощрялся, и гэльское возрождение оказалось в опасности. Историческая ирония заключается в том, что гэльский язык навязывался именно в Шести графствах, то есть протестантам и юнионистам.

ЭКОНОМИКА

Администрация Косгрейва проводила осторожную, бюджет-но-сбалансированную экономическую политику, всячески ограничивая вмешательство государства. Но националист де Валера в 1930-х годах такую политику изменил, и это позволило снизить безработицу в Свободном государстве по сравнению с Шестью графствами, по крайней мере до всеобщего мирового кризиса 1931 года.

Отказ де Валера платить британской казне за фермеров, которым выдали британские субсидии по довоенным законам, спровоцировал Лондон на дорогостоящую экономическую войну. Эта провокация, по мнению британцев, была вызвана конституционной реформой. В период между войнами Ирландия почти полностью зависела от сбыта своей сельскохозяйственной продукции

на британском рынке. Политика конфронтации, избранная де Валера, закончилась коллапсом. Экспорт скота в Британию и усилия правительства по расширению культивируемых земель в двадцати шести графствах положения не исправили. В целом «бумажные победы де Валера» (выражение Фицпатрика) обошлись очень дорого. В 1938 году национальный доход Эйре был всего на три процента выше, чем в 1931 году, в начале мирового кризиса.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОГОВОРНЫХ ПОРТОВ

Только в апреле 1938 года, когда Невилл Чемберлен (британский премьер-министр в 1937-1940 годах) и де Валера договорились о возвращении Ирландии так называемых «договорных портов» (например, Кобха, бывший Куинстауна, остававшегося британской морской базой по договору 1921 года), отношения между странами улучшились. Следует упомянуть, что историки и современники, критиковавшие Чемберлена за мюнхенский сговор, заключенный в том же году, не воздали ему должного за жест доброй воли по отношению к маленькому соседнему суверенному государству. Что до де Валера, то договорные

порты ему еще вспомнят.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Социальная политика «Фианна Файл» в 1930-е годы мало содействовала экономическому выздоровлению страны. Удивительный пример — отношение к женскому труду, которому посвящены статьи 40, 41 и 45 конституции 1937 года. Рой Фостер высказался кратко: «Образ сельской утопии был несовместим с использованием в промышленности женского труда и, можно добавить, любой рабочей силы». Женщина должна была оставаться дома, и в 1935 году установили квоту на количество женщин, занятых в ирландской промышленности.

Следует отдать должное «Фианна Файл» — к вопросам пенсионного и социального обеспечения эта партия относилась с большим сочувствием, чем «Куманн на нГаэдхил». Пропагандисты наподобие Аэд де Блакама (1890-1951) обрели популярность, изображая утопическую сельскую идиллию, в которой Эйре могла бы игнорировать реалии современной экономики. Многое в этих мечтах было связано с яростным национализмом, католическим по духу. Мечтатели видел

страну возможной жертвой внешних пагубных влияний. Так, в 1935 году де Валера напомнил соотечественникам, что «Ирландия остается католической страной и, будучи таковой, ставит судьбу человека выше всяческих «-измов» и модных идолов».

Ирландия во время Второй мировой войны

Уже упоминалось о вовлечении Северной Ирландии во Вторую мировую войну. По другую сторону Ирландского моря предполагали, что Эйре присоединится к конфликту. Учитывая опыт ирландской истории, трудно понять, почему в это так верили. Позиция де Валера в сентябре 1939 года была совершенно ясна. В то время как Северная Ирландия оставалась под британской оккупацией, Эйре не состояла ни в одной коалиции, членом которой являлась Британия. Эта позиция осталась неизменной даже после того, как в 1941 году в войну вступили Соединенные Штаты, которые попытались надавить на дублинское правительство с тем, чтобы и оно приняло участие в конфликте.

В 1940 году Уинстон Черчилль сменил Чемберлена на посту премьер-министра Великобритании. Ирландский нейтралитет вызывал у него ярость и непонимание. Потеря договорных портов поставила Британию в сложное положение, затруднила борьбу в Атлантике с немецкими подводными лодками. Британские политики

использовали метод кнута и пряника. В 1940 году вовсю заговорили о доброжелательном отношении к объединению Ирландии (при этом игнорировалась известная позиция юнионистов), затем эти разговоры сменились угрозами интервенции. Ничто, однако, не могло переубедить де Валера и заставить его вернуть Британии договорные порты.

В ретроспективе ясно, что ирландский нейтралитет играл на руку союзникам. Когда самолеты союзников совершали вынужденную посадку в Эйре, летчиков переправляли к границе и передавали по назначению (в 1944 году среди них оказался американский генерал, который участвовал в планировании «Дня Д»). Если самолет был годен к полету, его заправляли, а кокпиты набивали яйцами, маслом и молоком. Британским летчикам-наблюдателям разрешали размещаться на ирландском побережье, и не препятствовали набору тысяч южных ирландцев в армию британской короны.

Не игнорировалась и угроза северу. Когда в 1941 году бомбили Белфаст, де Валера послал на помощь пожарные автомобили (сам Дублин в 1941 году случайно пострадал от немецкой бомбардировки, погибло много людей). В этом

контексте рассуждения Черчилля об «отстраненности мистера де Валера» кажутся неуместными, особенно если вспомнить, что немецких летчиков, в отличие от пилотов союзников, надолго интернировали в лагере Курраг.

НАЦИСТЫ И ИРЛАНДИЯ

Нацистский режим видел в республиканских диссидентах Эйре инструмент борьбы с британцами. Де Валера, однако, придерживался нейтральной позиции и продолжал репрессии против ИРА. Немцы попытались внедрить в Эйре своих агентов, результат получился комичным: в одном случае троих агентов, в том числе одного индийца, обнаружили беспомощно блуждающими по сельской местности, куда они только что спустились на парашютах; в другом случае агент улизнул из дублинской тюрьмы Маунтджой, переодевшись в женскую одежду, и пробовал наняться на работу, пока его снова не схватили! Немецкая подводная лодка также доставила к родным берегам бывшего члена ИРА, начальника ее штаба Шона Рассела, организатора серии взрывов в Британии в 1939-1940 годах, но он умер от прободения язвы возле побережья Голуэя, а его

коллега вынужден был вернуться в Германию. В целом ИРА не убедила своих немецких союзников, резидент нацистской разведки в Ирландии сказал одному из них: «Ты знаешь, как умереть за Ирландию, но не имеешь ни малейшего понятия о том, как за нее бороться».

Несмотря на эти шпионские страсти в духе Уолтера Мити[5], нейтралитет Эйре оставался камнем преткновения в отношениях с ближайшим соседом. Вдобавок де Валера, после самоубийства Гитлера, в исключительно дипломатичной манере выразил сочувствие в книге соболезнований в германском посольстве. В ответ Черчилль упомянул де Валера в речи, посвященной победе:

> Если бы не лояльность и дружба Северной Ирландии… нас бы вынудили сблизиться с господином де Валера либо погибнуть… и мы предоставили возможность правительству господина де Валера любезничать с немецкими, а позднее и с японскими представителями и всячески их ублажать.

---

[5] Примечания: 5

Герой кинокомедии «Тайная жизнь Уолтера Мити» о скромном клерке, воображающем себя героем.

Ответ де Валера был более сдержанным; отдав должное мужеству победителей, он поинтересовался,

> не может ли он (Черчилль) найти в своем сердце милосердия, чтобы признать: есть маленькая нация, которая не год и не два, а несколько столетий выдерживала агрессию, грабежи... ее много раз доводили до почти полного истребления, но всякий раз она поднималась с колен и снова начинала борьбу. Маленькая нация не соглашалась с поражением и не закладывала душу.

Во многих отношениях словесная битва между двумя очень разными людьми олицетворяла растянувшееся на столетия непонимание между соседними островами. Черчилль не замечал горечи ирландцев, измученных долгой борьбой за независимость, а де Валера не понимал, какое оскорбление нанес людям, сражавшимся с нацизмом.

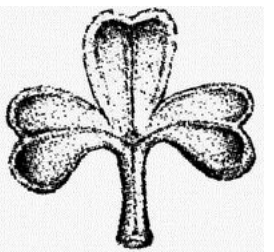
Окончательный раскол

Имон де Валера покинул свой пост в 1948 году: на выборах победила коалиция, состоявшая из «Фине Гэл», лейбористской партии, новой республиканской партии «Клан-на-Поблахта» («Республиканская семья») и партии фермеров.

Удивительно, но эта коалиция во главе с новым премьер-министром Джоном Костелло (1891-1976) в 1949 году окончательно разорвала конституционные связи с Британией. Она объявила Ирландию республикой, не входящей в Британское Содружество наций. Удивительно потому, что «Фине Гэл», в конце концов, была прямой наследницей «Куманн на нГаэдхил», партии, выступавшей за договор с соседями, следовательно, должна была бы одобрять сотрудничество с Британией. Ходили слухи, что Костелло оскорбили — сначала на Даунинг-стрит, когда британский премьер-министр Аттли предложил тост «за короля» (ни словом не упомянув ирландского президента), а затем в Канаде, когда канадский премьер-министр допустил точно такую же «оплошность». Впрочем, сам Костелло всегда отрицал, что на него действуют подобные

уколы. Был и еще один инцидент, когда во время путешествия по Канаде генерал-губернатор, лорд Александер (Тунисский), позволил себе во время беседы с ирландским премьер-министром реплику о «Ревущей Мег» — пушке, защищавшей в 1689 году Лондондерри. По словам Ф. Ч. Лайонса, для ольстерских юнионистов это «почти святыня». Неудивительно, что Костелло взъярился!

На самом деле эти колоритные инциденты не были решающим фактором. Куда важнее оказались неудовлетворительные конституционные отношения между Эйре и Британией, сложившиеся после подписания премьером де Валера закона о внешних связях. Рождение новой республики, которая позднее стала республикой Ирландией, спровоцировало незамедлительный ответ Великобритании.



ГЛАВА 17
К Европе, 1949-1973 годы

Коалиция во главе с «Фине Гэл» вскоре обнаружила себя в центре пропагандистской войны против раздела страны. Поощрял эту пропаганду де Валера, но не отставал и Шон Макбрайд (1904-1988). Лидер «Клан-на-Поблахта» и сын Мод Гонн, возлюбленной Йейтса, Макбрайд исполнял обязанности министра иностранных дел в правительстве Костелло. До войны этот донкихот был начальником штаба ИРА, а потом стал председателем правозащитной организации «Международная амнистия» и получил Нобелевскую и Ленинскую премии мира.

Кризис здравоохранения

Любопытно, однако, что конституционные вопросы отошли в сторону в результате скандала со здравоохранением, из-за которого в 1951 году коалиция Костелло лишилась власти. Главной фигурой скандала был доктор Ноэл Браун (род. 1915), еще один диссидент, в ту пору член партии «Клан-на-Поблахта». Ему отдали портфель министра здравоохранения. Он занялся реформой этой сферы на основе законопроекта, который «Фианна Файл» обсуждала с 1947 года, однако отложила, узнав о недовольстве католической церкви.

Доктор Браун был человеком не робкого десятка, он отбивался от нападок с двух фронтов — от ирландских медиков, недовольных предложением сделать бесплатным дородовой уход в больницах, и от церкви, которой претило предложение о сексуальном образовании и которая считала его вмешательством государства в дела семьи. Церковь, разумеется, была более опасным противником, ее позиция вызывала беспокойство у менее радикально настроенных членов партии «Клан-на-Поблахта». В конце концов лидер партии Макбрайд предложил Брауну уйти.

Покинув партию, Браун опубликовал свою переписку с католическими иерархами. Политики, журналисты и интеллектуалы заволновались. Газета «Айриш тайме» заявила даже, что Ирландией управляет католическая церковь (северные юнионисты давно придерживались такого мнения). Это было очевидное преувеличение, но, как отметил Ф. Ч. Лайонс, дело Брауна подчеркнуло, что «в католической стране чрезвычайно трудно отделить мораль от политики». Ноэл Браун с тяжелым сердцем вступил в «Фианна Файл», а его бывшая партия ненадолго нашла приют под сенью Ирландской лейбористской партии. Борьба Брауна с церковью стала самым громким событием послевоенной ирландской политики. Вскоре коалиция потерпела поражение.

Политические игры 1950-х годов

Ирландская система пропорционального представительства с отзывом голосов была справедливой, но при этом любой партии очень трудно было добиться подавляющего большинства. Так произошло в 1951 году, когда де Валера стал премьер-министром, а его партия «Фианна Файл» оказалась в меньшинстве; при этом требовалось справляться с государственным долгом и инфляцией. В 1954 году де Валера во второй раз проиграл коалиции Костелло. В этом случае разница состояла в том, что представительство «Клан-на-Поблахта» съежилось до двух мест. Этот период совпал с началом войны за передел границ (1956-1962). Костелло вынужден был применить против ИРА жесткие меры, но, когда он попросил помощи у парламента, его старый союзник Шон Макбрайд выразил недоверие «Фине Гэл» и коалиции, и правительство ушло в отставку.

Тем не менее вторая правительственная коалиция 1950-х годов добилась многого, особенно в сфере внешней политики. Нейтралитет военного времени стал нейтралитетом члена блока

неприсоединившихся государств, плюс Ирландия признала вновь образованные африканские и азиатские страны. Ее внешняя политика базировалась на так называемых «трех принципах»: строгое следование Уставу ООН, невступление в соперничающие альянсы, такие как НАТО и Варшавский договор, и поддержка борьбы «христианской цивилизации» против коммунизма. Последние два принципа не слишком сочетались, и на Ирландию оказывалось давление с тем, чтобы страна вступила в НАТО, но она отказалась. Вместо этого республика играла достойную роль в Нью-Йорке на заседаниях Совета НАТО. Отдельные ирландцы, например доктор Коннор Круз О'Брайен (род. 1917), внесли значительный вклад в дело мира.

Экономика

Главным полем боя в Ирландии 1950-х годов была экономика. В начале десятилетия она стагнировала, целиком зависела от сельского хозяйства и была плохо организована. Все изменилось при министре финансов Т. К. Уитейкере (род. 1916). Именно Уитейкер в 1958 году представил доклад, на основе которого был составлен пятилетний экономический план, к 1960 году преобразивший ирландскую экономику. Отличительными чертами плана Уитейкера стали рост отечественного инвестирования, сотрудничество частного сектора с государством и привлечение иностранного капитала. Успех этой стратегии подтверждается тем фактом, что с 1959 по 1968 год объем промышленного производства вырос на 82 процента, экспорт в 1966 году по сравнению с 1953 годом возрос на 88 процентов.

Значительных успехов добились и в жизненно важном аграрном секторе, хотя, как отмечал историк-экономист Л. М. Каллен, «возрождение... более тесно связано с ростом промышленного производства». В целом, несмотря на успехи, результаты разочаровывали, а среди достижений

в этой области — кампания против коровьего туберкулеза, попытки организовать более эффективный сбыт сельскохозяйственной продукции и повышение уровня образования в сельском хозяйстве.

Ирландская торговая политика стала менее протекционистской, однако все еще зависела от рынка Соединенного королевства и поэтому страдала от неопределенности британского отношения к Европейскому экономическому сообществу, созданному в 1957 году. Результаты новой экономической стратегии были, однако, налицо. Перепись 1966 года показала, что население страны увеличилось на 60 000 человек, и, что особенно удивительно, эмиграция стала сокращаться. Не менее впечатляющим выглядел рост рождаемости: оказалось, что Ирландия вошла в число самых молодых стран Европы. Ирландия начала отказываться от традиции поздних браков.

Бесспорно, правительство «Фианна Файл» конца пятидесятых — начала шестидесятых годов было динамичнее своих предшественников в экономической политике, хотя коалиция и предлагала ряд мер по повышению экспорта и снижению безработицы в слаборазвитых реги-

онах.

Новая волна

Экономический рост связан с появлением нового, более энергичного поколения политических лидеров как в «Фианна Файл», так и в «Фине Гэл» и в лейбористской партии. В 1959 году Имон де Валера оставил пост премьер-министра, и его избрали президентом республики. Этот удивительный человек не уходил со своего поста даже после того, как ослеп. В 1975 году он умер, пробыв премьер-министром не менее двадцати одного года. Хитрый, уклончивый, когда нужно, упрямый, «Дев» тем не менее может считаться основателем современной Ирландии.

Ему на смену пришел Шон Лемасс (1899-1969). К тому моменту Лемассу было почти шестьдесят лет, в событиях 1916 года он не участвовал, однако представлял собой фигуру намного более крупную, чем традиционный республиканский активист. Лемасс обладал ярким менеджерским талантом, и под его покровительством начинали свои карьеры сменивший впоследствии Лемасса Джек Линч (род. 1917), будущий президент Патрик Хиллари (род. 1923) и Чарльз Хоги (род. 1925), его зять и будущий премьер-министр.

«Фине Гэл» могла похвастать такими выходцами из рядов партии, как будущие премьер-министры Лиам Косгрейв (род. 1920), сын Уильяма Косгрейва, и Гаррет Фицджеральд (род. 1926). Лейбористы выдвинули из своих рядов Коннора Круза О'Брайена, Брендана Кориша и Дэвида Торнли. Эти люди обозначили границу между партийными лидерами, сформировавшимися за годы борьбы за независимость и гражданской войны, и политиками-управленцами, знающими, как руководить современной экономикой. Несомненно, при Шоне Лемассе более прогрессивная политика «Фианна Файл» способствовала победам этой партии на выборах 1961 и 1965 годов, после чего Лемасс ушел в отставку и передал полномочия Джеку Линчу, чьи политические амбиции подкрепило выступление в молодости за футбольную команду Корка.

Неприятности на севере

Появление в 1970 году ВИРА явилось, вероятно, решающим событием в современной фазе «неприятностей». Этот термин используют для описания стрессовых периодов современной ирландской истории. В начале 1970-х годов насилие нарастало, на передний план вышли «Provos» («Временные»), которые устроили беспорядки в нескольких городах, а британцы, по мнению некоторых комментаторов, ответили чересчур жестко. Осталось в памяти 30 января 1972 года, когда в так называемое «кровавое воскресенье» солдаты десантного полка в Дерри убили тринадцать горожан. Произошло это при обстоятельствах, которые до сих пор вызывают споры. Парадоксально, однако, что в то же время тогдашний министр по делам Северной Ирландии Уильям Уайтлоу вел переговоры с лидерами ВИРА о прекращении огня. «Временные» хотели покончить с британским правлением в Шести графствах и убрать из Ирландии армию короны. Но этот вопрос никогда не стоял на повестке дня британского правительства. Британия временно отстранила Стормонт от работы, а в марте 1972

года ввела прямое правление из Вестминстера.

«ВРЕМЕННЫЕ» В БРИТАНИИ

Взрывы на территории Британии были старой тактикой ИРА — достаточно вспомнить фениев. Одна бомба, взорванная в Лондоне, приравнивалась к дюжине в Белфасте, так как вопрос о республике сразу становится публичным. В 1973 году волна террористических актов началась со взрывов в Скотланд-Ярде, в уголовном суде Олд-Бейли и здании министерства сельского хозяйства в Уайтхолле. Теракты осуществила группа под руководством сестер Прайс (их отец, что неудивительно, состоял в ИРА). Эти теракты превзошли жестокостью «кровавое воскресенье». Взрывы в Бирмингеме и Гилдфорде в 1974 году привели к большому количеству жертв, и в атмосфере антиирландской истерии за эти преступления арестовали немало невинных людей, что позволило «Временным» скрыть за крикливой пропагандой настоящих преступников.

Британское правительство приняло закон о борьбе с терроризмом, одна из статей которого позволяла высылать из Британии жителей Северной Ирландии, заподозренных в симпатиях

к ВИРА. С тех пор сотни невинных ирландских граждан подпали под действие этого закона, а это значит, что настоящими жертвами насилия ВИРА почти всегда являются обычные ирландцы, живущие в Северной Ирландии или на остальной территории Соединенного королевства.

Кампания террора достигла своего апогея в 1975 году. Прежде чем была задержана «банда с Балкум-стрит», инциденты случались почти каждую неделю.

Эксперимент в Саннингдейле

Население Северной Ирландии склонно считать, что террористическим актам в Британии уделяют чересчур большое внимание, в то время как они страдают от терроризма изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Это — справедливая точка зрения, так как в 1972 году только в одной провинции были убиты 400 человек. Эта цифра вынудила британское правительство пересмотреть свою политику.

В результате государственный министр по делам Северной Ирландии Уильям Уайтлоу выдвинул смелую инициативу, получившую название «Саннингдейлского разделения полномочий» (по месту в графстве Беркшире, где состоялось подписание документа). В 1973-1974 годах это соглашение казалось реальным политическим решением проблем Северной Ирландии, ведь премьер-министра, юниониста Брайана Фолкнера, довольно консервативного по своими убеждениям, убедили сотрудничать с католической социал-демократической рабочей партией и разделить полномочия с меньшинством. Увы, но многие коллеги Фолкнера по партии с этим не

согласились и в 1974 году организовали стачку, парализовавшую провинцию. К тому времени в Британии пришло к власти лейбористское правительство во главе с Гарольдом Уилсоном. Оно уступило давлению и отменило «саннингдейлский эксперимент». Есть некоторые основания полагать, что правительство Уилсона слишком быстро утратило самообладание.

Ирландия и Европа

Ирландское правительство давно хотело стать членом ЕЭС, однако было связано экономической зависимостью от Британии, а британское отношение к ЕЭС с 1957 по 1973 год постоянно менялось. Но в 1973 году британский премьер-министр, консерватор Эдвард Хит решил, что Британия должна вступить в сообщество. 2 января 1973 года Великобритания, Ирландия и Дания стали полноправными членами ЕЭС.

В республике имелись люди, в том числе будущий премьер-министр Гаррет Фицджеральд, которые видели в членстве в ЕЭС большой шаг к политическому оздоровлению Ирландии (см. его книгу «К новой Ирландии»). Следует, однако, сказать, что эти мечты оказались иллюзией, пусть даже, как выразился Фицджеральд в недавно опубликованных воспоминаниях, у правительства республики был шанс добиться у Брюсселя для Северной Ирландии контрактов более выгодных, чем могло пролоббировать британское правительство.

Республика, безусловно, выиграла от сельскохозяйственной политики ЕЭС: ирландские

фермеры получили большие субсидии, хотя преуспеяние, принесенное членством в ЕЭС, начало ощущаться только в 1980-х годах. Тем не менее горизонты Ирландии расширились, интерес к вопросу о границах снизился, пускай «Фианна Файл» продолжала считать его своим политическим тотемом. Насколько серьезно обстояло дело, показали 1970-1971 годы, когда два министра правительства, в том числе Чарльз Хоги, зять Лемасса, были обвинены в связях с боевой организацией ИРА (обоих оправдали).

Культура

Полноводный поток ирландской литературы не иссяк и к середине XX века. Заметной фигурой в эру независимости и последующие десятилетия стал Шон О'Кейси (1884-1964). Этот дублинец был самоучкой, активистом профсоюзного движения и членом группы «Армия ирландских граждан», историю которой позже написал. По-настоящему он реализовал себя как драматург, при поддержке леди Грегори написал замечательную трилогию: «Тень стрелка» (1923), «Юнона и павлин» (1924) и «Плуг и звезды» (1926), поставленные в дублинском театре Аббатства в 1920-х годах. Последняя пьеса представляла собой реалистичное описание событий, развенчивающее мифы Пасхального восстания, и вызвала скандал. После того как театр Аббатства отверг другую его пьесу, «Серебряный кубок», О'Кейси покинул Ирландию и переехал в Англию. Только одна из его последних пьес была поставлена в Ирландии. С 1930 по 1954 год он написал шесть томов автобиографии.

Еще одним влиятельным драматургом, последовавшим традиционным ирландским маршрутом в ссылку, был Сэмюел Беккет (1906-1989).

Для него, как и для Джойса, Париж стал вторым домом, поскольку Беккету претил агрессивный национализм Ирландии тридцатых годов. В 1939 году он будто бы сказал родителям, что предпочитает воюющую Францию мирной Ирландии. Свою творческую карьеру он начинал как романист, но после неудачи с «Мерфи» в 1938 году переключился не только с прозы на драму, но и с английского языка на французский. Будучи критично настроенным к тем ирландским писателям, кто подражал Йейтсу, Беккет в таких своих пьесах, как «В ожидании Годо» (1952), придерживался суровой, если не нигилистской простоты. Один критик предположил, что бродяги в этой самой знаменитой его пьесе представляют собой «не имеющий корней англоирландский средний класс», который со времен независимости заблудился на ничьей земле между двух культур. При этом Беккет, современный ирландский драматург, позволял себе такую эксцентричность, как любовь к самой английской игре на свете — крикету!

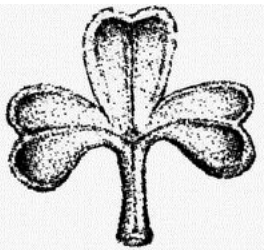
Темой ирландской литературы и драмы 1950-х и 1960-х годов было стремление к идиллической гэльской простоте, смешанной с пониманием безысходности ирландской сельской жизни.

Первое направление представлял Брендан Биэн (1923-1964), дублинский драматург, который в молодости за участие в ИРА провел несколько лет в тюрьме. Поначалу Биэн писал стихи на ирландском языке, имел небольшой успех, но настоящее признание получил после написания пьес «Смертник» (1956) и «Заложник» (1959). В первой пьесе тему невиновности представляет житель Бласкета, отдаленного острова у западного побережья Ирландии. Этот человек оспаривает право государства на смертный приговор. В своих поисках патриархальной гэльской Ирландии драматург Биэн является антитезой пьющего «забияки», Биэна-ублициста, в начале 1960-х годов часто появлявшегося в телевизионных ток-шоу. А по автобиографии мы знакомимся с Биэном-экстравертом. Умер он в сорок лет, не исчерпав огромный потенциал, который видели в нем современники.

Брендан Биэн

Будучи горожанином, о реалиях сельской жизни Биэн знал меньше, чем Патрик Каванах (1905-1967). Каванах написал большую поэму «Великий голод» (1942), где описывается скучная и несчастная жизнь человека на ферме графства Монаган. Но если эту тему ирландские власти еще смогли «переварить», то других, сексуальных, предложенных в романах Эдны О'Брайен (род. 1932), например «Девушка с зелеными глазами», уже не потерпели. В 1960-х и 1970-х годах ее книги были запрещены, и это подчеркивает

напряженные отношения между писателем и почти теократическим ирландским государством. Но даже в таком, порой обескураживающем окружении культурные достижения маленькой Ирландии производят сильное впечатление.



ГЛАВА 18
Современная Ирландия

Политика

На политику современной Ирландии оказали влияние два человека: Чарльз Хоги, лидер «Фианна Файл» до 1992 года, и Гаррет Фицджеральд, лидер «Фине Гэл» до 1987 года. Почти сверстники, оба учились в Дублинском университете, но в остальном не имели ничего общего. Хоги был антрепренером, владельцем скаковых лошадей, создавал оффшоры на экзотических островах и обладал почти сказочной способностью к политическому выживанию. Фицджеральд — директор авиакомпании «Эйр лингус», лектор-экономист, сын министра иностранных дел в правительстве Косгрейва. Он глубоко интересовался европейскими делами, а по-французски говорил лучше урожденного француза. За цельный характер и высокий интеллект он получил прозвище Умница Гаррет, при этом его отношение к социальной политике и северу страны разнилось с мнениями многих соотечественников. Будучи сыном католика из партии «Куманн на нГаэдхил» и матери-протестантки и юнионистки, Фицджеральд понимал тревоги юнионистов, что было редкостью для ирландских политиков.

«Фианна Файл» находилась у власти с 1921 года, однако появившиеся сомнения относительно Чарльза Хоги после суда по делу о незаконном ввозе оружия в 1970 году и серии других скандалов означали, что в 1980-х годах его партии уже не добиться решающего большинства. Скандальные истории случались и в 1981 году, дважды в 1982-м, 1987 и 1989 годах. Хоги пришлось защищаться, и всякий раз ему удавалось выживать, причем он часто использовал откровенно недемократические способы, заставляя депутатов «Фианна Файл» прибегать к открытому голосованию. Мало кто осмеливался бросать вызов Хоги на глазах других членов парламентской партии. Скандал 1992 года заставил Хоги уйти из лидеров «Фианна Файл» и с поста премьер-министра. Коррупционные скандалы достигли кульминации, самые громкие касались Майкла Смурфита, председателя телекоммуникационной ирландской компании.

По контрасту Фицджеральд был всеми уважаемым лидером «Фине Гэл». В 1970-х годах он трудился на посту министра иностранных дел в правительстве Косгрейва, с июня 1981 года по март 1982 года, а затем и с декабря 1982 года по 1987 год был премьер-министром.

Социальная политика

Восьмидесятые годы стали определяющими в сфере социальной политики. На повестке дня стоял вопрос о разводах, которые всегда имели для Ирландии особое значение. Протестантские юнионисты рассматривали запрет разводов в республике как доказательство вмешательства католической церкви в дела территорий к югу от границы. Гаррет Фицджеральд прислушивался к мнению юнионистов, но в то же время ощущал значительные перемены в отношении к этой проблеме в республике. Став премьер-министром, Фицджеральд в 1986 году организовал референдум по вопросу о разводах, болезненно разделивший общество. В результате 63 процента высказались против перемен. Фицджеральд признал, что недооценил силы, приверженные католической церкви.

Гаррет Фицджеральд

Позиция церкви по вопросу разводов была абсолютно ясна: брак не может быть расторгнут, если не имеется убедительных оснований для обратного. Католики могли не волноваться, ибо от конституционных изменений выиграли бы протестанты и те, кто не мог легально добиться развода в республике, а если бы такое изменение произошло, католическая церковь имела право запретить своей пастве развод. Из воспоминаний Фитцджеральда следует, что он тогда думал, будто добился согласия католической церкви на невмешательство в право государства само-

стоятельно решать этот вопрос. Вместо этого с церковной кафедры предложили поправку к конституции, а «Фианна Файл» отказалась от политического нейтралитета. Бывший премьер-министр признавал, что «дебаты произвели на него гнетущее впечатление».

Аборт был не менее трудной темой для ирландских правительств, придерживавшихся противоположных политических убеждений. В начале 1980-х годов развернулась кампания против абортов. Возникла она в связи с замечанием Верховного суда США о том, что Верховный суд Ирландии мог бы признать закон об абортах противоречащим конституции. Такое событие было маловероятно, но ирландское правительство (его тогда возглавлял Чарльз Хоги) почувствовало себя обязанным сделать ответное заявление, хотя католическая церковь сомневалась в необходимости изменения конституции. Была подготовлена поправка, гласившая:

> Ничто в конституции не может быть интерпретировано как ограничение, равно как и умаление со стороны закона на том основании, что он запрещает аборт.

В 1983 году состоялся референдум по поводу

поправки, и, хотя участие в голосовании приняли только 54 процента населения, поправка прошла двумя третями голосов. Следует сказать, что политические лидеры договорились относительно того, что аборт может быть сделан в том случае, если жизнь матери в опасности из-за внематочной беременности или рака матки.

Споры о конституционном запрете абортов еще не закончились, ибо в 1992 году возникло знаменитое дело: тогдашний генеральный прокурор запретил изнасилованной девочке отправиться в Британию и сделать аборт, несмотря на широко известный факт, что ирландские женщины часто ездили в Великобританию с этой целью. Прокурорский запрет вызвал возмущение в Ирландии, и новый премьер-министр Альберт Рейнольде (род. 1932) тут же направил запрос в Верховный суд. Тот постановил: поскольку жизнь девочки находится в опасности (она угрожала покончить жизнь самоубийством, если ей откажут в праве на аборт), запрет прокурора надлежит отменить.

Другой конституционный вопрос возник в связи с положением Ирландии в ЕС. Ибо в ходе дискуссии о прокурорском запрете вспомнили о Римском договоре, согласно которому разрешается свободное перемещение людей в государствах

Содружества. До вмешательства Верховного суда республиканские судебные органы, кажется, полагали, что могут контролировать поведение ирландских граждан внутри другой страны Содружества. Ситуация сложилась нездоровая, не прояснил ее и Верховный суд, постановление которого основывалось не на потенциальном нарушении законов ЕС, а на том, что здоровью матери может угрожать опасность.

В республике имелось еще одно «минное поле»: начались разговоры о продаже контрацептивов и создании советов контроля рождаемости. Закон разрешал продажу контрацептивов вразрез с запретом церкви, но только женатым парам. По этому вопросу снова разгорелся диспут между ирландскими феминистками и традиционно мыслящими католиками.

Феминистки, конечно же, одержали убедительную победу, вместе с профсоюзами и союзниками лейбористской партии. В 1990 году они избрали на пост президента Ирландии Мэри Робинсон. До своего избрания миссис Робинсон была известным юристом и членом сената от лейбористской партии. Никто не верил, что она победит кандидата от «Фианна Файл» Брайана Ленихана. Но Ленихана скомпрометировало втайне от него

записанное интервью, и это помогло миссис Робинсон одержать победу. Впоследствии она уделяла особое внимание часто забываемому политиками вкладу женщин в развитие страны. Президентство не дало ей настоящей политической власти, но позволяло время от времени «гладить против шерсти» премьер-министра Хоги.

И вновь «неприятности» на севере

В начале 1980-х годов в тактике ВИРА произошли заметные изменения. Наряду с возрождением традиций республиканцев стали устраиваться голодовки протеста в тюрьме Лонгкеш в Белфасте. Голодовки якобы отстаивали право узников-«временщиков» на обращение с ними как с военнопленными; вскоре кампания набрала силу, и смерть нескольких молодых забастовщиков произвела сильное впечатление на общество. Самой знаменитой жертвой стал Бобби Сэндс, тайно писавший дневник во время голодовки.

Если голодавшие рассчитывали растрогать британское правительство, они потерпели неудачу, потому что премьер-министр Маргарет Тэтчер наотрез отказалась идти на уступки или брать на себя ответственность за смерти. Голодовки ни в коем случае не означали, что боевики ИРА отказались от насилия. 1979 год отмечен кровавыми терактами: в Уорренпойнте погибли восемнадцать британских солдат, а графа Маунтбеттена вместе с его спутниками убили во время катания на лодках. В 1981 году в Британии вновь начался

террор ИРА, а в 1984 году боевикам едва не удалось покончить с Маргарет Тэтчер: в Брайтоне они подложили бомбу в отель, где миссис Тэтчер остановилась во время съезда консервативной партии.

Англо-ирландское соглашение

Может быть, под влиянием этого покушения Маргарет Тэтчер снова обратилась к ирландскому вопросу. В 1985 году она заключила важное соглашение с Фицджеральдом. Англо-ирландское соглашение предусматривало совместные консультации по таким вопросам, как безопасность, формирование британо-ирландского органа с постоянным количеством членов и размещение его не в Белфасте. Последнее условие разъярило юнионистов: они заявили, что это вмешательство иностранного государства в дела Ольстера. Стороннему человеку трудно понять глубину чувств юнионистов и их ярость, вызванную тем, что соглашение отнюдь не утверждало власть Соединенного королевства в Северной Ирландии.

Кампания против соглашения, развязанная юнионистами и вылившаяся в столкновения с Королевской ольстерской полицией, с треском провалилась. Тем не менее следует отметить, что некоторые политики, например Мэри Робинсон, посчитали необходимым выступить против соглашения из-за того, что британское правительство ранее не удосужилось прокон-

сультироваться с юнионистами.

Словно забыли, что это соглашение содержало важное дополнительное условие: при стабилизации обстановки США и ЕС готовы были вложить в север крупные средства. Увы, соглашение не заставило боевиков ИРА сложить оружие. К 1992 году Гаррет Фицджеральд, инициатор соглашения, мучился сомнениями, не стало ли соглашение ошибкой и не зря ли возлагались надежды на серию инициатив тогдашнего государственного министра по делам Северной Ирландии Питера Брука: ведь многие надеялись, что диалог между юнионистами и СДЛП (Социал-демократическая и лейбористская партия) приведет к политическому урегулированию в Ольстере.

ИНОСТРАННОЕ ВЛИЯНИЕ

В начале 1970-годов ВИРА обращалась к США за деньгами и оружием. Однако поведение боевиков вызвало неприятие у американских политиков, таких как Тед Кеннеди, который поначалу сочувствовал настроениям республиканцев. Тогда боевики стали искать поддержки на Ближнем Востоке и в 1972 году получили значительную помощь от ливийского диктатора полковника

Каддафи. В действиях боевиков тот видел войну против британского империализма. Связи укрепились в 1986 году, когда, после американской бомбежки Триполи с одобрения британцев, разъяренный Каддафи направил боевикам ИРА огромную партию оружия. По крайней мере часть этого оружия направлялась в Ирландию, но французские власти задержали траулер «Эксунд», и боевики ИРА были арестованы. Тем не менее ВИРА сумела получить большое количество современного оружия и пластиковой взрывчатки.

Известно, что боевики ИРА поддерживали контакт с баскскими террористами ЭТА, но это не значит, что они легко и свободно шли на контакты с другими группировками, как иногда предполагают. Как отмечают в своем недавнем исследовании Мали и Бишоп, в итальянских «красных бригадах», а до них в террористах германской группы «Баадер—Майнхоф» боевики ИРА видели «уступчивых нигилистов среднего класса».

РЕСПУБЛИКАНСКИЕ РАЗБОРКИ

История республиканского движения после 1972 года была кровавой не только из-за опера-

ций на Севере, но и из-за междоусобиц в самом движении. Все сосредоточилось на появлении в середине 1970-х годов ИНЛА (Ирландской национальной освободительной армии) и ее политического крыла, ИРСП (Ирландской республиканской социалистической партии) под руководством Бернадетт Девлин Макалиски, бывшего члена английского парламента, заработавшей скандальную славу на том, что в палате общин она дала пощечину тогдашнему министру внутренних дел. Обе партии были «дочерними фирмами» официальной, ныне марксистской ИРА и ее политического крыла «Шинн Фейн». За соперничающими лидерами тянулся шлейф кровавых преступлений, за которые были ответственны их партии еще до перемирия, заключенного в 1977 году. Позднее «официальная» ИРА спонсировала на севере Рабочую партию, которая проповедовала рабочую солидарность и неотделение.

Следует отметить, что параллельно этому насилие вершили партия «Сил обороны Ольстера» (UDA) и ее нелегальное полувоенное крыло, «Добровольческие силы Ольстера» (UVF).

Культура

Культурная жизнь современной Ирландии бьет ключом, причем, возможно, сейчас она является более католической, чем в прошлом. Значительны успехи в сфере популярной и фольклорной музыки, а такие имена, как Ван Моррисон, Боб Гелдоф и Шинед О'Коннор, и группы «Чифтэйнс» и «Кланнад» получили мировую известность. Почему в Ирландии не появилось классических композиторов масштаба Сибелиуса или Малера, как, например, в других маленьких европейских странах, — настоящая загадка, хотя в последнее время инструменталисты наподобие Джеймса Голуэя обрели заслуженное признание.

На литературном небосклоне взошли звезды поэта Шеймуса Хини и драматурга Брайана Фрила. Пьеса Фрила «Переводы» (1981) — удивительная реконструкция «школы на открытом воздухе» эпохи 1830-х годов. Вновь поднятую тему возрождения гэльского языка некоторые поняли как аллегорию попыток современной Ирландии переосмыслить прошлое, не предавая его. Труппа «Филд Дэй» из Дерри привлекла внимание к творчеству Фрила, но, парадоксальным образом,

откровенно политизированная пьеса «Свобода города» (1973) оказалась менее успешной.

Шеймус Хини

В четвертом стихотворном сборнике Шеймуса Хини «Север» (1975) переплетены прошлое и настоящее Ольстера. За свои достижения поэт удостоен Нобелевской премии.

Ирландия пришла к согласию с культурным наследием и в другом важном отношении. Цензура почти не вмешивается в творчество, в 1960-х годах авторские гонорары освободили от налогов. Существует похвальное желание государства привлекать в республику художников и писателей. Создана ирландская академия искусств

«Аосдана», правительство спонсирует 150 творческих личностей. Новую атмосферу отчетливо ощутили в 1987 году, когда Чарльз Хоги сделал Брайана Фрила членом ирландского парламента.

Современная Ирландия

С тех пор как тридцать—сорок лет назад автор книги ребенком впервые посетил Ирландию, республика сильно изменилась. Тогда он видел домики под соломенными крышами, пони с грузом торфа, телеги и лошадей. Во многих отношениях страна казалась изолированной от остального мира. Сейчас это общество, где автомобили, холодильники и телевизоры — вещи обыкновенные. Ирландия заняла достойное место в ЕС. Более важно то, что «ужасающая красота», о которой писал Йейтс, оставившая в 1921 году уродливый шрам, уже не имеет былого значения. На политику республики не влияет граница, и у подросшего молодого поколения другие устремления. Впрочем, многие могут усомниться в том, что это — надолго.

Возможно также, что, поскольку необходимость в «кровавой жертве» исчезла, ирландскую культуру можно оценивать саму по себе, а не как приложение к политике раздела. Вероятно, неслучайно, что после обращения к родным корням при правительстве де Валера в республике снова увеличилось число людей, говорящих

по-гэльски. Перепись 1981 года засвидетельствовала, что каждый человек из трех говорит по-ирландски. В 1961 году это подтверждал один из четырех. В республике существуют многочисленные гэльские литературные премии и музыкальный фестиваль Stogadh, на который каждый год съезжаются 10 000 молодых людей, говорящих на обоих языках. Ирландия — молодая страна: среди европейских стран здесь самый большой процент людей младше 25 лет, и это при том, что большая безработица 1980-х и 1990-х годов оттянула из страны часть молодежи (к 2000 году наметился обратный процесс).

Как обстоят дела на севере в первом десятилетии XXI века? Не следует опрометчиво заявлять, что проблемы вот-вот разрешатся, ведь с 1971 года погибли более 2000 человек — членов ИРА, полицейских, мужчин и женщин. Прирост людей, говорящих по-гэльски в Шести графствах (40 процентов католиков заявляют об этом), можно рассматривать как проявление культурного национализма в противовес доминирующей англосаксонской культуре протестантов. Десятки ночных клубов в Белфасте объясняют свою популярность тем, что в них говорят на родном языке острова, и все же парадокс ирландской

истории сохраняется. Ибо «Литургия» Джона Нокса, сурового пресвитерианина XVI века, впервые напечатанная в 1567 году по-ирландски, и владелец этой книги Иэн Адамсон напомнили соотечественникам-островитянам:

> Те, кто отождествляет гэльский язык с католицизмом и национализмом, забывают важную роль протестантских юнионистов, сохранивших его, когда католики добровольно от него отказались в пользу английского — языка, позволившего им продвинуться по социальной лестнице.

Историки-националисты могут возразить, что дискриминация и власть протестантов давали католикам XVIII века мало выбора, однако аргумент остается. Только когда термины «католик» и «гэл», «протестант» и «англичанин» перестанут быть синонимами, Ирландия придет в согласие с собой.

Современная Ирландия

Иллюзия или мир?

Самым важным событием в Ирландии в последние годы стало решение боевиков ИРА о прекращении насилия в августе 1994 года (лоялисты вскоре последовали этому примеру).

Произошло это после «декларации Даунинг-стрит» 1993 года, когда премьер-министры Джон Мейджер и Альберт Рейнольде ясно дали понять: «Шинн Фейн» может принимать участие в демократическом процессе при условии отказа от насилия.

Надежды на то, что мир продлится, казались оправданными, особенно после чрезвычайно успешного визита президента США Клинтона в Северную Ирландию в ноябре 1995 года. Его приветствовали как католики, так и протестанты. Состоялась и беспрецедентная встреча министра Великобритании Майкла Анкрума с Мартином Макгинессом, вторым человеком в «Шинн Фейн», и губернатором Северной Ирландии Патриком Мэйхью, в ходе которой было предложено создать международную комиссию по роспуску военизированных группировок. Возглавить комиссию должен был сенатор США Джордж Митчелл. Ли-

деры ольстерских юнионистов посетили Белый Дом.

9 февраля 1996 года надежды рухнули: террористы ИРА осуществили взрыв в восточной части Лондона — в Доклендс. Бомба взорвалась возле самого высокого здания бывших доков, башни Кэнари-Уорф. Террористы заявили, что недовольны мирным процессом, а «Шинн Фейн» отказалась сдавать оружие. Еще один взрыв в июне, в Манчестере, потряс торговый центр «Арндейл». Затем нападениям подверглись британские военные базы в Германии и Северной Ирландии. К осени 1996 года возникла реальная опасность того, что лоялисты возвратят провинцию к безнадежной ситуации 1970-х годов. Только соглашение между умеренной католической СДЛП и официальной юнионистской партией оставляло надежду на будущее.

С победой лейбористской партии на выборах в мае 1997 года возникла новая ситуация. Государственный министр по делам Северной Ирландии Мо Моулэм проявила больше здравого смысла, ей даже удалось убедить лоялистов в необходимости перемен. В то же время лидер СДЛП Джон Хьюм вел переговоры с «Шинн Фейн».

СОГЛАШЕНИЕ В СТРАСТНУЮ ПЯТНИЦУ

Развязка пришлась на Страстную пятницу 1998 года. Премьер-министры Тони Блэр и Берти Ахерн объявили о новом англо-ирландском соглашении. В соответствии с этим соглашением в новое законодательное собрание допускались все партии Северной Ирландии. Дэвид Тримбл, лидер большинства ольстерской юнионистской партии, стал первым министром, а Шеймус Мэллон из СДЛП — его заместителем. Судьба собрания и его правления зависела от желания ИРА разоружиться и — таково было главное требование националистов — реформировать протестантскую Королевскую полицию Ольстера.

Оба эти условия представляли проблемы. Республиканцы и националисты были раздражены тем, что не полностью исполнены их требования по реформированию полицейской службы (главным требованием было убрать из названия слово «королевская»). С другой стороны, юнионисты не верили заявлениям ИРА о разоружении, так как не имелось ни одного доказательства того, что какое-либо оружие уничтожено. Указывали и на деятельность фракций — «Истинной» и

«Преемственной» ИРА, ответственных за грубые нарушения порядка в Ома (Тирон), а также за подрыв моста Хаммерсмит в центре Лондона и в районе Илинг. Республиканцы возражали (обоснованно), что со стороны лоялистов и после соглашения не прекращались нападения на католиков.

К лету 2001 года ситуация стала патовой, и Тримбл ушел в отставку из-за того, что вопрос с разоружением так и не разрешился. Юнионисты не приняли дальнейших заверений ИРА о разоружении. Они потребовали своего присутствия при уничтожении оружия, на что боевики пойти не захотели. Все партии (за исключением экстремистов Пэйсли) согласились на участие в законодательном собрании. Но вопросы о разоружении и о полиции оставались нерешенными, и это создавало опасный прецедент. Когда в августе юнионисты отказались принять предложение ИРА о раскрытии оружейных тайников, военный совет ИРА тут же взял свое предложение назад. Единственным успехом стало согласие СДЛП на реформу полиции, а вот «Шинн Фейн» категорически ее отвергла. В октябре ИРА неожиданно объявила, что уничтожает часть оружия. Это заявление подтвердил глава комиссии по

разоружению, генерал де Кастеллан. Ольстерские юнионисты приготовились вновь войти в законодательное собрание.

Этот прорыв наверняка ускорили страшными событиями 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне. Терроризм стал главной мировой проблемой, и американская администрация не желала более мириться с ложными обещаниями боевиков.

Республика

В свете драматических событий на севере политика в Ирландской республике отошла на задний план. После скандала со священником-педофилом правительство Альберта Рейнольдса в 1994 году ушло в отставку. В традиционной для Ирландии манере его сменила так называемая «радужная коалиция», возглавляемая лидером «Фине Гэл» Джоном Броутоном. В коалицию вошли лейбористская партия (ее лидер Дик Спринг впоследствии сыграл главную роль в мирном процессе в Северной Ирландии) и демократические левые. Включение последних было особенно важно, поскольку они вышли из старой официальной «Шинн Фейн» и рабочей партии. Лидер рабочей партии Проинсиас де Росса (старый член ИРА, сидевший в тюрьме) был включен в кабинет Броутона.

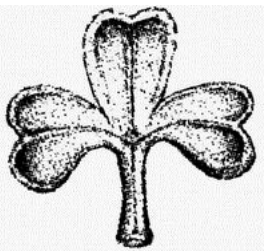
Главной заботой Броутона, что вполне естественно, стали дела на севере, и он воспользовался форумом «За мир и согласие», организованным Рейнольдсом в 1994 году, чтобы встретиться с лидерами Временной «Шинн Фейн», такими как Джерри Адаме. Однако в стране выросло

количество преступлений, особенно связанных с наркобизнесом. Подтверждением тому — жестокое убийство в июне 1996 года журналистки Вероники Герин: ее расстреляли в автомобиле на уличном переходе. Журналистка расследовала преступления наркобаронов. Это убийство стало для Ирландии шоком, и правительство Броутона вынуждено было принимать срочные меры.

Тем не менее Ирландия продолжает играть значительную роль в Европе, ее инвестиции в информационные технологии одобрили такие журналы, как британский «Экономист». Ирландия заявила о себе в поп-культуре победами на европейских песенных состязаниях и феноменальным танцевальным шоу «Ривердэнс».

Самым впечатляющим стал экономический рост республики, достигший к концу 1990-х годов десяти процентов. Средства массовой информации заговорили о «кельтском тигре» и о причинах экономического чуда. Небольшое пятно на ирландском нимбе появилось после референдума 2001 года. На него был вынесен вопрос о расширении ЕС за счет допуска в сообщество бывших коммунистических государств Восточной Европы. К удивлению признанных политических партий, на референдуме восторжествовала точка

зрения ирландцев-шиннфейнеров, борцов за окружающую среду и противников абортов. Они высказались против. Ирландия, считавшаяся до сих пор самым преданным членом ЕС, поставила и свое правительство, и ЕС в неудобное положение. Больше всего удивила апатия электората; впрочем, она отразила упадок интереса к политике у населения Западной Европы в целом. Возможно, повлияла и реакция на суд над бывшим премьер-министром Чарльзом Хоги, обвиненным в коррупции.



Правители и монархи

Знаменитые ирландские короли

Домналл Уи Нейл	(956-980)
Бриан Бору	(975-1014)
Маел Сехнейл (Уи Нейл)	(980-1022)
Муирхертах О'Брайен	(1086-1119)
Рори О'Коннор	(1166-1186)

Английские монархи

Плантагенеты

Генрих II	*1154-1189*
Ричард I	*1189-1199*
Иоанн	*1199-1216*
Генрих III	*1216-1272*
Эдуард I	*1272-1307*
Эдуард II	*1307-1327*
Эдуард III	*1327-1377*
Ричард II	1377- 1399
Генрих IV	*1399-1413*
Генрих V	*1413-1422*
Генрих VI	*1422-1461*
Эдуард IV	*1461-1483*
Эдуард V	*1483*
Ричард III	*1483-1485*

Тюдоры

Генрих VII	*1485-1509*
Генрих VIII	*1509-1547*
Эдуард VI	*1547-1553*
Мария	*1553-1558*
Елизавета I	*1558-1603*

Стюарты

Яков I *1603-1625*
Карл I *1625-1649*

(Британское содружество 1649-1660)
Карл II *1660-1685*
Яков II *1685-1688*
Вильгельм III и Мария II *1689-1702*
Анна *1702-1714*

Ганноверы
Георг I *1714-1727*
Георг II *1727-1760*
Георг III *1760-1820*
Георг IV *1820-1830*
Вильгельм IV *1830-1837*

Саксен-Кобург-Гота
Виктория *1837-1901*
Эдуард VII *1901-1910*

Виндзоры
Георг V *1910-1936*
Эдуард VIII *1936*
Георг VI *1936-1952*
Елизавета II *1952-*

Премьер-министры Свободного государства и республики

ПРЕМЬЕР-МИНИСТРЫ СВОБОДНОГО ГОСУДАРСТВА

У. Т. Косгрейв 1922-1932
Имон де Валера 1932-1937

ПРЕМЬЕР-МИНИСТРЫ РЕСПУБЛИКИ

Имон де Валера 1937-1948
Джон Костелло 1948-1951
Имон де Валера 1951 -1954
Джон Костелло 1954-1957
Имон де Валера 1957-1959
Шон Лемасс 1959-1966
Джек Линч 1966-1973
Лиам Косгрейв 1973-1977
Джек Линч 1977-1979
Чарльз Хоги 1979-1981
Гаррет Фицджеральд 1981-1982
Чарльз Хоги 1982 (март—декабрь)
Гаррет Фицджеральд 1982-1987
Чарльз Хоги 1987-1992
Альберт Рейнольде 1992-1994

Джон Броутон 1994-1997
Берти Ахерн 1997-

Президенты Свободного государства
Дуглас Хайд 1938-1945
Шон Т. О'Келли 1945-1948

Президенты республики
Шон Т. О'Келли 1948-1959
Имон де Валера 1959-1973
Киарвал О'Далайг 1973-1976
Патрик Хиллари 1976-1990
Мэри Робинсон 1990-1997
Мэри Макалис 1997-

Премьер-министры Северной Ирландии
Сэр Джеймс Крейг (впоследствии виконт Крейгавон) 1921- 1940
Дж. М. Эндрюс 1940-1943
Сэр Бэзил Брук (впоследствии виконт Брукборо) 1943-1963
Теренс О'Нейл 1963-1969
Джеймс Чичестер-Кларк 1969-1971
Брайан Фолкнер 1971 -1972

Государственные министры по делам Северной Ирландии
Уильям Уайтлоу 1972-1973

Фрэнсис Пим	1973-1974
Мерлин Рис	1974-1976
Рой Мейсон	1976-1979
Хамфри Аткинс	1979-1981
Джеймс Прайор	1981-1984
Дуглас Херд	1984-1985
Том Кинг	1985-1989
Питер Брук	1989-1992
Сэр Патрик Мэйхью	1992-1997
Мо Моулэм	1997-1999
Питер Мандельсон	1999-2001
Джон Рейд	2001-

Первый министр законодательного собрания Северной Ирландии

Дэвид Тримбл	1998-2001

Хронология главных событий

До н. э., гг.

77-84 Агрикола, римский правитель Британии, планирует вторжение в Ирландию, однако впоследствии отказывается от своего намерения

Н. э., гг.

130-180 Карта Ирландии Птолемея

367 Нападения на Британские острова пиктов, ирландцев и саксов

431 Папа Целестин назначает Палладия епископом в Ирландию

432 Возвращение святого Патрика в Ирландию

563 Святой Колумба основывает монастырь на острове Айона

597 Смерть Колумбы

697 Синод в Бирре

700 Эоганахты в Манстере

704 Смерть Адамнана, девятого аббата Айоны

721-742 Катал Мак Финниан, король Манстера

725 Династия О'Брайенов в Коннахте

734 Отречение Кенела Конайла от власти
743 Претензии рода Кланн Комлайн на власть верховного короля
793 Нашествие викингов на Линдисфарн
795 Нашествие викингов на Айону, Инисмарри, Инисбофин
800 Верховенство Уи Нейлов в Северном Лейнстере
807 Новый монастырь в Келлсе
836 Набеги викингов на Центральную Ирландию
837 Корабли викингов в Лиффи и Бойне
840-841 Зимовка флота викингов у озера Лох-Ней
841 -842 Зимовка викингов в Дублине
842 Первое сообщение о союзе викингов и ирландцев
845 Фораннан, аббат из Армы, взят в плен викингами
846-862 Правление Маела Сехнейла I из рода Уи Нейлов
914 Викинги приплывают в Уотерфорд

919 Гибель Ниала Гландуба из рода У и Нейлов в битве при Дублине

956-980 Домналл Уи Нейл, верховный король из рода Уи Нейлов

975-1014 Правление претендента на трон Тары Бриана Бору в Манстере

980-1022 Маел Сехнейл II, верховный король из рода Уи Нейлов

999 Победа Бору над мятежниками Лейнстера и викингами при Гленн Мама

1014 Битва при Клонтарфе, смерть Бору

1086-1119 Муирхертах О'Брайен, король Манстера (1088—1119), претендент на трон Тары

1101 Синод в Кэшеле, Кэшел — резиденция нового архиепископства

1106-1156 Турлаф О'Коннор, король Коннахта, претендент на титул верховного короля

1111 Синод на острове Брессайл, разделение Ирландии на территориальные архиепископства

1134 Освящение часовни Кормака в Кэшеле

1142 Освящение Меллифонта, первого цистерцианского монастыря в Ирландии

1152 Синод в Меллифонте

1166 Смерть Маклулина, претендента на титул верховного короля; Дермот Макмурро ищет помощи у английского короля Генриха II

1169 Норманнское вторжение возвращает Макмурро на трон короля Лейнстера

1170 Женитьба Стронгбоу на дочери Макмурро Еве

1171 Смерть Дермота Макмурро; Стронгбоу — король Лейнстера; посещение Ирландии Генрихом II

1172 Второй синод в Кэшеле; возвращение Генриха в Англию

1175 Виндзорский договор; Рори О'Коннор, верховный король Ирландии, — вассал Генриха

1176 Смерть Стронгбоу

1177 Принц Иоанн — «король Ирландии»

1185 Первый визит принца Иоанна в Ирландию

1210 Посещение Ирландии королем Иоанном

1235 Завоевание Коннахта Ричардом де Бургом

1260 Битва при Даунпатрике; поражение и смерть Брай-ена О'Нейла

1261 Битва на реке Калан; поражение и смерть Джона Фицтомаса

1263 Передача графства Ольстер Уолтеру де Бургу, лорду Коннахта

1315 Вторжение в Ирландию Эдуарда Брюса

1316 Битва при Атернае; подавление мятежа в Коннахте

1318 Битва при Дезерт О'Ди (ныне Эннис, графство Клэр); поражение Ричарда де Клера и смерть от руки О'Брайена

1333 Убийство Уильяма де Бурга, графа Ольстера; Ольстер под контролем английской короны; подавление мятежей воинственных кланов

1366 Статут Килкенни

1394-1395 Первая поездка Ричарда II в Ирландию

1398 Гибель Роджера Мортимера в сражении против ирландцев Лейнстера

1399 Второй визит Ричарда II в Ирландию с последующим смещением его с английского трона

1414-1447 Соперничество Тэлботов и Батлеров за контроль над Ирландией

1449-1450 Направление Ричарда Йоркского

в Ирландию в качестве наместника короля

1459-1460 Второй визит Ричарда Йоркского

1467-1468 Назначение Типтофта, граф Уорчестера, наместником в Ирландию

1487 Коронация самозванца Ламберта Симнела и провозглашение его Эдуардом VI в соборе Дублина

1494 Закон Пойнинга

1496 Возвращение Килдейра на должность наместника

1513 Смерть Джеральда, восьмого графа Килдейра

1534 Смерть настигает в лондонском Тауэре девятого графа Килдейра

1534-1536 Мятеж в Ирландии, арест и казнь десятого графа Килдейра в Лондоне

1541-1543 Заседание английского парламента, объявляющего Генриха VIII «королем Ирландии»

1557-1558 Создание графств короля (Лэис) и королевы (Оффали)

1561-1564 Война между наместником Сассекса и Шейном О'Нейлом

1567 Поражение и гибель Шейна О'Нейла

1570 Отлучение Елизаветы от церкви

1579 Мятеж Фицджеральда-Десмонда в Манстере

1580 Мятеж против английской короны в Лейнстере

1582-1583 Подавление мятежа в Манстере и Лейнстере

1595 Восстание Хью О'Нейла против английской короны

1598 Победа О'Нейла над правительственными войсками при Желтом броде

1599 Подавление мятежа О'Нейла графом Эссекским

1600 Победа Маунтджоя над Эссексом

1601 Приход в Кинсейл испанских отрядов, поддержка их О'Нейлом; подавление мятежа правительственными войсками

1607 Бегство графов Тирона и Тирконнелла

1609-1610 Правительственные планы колонизации Ольстера

1616 Смерть в Риме Хью О'Нейла

1633-1641 Томас Уэнтворт (позднее граф Страффорд) — наместник короля в Ирландии

1641 Восстание католиков в Ирландии

1646 Победа Оуэна О'Нейла над шотландцами в Бенбербе

1647 Уступка Дублина английскому парламенту

1649 Разграбление Кромвелем Дрогеды и Уэксфорда

1650-1652 Завершение завоевания Кромвелем Ирландии

1654-1655 Кромвелевская колонизация

1660 Король Карл II заявляет, что сохранит кромвелевские поселения

1662 Назначение Ормонда губернатором Ирландии

1681 Казнь Оливера Планкетта, архиепископа Армы

1687 Назначение Ричарда Тэлбота, графа Тирконнелла, наместником в Ирландию; политика выдвижения католиков на государственные должности

1688 Бегство Якова II из Англии

1689 Прибытие Якова в Ирландию; осада Дерри

1690 Высадка Вильгельма III в Ирландии; сражение при Бойне

1691 Победа Вильгельма в Аутриме; договор в Лимерике

1695 Ограничение прав католиков в образовании, ношении оружия и владении ло-

шадьми

1699 Акты, ограничивающие экспорт ирландской шерсти

1704 Законы, ограничивающие права католиков на владение землей и занятие публичных должностей

1713 Джонатан Свифт — настоятель собора Святого Патрика в Дублине

1719 Декларация о веротерпимости в отношении протестантских инакомыслящих

1720 Право Вестминстера на издание законов для Ирландии

1724 Уильям Вуд получает патент на чеканку медной ирландской полупенсовой монеты

1726 Публикация «Путешествий Гулливера» Дж. Свифта

1780 Открытие колоний для ирландских товаров

1782 Требование законодательной независимости, выдвинутое Граттаном и его соратниками

1791 Основание общества «Объединенных ирландцев»

1795 Основание ордена оранжистов

1796 Французской армии Гоша не удается высадиться в бухте Бэнтри

1798 Подавление ирландского восстания в Уэксфорде на Винегар-Хилл; победа Юмбера над британцами в Каслбаре и поражение в Баллинамаке; арест и смерть Вольфа Тоуна

1800 Акт об унии между Британией и Ирландией

1803 Восстание Эммета

1823 Основание католической ассоциации

1828 Избрание Дэниела О'Коннелла в парламент от графства Клер

1829 Акт о католической эмансипации, позволивший католикам заседать в парламенте

1831 Введение начальных школ в Ирландии

1840 Основание католической ассоциации О'Коннелла

1843 Запрет правительства на митинг в Клонтарфе

1845 Начало картофельного голода

1846 Отмена Пил ем зерновых законов

1848 Подавление восстания «Молодой Ирландии» в Баллингарри

1858 Основание Ирландского республиканского братства

1859 Основание в США «Фенианского

братства»

1867 Подавление восстания фениев в Ирландии

1869 Отделение ирландской церкви от государства

1870 Первый земельный закон Гладстона

1873 Образование Лиги гомруля

1877 Избрание Чарльза Стюарта Парнелла президентом Лиги гомруля

1879 Образование Ирландской национальной земельной лиги

1880 Избрание Парнелла председателем парламентской партии за гомруль

1881 Арест Парнелла и заключение в Килмингеймскую тюрьму

1882 Убийство лорда Фредерика Кавендиша «непобедимыми» в Феникс-парке

1884 Основание Гэльской ассоциации

1886 Одобрение кампании за гомруль католической иерархией

1889 Капитан О'Ши называет Парнелла соответчиком в деле о расторжении брака

1890 Отставка Парнелла с поста председателя Лиги

1891 Смерть Парнелла

1893 Основание Гэльской лиги; публикация « Кельтских сумерек» У. Б. Йейтса

1895 Появление комедии Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным»

1900 Избрание Джона Редмонда председателем Ирландской парламентской партии

1903 Йейтс публикует «Кэтлин, дочь Холиэна»

1907 Дж. М. Синг. «Удалой молодец — гордость Запада»

1908 Основание «Шинн Фейн»

1912 Представление третьего билля о гомруле либеральным правительством

1913 Образование Ольстерских добровольческих сил, Ирландской армии граждан и «Ирландских волонтеров»; транспортная стачка в Дублине

1914 Начало Первой мировой войны, откладывание билля о гомруле

1916 Пасхальное восстание в Дублине; сражение при Сомме

1918 Арест республиканских лидеров, последовавший за «германским заговором»; образование Дэйла после победы «Шинн Фейн»

1920 Акт о правительстве Ирландии; «кровавое воскресенье» в Дублине

1921 Англо-ирландский договор; победа юнионистов на выборах в Северной Ирландии

1922 Начало ирландской гражданской войны; смерть Майкла Коллинза; образование Ирландского свободного государства; публикация «Улисса» Джеймса Джойса

1923 Поражение оппозиции; образование «Куманн на нГаэдхил»

1925 Уступка Свободного государства Британии в отношении существующей границы

1926 Де Валера основывает «Фианна Файл»; скандал при постановке пьесы Шона О'Кейси «Плуг и звезды»

1927 Убийство Кевина О'Хиггинса; вхождение в Дэйл депутатов от «Фианна Файл»

1932 Де Валера сменяет Косгрейва на посту премьер-министра ирландского правительства; мятежи безработных в Белфасте

1933 Основание «Фине Гэл»

1937 Конституция Эйре сменяет конституцию Ирландского свободного государства

1938 Соглашение о договорных портах между де Валера и Чемберленом

1939 Террористические акты ИРА в Британии, нападение на правительственный арсенал; ирландская декларация о нейтралитете;

смерть Йейтса

1941 Воздушные бомбардировки Белфаста и Дублина; смерть Джеймса Джойса

1945 Черчилль критикует де Валера в речи по случаю победы

1946 Закон о страховании в Северной Ирландии согласован с британской системой

1947 Введение общего среднего образования в Северной Ирландии

1948 Правительство Костелло объявляет Эйре республикой; введение в Северной Ирландии национальной системы здравоохранения

1949 Британия подтверждает статус Северной Ирландии

1951 Отставка Ноэла Брауна в связи с отклонением плана «Мать и ребенок»

1952 С. Беккет. «В ожидании Годо»

1955 Вхождение Ирландской республики в ООН

1956-1962 Кампания по пересмотру границ на севере Ирландии

1958 Первая «пятилетка» республики

1961 Республике не удается вступить в ЕС

1965 Встречи Лемасса и премьера Северной Ирландии О'Нейла

1967 Основание Ассоциации по гражданским правам Северной Ирландии

1968 Столкновение между Ассоциацией по гражданским правам Северной Ирландии и Королевской полицией Ольстера

1969 Направление британских войск в Северную Ирландию

1970 Отделение ВИРА от традиционной ИРА

1971 Введение внесудебного тюремного заключения в Северной Ирландии

1972 Запрет деятельности Стормонта и введение прямого правления из Вестминстера

1973 Разделение властей в Северной Ирландии по Саннингдейлскому соглашению; вступление республики в ЕС

1974 Рабочая стачка в Ольстере отменяет Саннингдейлское соглашение; теракты ИРА в Британии приводят к принятию закона «О борьбе с терроризмом»

1975 Стихотворный сборник Шеймуса Хини «Север»

1976 Убийство британского посла в Дублине

1979 Убийство графа Маунтбеттена в Слайго; убийство восемнадцати британских сол-

дат в Уорренпойнте, графство Даун

1980 Основание академии искусств «Аосдана»; первое представление пьесы Брайана Фрила «Переводы»

1981 Смерть Бобби Сэндса и других участников голодовок в тюрьме Лонгкеш

1983 Одобрение референдумом запрета на аборты в республике

1984 ИРА не удается убить британского премьер-министра М. Тэтчер в Брайтоне

1985 Подписание Гарретом Фицджеральдом и Маргарет Тэтчер англо-ирландского соглашения

1986 Референдум оправдывает запрет на развод в республике

1987 Взрыв бомбы в городке Эннискиллен — дело рук ВИРА

1990 Мэри Робинсон — первая женщина-президент Ирландии

1992 Чарльз Хоги после серии скандалов вынужден уйти с поста премьер-министра; референдум по вопросу об абортах; республика голосует в пользу Маастрихтского договора; государственный министр Патрик Мэйхью запрещает Ассоциацию защиты Ольстера (UDA)

1993 «Декларация Даунинг-стрит»

1994 Джон Броутон сменяет Альберта Рейнольдса на посту премьер-министра; ВИРА и лоялисты отказываются от насилия

1995 Фейн» с правительством королевства; международная комиссия (комиссия Митчелла); визит президента Клинтона в Северную Ирландию и Ирландскую республику

1996 Прекращение огня Временной ИРА заканчивается взрывом в «Канари-Уорф»; выборы конституционного форума Северной Ирландии; взрывы в Манчестере; убийство ирландской журналистки Вероники Герин

1997 Победа лейбористов на выборах в Британии

1998 Соглашение в Страстную пятницу

1999 Трудности с разоружением ИРА

2001 Поражение правительства республики на европейском референдуме; уход Дэвида Тримбла со своего поста; ИРА соглашается уничтожить часть вооружения

Дополнительная литература

Beresford Ellis P. A History of the Irish Working Class. London, 1985.

Browne N. Against the Tide. Dublin, 1986.

Coogan T. P. The Troubles. London, 1996.

Cullen L. M. An Economic History of Ireland since 1660. London, 1976.

Dillon M. 25 years of Terror. The IRA's War against the British. London, 1994.

Fitzgerald G. All in a Life. An Autobiography. London and Dublin, 1991.

Foster R. Modem Ireland 1600-1972. London, 1988.

Gallagher T. Paddy's Lament. Dublin, 1990.

Harkness D. W. Northern Ireland since 1920. Dublin, 1983.

Jenner M. Ireland through the Ages. London, 1991.

Kee R. Ireland. A History. London, 1980.

Kee R. The Green Flag. London, 1990.

Keogh D. Twentieth Century Ireland. Nation and State. Dublin, 1994.

Lyons F. S.L. Charles Stewart Parnell. London, 1977.

Lyons F. S. L. Ireland since the Famine. London, 1990.

Pakenham T. The Year of Liberty. London, 1969.

Paor L. de. Divided Ulster. London, 1970.

Richter M. Mediaeval Ireland. The Enduring Tradition. London, 1988.

Stewart A. T. Q. The Narrow Ground. Aspects of Ulster. London, 1977.

The Oxford Illustrated History of Ireland / Ed. Foster R. Oxford and New York, 1989.

Ulster: An Illustrated History / Eds. Brady O'Dowd, Brady Walker. London, 1991.

Woodham Smith C. The Great Hunger. London, 1954.

Brady C. (ed.) The History of Ireland (6 cassettes). Hidden Ireland Productions, Dollanstown, Kilcock, Co. Meath.

Историко-географический справочник

РЕСПУБЛИКА

Адэр (Лимерик)

В этом городке имеется несколько средневековых руин и замок эпохи готического возрождения Адэр-Мэнор, построенный в 1832 году. Вход в замок Десмонд и в аббатство XV века, к сожалению, перекрыт полем для гольфа (хотя можно получить разрешение клуба), возле деревенского моста есть аббатство Святого Августина, второе по счету из трех монастырей, построенных в Адэре в 1230 году.

Аранские острова (Голуэй)

Три острова — Инисмор, Инисман и Инишир — находятся в 30 милях от бухты Голуэй. В 1912 году один писатель заметил, будто их обитатели верили, что оттуда недалеко до мифического острова Ги-Брасейл, рая ирландцев-язычников. Население говорит по-гэльски. В 1890-х годах, во времена гэльского возрождения, эти места привлекали внимание писателей (особенно Синга). Здесь имеются древние кольцевые форты и церковь, построенная в VIII веке. Самым значительным доисторическим местом считается

кольцевой форт Дан Ингус на Инисморе. На острове Инисмор снимал свой знаменитый фильм «Человек с Аранских островов» режиссер Роберт Флаэрти (1934). Интересная деталь островной жизни — использование куррахов, легких лодок длиной около 20 футов, деревянный каркас которых раньше обтягивали кожей, а теперь на него натягивают просмоленный брезент.

Ардмор (Уотерфорд)

Город со средневековым собором и круглой башней, стоящей на основании монастыря святого Деклана, построенного в VI веке. Сам собор датируется XII веком, особенный интерес вызывают сделанные на его стенах огамические надписи. На кладбище имеется часовня Святого Деклана. Предполагают, что святой в ней и похоронен.

Арклоу (Уиклоу)

Считался центром рыболовства, судостроения и экспорта медной руды, пиритов и даже золота, которое добывалось в долине. В здешнем морском музее имеется коллекция местных археологических находок, упомянутых на знаменитой карте Птолемея (II век). Через Арклоу переправляли контрабандой оружие во времена мятежа 1798

года.

Атлон (Западный Мит)

Замок XI века выдержал многочисленные осады, особенно в войну 1690-1691 годов между Вильгельмом Оранским и шотландским королем Яковом, высадившимся в Ирландии. Рядом с руинами аббатства стоит красивый особняк XVII века. В музее можно увидеть интересные артефакты железного века из камня и бронзы. К услугам любителей старый граммофон: они могут послушать записи легендарного ирландского тенора Джона Маккормака (1884-1945), который родился в этом городе.

Баллинтаббер

Аббатство (Мэйо) в 1216 году построено Каталом О'Коннором, королем Коннахта, для монахов-августинцев.

Баллимагон (Лонгфорд)

Этот регион вызывает многочисленные ассоциации, связанные с Оливером Голдсмитом, родившимся в Паласе возле Эббишрула.

Банна-Стрэнд (Керри)

В 1917 году здесь был арестован Роджер Кейсмент после высадки из немецкой подводной

лодки. Он укрывался в кольцевом форте. Местное название — «форт Маккены».

Банноу (Уотерфорд)

По общему мнению, был местом первой высадки англо-норманнов в 1169 году (тогда это был остров). Еще одна версия гласит, что крошечный отряд под командованием Роберта Фицстефена высадился на Багинбанн-Хед на полуострове Хук-Хед. Согласно легенде, название произошло от двух норманнских кораблей — Bagg и Bunn.

Банратти

Замок (Клер). Это самый большой из ирландских замков, в нем устраиваются банкеты, воссоздающие средневековые трапезы. Макнамара построил замок на месте бывшего норманнского поселения. На окружающей территории воссоздана деревня XIX века.

Бантри-Бэй (Корк)

Место провалившегося французского вторжения в 1796 году. Город Бантри-Хауз представляет собой элегантный пример образа жизни англо-ирландской аристократии. Музей Бантри — источник информации о местной истории. На берегу стоит статуя, вероятно, святого Брендана Мореплавателя.

Бир (Оффали)

Известен своим замком, родовым гнездом графов Росс. Викторианскую усадьбу стоит посетить. От знаменитого телескопа Росса сохранился только остов. Он был построен третьим графом в 1845 году, до 1920 года это был самый большой телескоп в мире. Его диаметр составлял 72 дюйма.

Бларни (Корк)

Известен своим камнем, якобы дарующим красноречие. Размеры известнякового камня 4х1 фута, высота 83 фута. Посетителей, не боящихся высоты, держат за щиколотки. Они свешиваются вниз головой и целуют камень в надежде «развязать язык». Говорят, что легенда эта пошла от некоего Маккарти, лорда Бларни, настолько очаровавшего Елизавету I, что она пощадила мятежника. Замок построен в 1446 году Дермотом Маккарти, королем Манстера.

Бласкет, острова (Керри)

Сюда ездят знакомиться со старинным деревенским образом жизни ирландцев. Острова вдохновили гэльских писателей (например Мориса О'Салливана, автора романа «Двадцать лет и далее»).

Бойл (Роскоммон)

Здесь есть цистерцианский монастырь. Датируется 1220 годом, основан монахами Меллифонта.

Брюэри (Лимерик)

Дом, где провел свое детство Имон де Валера. Сейчас это маленький музей, в котором находятся семейные реликвии и много вещей, принадлежавших самому де Валера.

Винегар-Хилл (Уэксфорд)

Место поражения мятежников в 1798 году, рядом с Фернсом.

Гленколумкил (Донегал)

Долина Колумкила, или Колумбы. В этой зеленой долине находятся развалины церкви святого Колумбы и камень, на котором, согласно легенде, святой отдыхал и молился после трудов.

Глендалу (Уиклоу)

Название означает «долина двух рек». Место известно своим монастырем. Основан святым Кевином в VI веке. Монастырь стал известен в Европе как центр кельтского учения (несмотря на то, что его дважды грабили викинги). Есть здесь также собор IX века и «Дом священников» XII века. Назван так, потому что здесь хоронили приговоренных к смерти священников. Самой

известной является церковь Святого Кевина: возможно, она датируется VI веком, хотя в XI веке ее и круглую башню перестроили.

Голуэй

В 1484 году Ричард III пожаловал королевскую хартию в награду за лояльность короне: жители не устрашились опасных атак Флаэрти. Эта лояльность вынудила их выдержать долгую осаду Кромвеля в 1652 году. Среди интересных зданий следует отметить коллегиальную церковь Святого Николая, самую большую средневековую церковь Ирландии, датированную 1320 годом, и собор Девы Марии и Святого Николая. Построенный всего тридцать лет назад, собор вызывает смешанные чувства. В городе есть здание университетского колледжа, построенное в 1849 году, и замок Линча, считающийся лучшим средневековым зданием в Ирландии (на протяжении трех столетий Линчи были самым влиятельным семейством в Голуэе).

Дарроу

Замок (1716), первое здание в палладианском стиле, построенное в этом районе. Сейчас монастырь.

Дезерт О'Ди (Клер)

Место важного сражения между де Бургами и О'Брайенами в 1318 году. Это событие помешало англо-норманнскому вторжению в графство Клер. Сохранился фундамент монастыря VIII века, руины средневековой церкви и круглой башни. Замок О'Ди — сейчас музей и археологический центр.

Дингл, полуостров (Керри)

Часовня Галларус — удивительное строение, сохранившееся со времен раннего христианства, датируется IX-XII столетиями. Она чуть старше церкви неподалеку, в Килмалкедейре.

Донегал

Исторический интерес представляют лишь руины замка, датирующегося началом XVII века. Построил его сэр Бэзил Брук, из семьи которого вышел один из премьер-министров Северной Ирландии. На левом берегу реки Эск находятся руины монастыря.

Дрогеда

Город на реке Бойн появился вместе с викингами, а они прибыли сюда в 911 году и основали на обоих берегах поселения. Соединивший их форт дал городу название — Droichead Atha, мост форта. К XIV веку город, окруженный крепостны-

ми стенами, сделался самым важным в стране. Большая его часть сейчас относится к XVIII веку, хотя сохранились и средневековые секции. С холма Миллмаунт, увенчанного башней Мартельо, открывается чудесная панорама города. Музей — один из лучших городских музеев Ирландии. В нем можно увидеть работы башмачников, плотников и ткачей. Прекрасно сохранились ворота Святого Лаврентия. У них две круглые башни и обрамленный портиками вход. Сохранилась и стена. Это самая главная дошедшая до наших дней часть старого города.

На холме напротив Миллмаунта высится башня Магдалины постройки XIV века, часть большого доминиканского монастыря, основанного в 1224 году архиепископом Армы (в 1394 году Ричард II принимал в нем покорившихся ему правителей Ольстера). В центре города, на Уэст-стрит, стоит католическая церковь Святого Петра. В ней находится мрачная реликвия, голова Оливера Планкетта, архиепископа Армы, казненного в Лондоне. Голова выставлена в ящике в левом проходе. В связи с этим церковь сделалась местом современного паломничества.

Само здание датируется лишь 1791 годом. В 1649 году Дрогеда стала местом массового побоища.

Дублин

Площадь Колледж-Грин подчеркивает неизменность топографии Дублина со времен викингов. Они проводили здесь тинги (собрания) и выбрали это место для захоронений. Сначала площадь называлась Хогген-Грин. Тут вплоть до унии был административный центр Ирландии.

Банк Ирландии обращен своим фасадом к Тринити-колледжу. Он появился во времена англо-ирландского господства. В 1729 году предположительно был зданием ирландского парламента. Парламент Граттана заседал здесь в 1782 году. После 1800 года здание продали банку Ирландии за 400 000 фунтов стерлингов. Государство старается сохранять его первоначальный облик. Швейцары в костюмах XVIII века показывают клиентам дорогу.

Тринити-колледж основан в 1591 году Елизаветой I. Королева сыграла большую роль в укреплении англо-ирландских традиций. Перед зданием стоят памятники Берку и Голдсмиту, самым знаменитым его выпускникам. Колледж связан с протестантской традицией, и вплоть до 1966 года католикам приходилось поступать сюда по распределению. В недавнее время это место стало всем знакомо по английскому фильму

«Обучение Риты». Строгие серые здания колледжа выстроились на манер университетов Оксбриджа. Здания часовни и театра спроектированы сэром Уильямом Чамберсом, шотландским архитектором, никогда не бывавшим в Ирландии. За часовней находится здание столовой, спроектированное в 1743 году немцем Рихардом Кассельсом. Колокольня, стоящая посреди площади, сооружена в 1853 году. Возможно, она отмечает место, где прежде находился монастырь. Удивительную цветовую гамму создает красный кирпич студенческого общежития, построенного в 1712 году. Это здание — одно из старейших строений Тринити-колледжа.

Библиотека Тринити-колледжа имеет в своем собрании знаменитую Келлскую книгу VIII века и другие бесценные древние ирландские манускрипты. Возникают сомнения, а не скопирована ли эта книга с другой, ныне утраченной? Она содержит 680 страниц. В пятидесятых годах эти листы были переплетены в 4 тома. Книга богато иллюстрирована миниатюрами и орнаментами. Не менее интересно Евангелие из Дарроу, это первый из великих ирландских иллюстрированных манускриптов, датирующихся 650 или 680 годом. В Тринити-колледже имеются также две

древние ирландские арфы, одна из них считается арфой короля Бриана Бору, хотя почти наверняка относится к более позднему периоду.

Поблизости, на улице Килдейр, есть несколько интересных зданий, в том числе дом Лейнстера, элегантное георгианское здание, спроектированное Кассельсом в 1745 году для герцога Лейнстера. Сейчас там находится ирландский парламент — Дэйл. Слева и справа от него — Национальная библиотека и Национальный музей. В библиотеке имеется отличный выбор первых изданий работ ирландских таких писателей, как Свифт, Голдсмит, Йейтс, Шоу и Джойс, а музей обладает бесценными сокровищами, в том числе ардагским потиром и брошью Тары, то и другое относится к VIII веку. За углом, на улице Мерион, в Национальном музее можно увидеть артефакты викингов, найденные во время раскопок на Вуд-Ки и в других уголках Дублина.

В Сент-Стефен Грин приятные сады с орнаментальным прудом, на южной стороне ранее размещался католический колледж Дублина (теперь он переехал в пригород). Колледж был основан в 1853 году, и в нем учились Падрейк Пирс, де Валера и Джеймс Джойс.

Мерион-скверу сердце георгианского Дубли-

на, был домом известных ирландцев, таких как О'Коннелл, Уайлд и Йейтс. Теперь здесь выставляются дублинские художники. С южной стороны площади — церковь Святого Стефена с колоннами в греческом стиле. Датируется 1825 годом.

На Мерион-стрит, рядом с домом Лейнстера, находится Национальная галерея Ирландии. Здесь экспонируются свыше 2000 картин. Небольшая — по стандартам других европейских галерей — коллекция включает в себя несколько полотен Рембрандта и картины французских импрессионистов, а также работы ирландских художников, например Эдвина Хэйса. На одной из больших картин изображено «Бракосочетание Стронгбоу и Евы». Это работа ирландского художника XIX века Дэниела Маклиза. Коллекция Национальной галереи не охватывает современный период, для этого придется посетить Муниципальную художественную галерею на Парнелл-сквер.

Дублинский замок находится к западу от Банка Ирландии и ратуши на Дэйм-стрит. Внутри — смешение архитектурных стилей: церковь в фантастически готическом стиле контрастирует с красным кирпичом самого замка. Термин «замок» вводит в заблуждение, потому что, хотя первоначальное здание датируется 1207 годом,

к тому периоду относится только Круглая башня (из четырех англо-норманнских каменных башен), все остальное — работа XVIII века. Здание, конечно же, многие века являлось символом британского присутствия в Ирландии, а в 1990 году стало играть новую роль, когда на некоторое время стало домом Европейского парламента.

Если двигаться вниз по течению реки Лиффи, можно увидеть раскопки на набережной Вуд-Ки. Тут были найдены следы пребывания викингов и норманнов.

Неподалеку стоит собор Святого Патрика (главное здание ирландской церкви). Он полон воспоминаний о Джонатане Свифте. Вы увидите его рабочий стол и стулья, посмертную маску. Памятники ему и Эстер Джонсон, которую он увековечил в своих произведениях как Стеллу, находятся возле крыльца. Неподалеку «больница Свифта» — одна из первых психиатрических больниц в мире. Есть и памятник семейству Бойля, вырастившему знаменитого сына — ученого Роберта Бойля.

Собор Христа находится в другом конце Патрик-стрит. Это — еще одно здание ирландской церкви. На этом месте сначала стоял первый дублинский деревянный собор, построенный в

1038 году по воле викинга, христианина Ситрика Шелкобородого (первого норвежского короля Дублина). Стронгбоу собор разрушил, а в 1172 году поставил каменный собор, и его самого там похоронили.

По северному берегу Лиффи проложена О'Коннелл-стрит, по слухам, одна из самых широких (и дорогих) улиц в Европе. Сама она не представляет большого исторического интереса, правда, на ее перекрестке с улицей Генри стоит здание почтамта. Здесь Падрейк Пирс в 1916 году в понедельник пасхальной недели поднял республиканский флаг. Хотя прежнее здание было разрушено, его восстановили и снова открыли в 1929 году. В начале О'Коннелл-стрит стоит памятник Парнеллу, судьба его сложилась лучше, чем памятника Нельсону. Тот был установлен против почтамта, но в 1966 году взорван боевиками ИРА.

Феникс-парк располагается в западной стороне Дублина. Его название произошло от искаженных гэльских слов fionn uisce (чистая вода). Начинался парк как часть церковных земель, конфискованных после Реформации и превращенных в королевский парк. Здесь находится дворец наместника короля, построенный в 1817 году в знак уважения к герцогу Веллингтону,

родившемуся в Дублине. Сейчас это официальная резиденция президента Ирландии. В парке имеется дублинский зоопарк и старые дуэльные площадки (теперь здесь играют в гэльский футбол и другие спортивные игры). Каждое воскресенье здесь устраивают блошиный рынок.

Еще одна достопримечательность — здание таможни, стоящее на набережной Лиффи, к западу от О'Коннелл-стрит. Это длинное элегантное здание с портиком и куполом. Оно сгорело в 1921 году во время столкновений ИРА с британцами, но было восстановлено. Спроектировано здание в георгианском стиле знаменитым архитектором Джеймсом Гэндоном. Построено оно здесь, потому что большой камень выше по течению Лиффи мешал кораблям подходить к старому зданию таможни.

Инисоуэн, полуостров (Донегал)

Примечателен древним фортом, хотя и сильно переделанным. Это кольцевой каменный форт, сложенный без раствора. Имеются здесь и древние христианские кресты (Мура, Карроумор и Кулей).

Йофал (Корк)

Небольшой порт и морской курорт с интерес-

ной историей норманнского поселения, однако теперешние его стены принадлежат эпохе Эдуарда I. На главной улице в 1710 году построен Красный дом, в городе есть несколько домов призрения XVII века. В Коллегиальной церкви Святой Марии (XIII век) имеется несколько интересных памятников той поры. Наибольший интерес вызывает георгианская колокольня.

Каван

Место захоронения знаменитого ирландского солдата времен конфедеративных войн Оуэна О'Нейла. Только круглая башня напоминает о том, что здесь находилось бывшее аббатство, главное место древней истории города.

Карлоу

В этом городе есть англо-норманнская крепость. В 1798 году в ней убили сотни мятежников. До нашего времени дошло мало норманнских строений. В основном мы видим руины. Есть здание суда с портиком, смоделированным по образцу афинского Парфенона. Музей в здании ратуши знакомит с местной историей.

Каррик-он-Шеннон (Лейтрим)

Здесь есть часовня Костелло, правда, она датируется всего лишь 1877 годом. Тех, кто ин-

тересуется историей, графство Лейтрим — увы — разочарует. В городе есть георгианское здание, в котором имеется одна из двух сохранившихся 150-летних ирландских арф.

Каслбар (Мэйо)

В историческом смысле представляет мало интереса, несмотря на то что в 1798 году после вторжения Юмбера здесь потерпели поражение французы.

Келлс (Мит)

Еще одно историческое место с часовней XI века, круглой башней и прямоугольной колокольней. Самый знаменитый артефакт отсюда — Келлская книга, хранящаяся в библиотеке Тринити-колледж. Монастырь был основан в VI веке святым Колумбой, а круглая башня датируется 1076 годом. В этот год здесь убили претендента на титул верховного короля.

Килдейр (Килдейр)

Сейчас город больше всего известен как место скачек (здесь находится ипподром Курраж), однако Килдейр представляет и исторический интерес. Над городом возвышается собор XIII века, названный в честь святой Бригитты, основавшей монастырь в 490 году. В 1875 году

монастырь реконструировали в средневековом стиле. Он известен необычной входной дверью и парапетной стенкой с бойницами.

Килкенни (Килкенни)

Небесспорно считается самым красивым средневековым городом Ирландии. Доминантное положение занимает замок, заложенный Стронгбоу. Сохранились фрагменты первоначального средневекового строения. Здесь с 1642 по 1648 год заседал Конфедеративный парламент, однако реставрация XIX века придает замку викторианский вид. В замке есть богато декорированная картинная галерея и галерея Батлера, представляющая современное искусство. Собор Святого Каниса постройки XIII века вызывает чрезвычайный интерес. В нем имеется отличная коллекция памятников XVI века, портреты семейства Батлеров (графы Ормонд). Есть в городе и несколько других средневековых церквей, в том числе Черное аббатство (датируется 1225 годом), а также небольшой монастырь Святого Иоанна и аббатство Святого Франциска.

Килларни (Керри)

Чрезвычайно коммерциализирован и не представляет большого исторического интереса,

кроме собора Святой Марии. Его называют «ирландским шедевром Пьюджина». Нет свидетельства о том, что до XVII века на этой территории были поселения.

Киллибергс (Донегал)

Известен главным образом своей рыбалкой, однако следует обратить внимание на могильный камень Максуини, украшенный кельтской резьбой. Три испанских галеаса из обреченной испанской армады вытащили на берег в 1588 году.

Килликин, парк (Каван)

Известен круглой башней постройки XIII века.

Кинсейл (Корк)

В этом месте англичане в 1601 году разбили объединенные силы испанцев и О'Нейла. Город стал важной британской морской базой (1700-1900), а в городской башне постройки XVI века во время наполеоновских войн держали французских пленников. Главное, чем может гордиться городской музей: именно здесь выясняли причины гибели затонувшего в 1915 году пассажирского судна «Лузитания». В музее, кроме того, имеются королевские хартии и карты. У входа в гавань можно увидеть хорошо сохранившийся форт

Чарльз, служивший городу с 1677 по 1922 год.

Клонмакнойс (Оффали)

Знаменитый кельтский монастырь. Расположен в отдаленном уголке на западе графства, возле Шеннонбриджа. Основан в VI веке святым Киараном. Поначалу добраться до него можно было только на лодке. Несмотря на то что англичане в 1552 году его разграбили, он по-прежнему представляет большой исторический интерес. Здесь есть 8 церквей, собор, две круглые башни, высокие кресты и кольцевой форт XIII века. Клонмакнойс — не только монашеское поселение. Это был королевский город, здесь похоронены короли Коннахта и Тары (в 1198 году здесь похоронен Рори О'Коннор). Собор датируется 904 годом, южный крест — IX веком, а круглая башня О'Рурка создана по завершении строительства собора, стало быть, тоже X века.

Клонмел (Типеррери)

Самый значительный город Типеррери, хотя его исторические здания относятся всего лишь к XVIII и XIX веку, среди них католическая церковь Святой Марии (XIX век) и здание королевского суда (XVIII век).

Коблуни (Слайго)

Здесь стоит памятник Тилингу. Монумент увековечил один из самых колоритных эпизодов восстания 1798 года. Тилинг, ирландец по происхождению, служил офицером во французской армии Юмбера. Поскольку, в отличие от Юмбера и его офицеров, он был ирландцем, его повесили как предателя.

Корк

Второй по величине республиканский город. Название произошло от одного из островов на реке Ли (Corcaigh означает «болотистое место»). В 600 году святой Финбарр основал здесь монастырь. Викингам так понравилось это место, что в 917 году они здесь поселились, а в 1172 году город захватили норманны. В центре города можно обнаружить фрагменты средневековой архитектуры, но самые впечатляющие общественные здания относятся к XVIII и XIX векам. Среди них здание Масляной биржи (XIX век) и собор Святой Анны Шендонской (XVIII век). На набережной Монаха Мэтью можно увидеть работу знаменитого британского архитектора Пьюджина — церковь Святых Петра и Павла. Есть и другие интересные церкви, построенные в готическом стиле. Музей Корка, возможно, немного разочарует, поскольку главным образом он сосредоточен на истории

республиканского движения.

Кроу Патрик (Мэйо)

Предположительно святой Патрик постился здесь в 441 году. Гора — место паломничества католиков, они взбираются на нее босиком.

Кэйр (Типеррери)

Замок датируется XIII веком, хотя большая часть каменной кладки выполнена позднее. Батлеры, графы Ормонд, сделали его самой мощной цитаделью Ирландии. Крепость явно средневековая, с башнями и тюрьмой, в которую можно попасть только через люк.

Кэшел (Типеррери)

Внушительная скала — известняковое образование. По легенде, дьявол, пролетая по небу, увидел внизу святого Патрика и уронил скалу. В этих местах можно увидеть незабываемое собрание средневековых зданий, дошедших до наших дней в очень хорошем состоянии. Среди них — часовня Кормака, датированная XII веком, самая красивая из ирландских романских церквей. Говорят, в ней похоронен сам Кормак. В архитектурном стиле чувствуется континентальное влияние: прямоугольные башни — необычная черта для ирландских церквей этого периода.

В стоящем рядом доме викария имеется подлинный крест святого Патрика, стоявший ранее снаружи. Сохранился фундамент XIII века — без проходов, как это принято в ирландских церквях. Стоит осмотреть и Круглую башню, возможно, построенную в X веке.

Лимерик (Лимерик)

Исторических реликвий здесь мало, несмотря на статус третьего по величине города Ирландии. Договор 1691 года, покончивший с войной, увековечен камнем на мосту Томонд. На нем, по легенде, и был подписан лимерикский договор. В прошлом этот камень служил ступенькой, с которой садились на лошадь. Есть здесь и собор Святой Марии, построенный в XII веке, хотя до наших дней дошла небольшая часть оригинала. По контрасту, замок короля Иоанна сохранил многое от первоначальной кладки XIII века.

Лисмор (Уотерфорд)

Называют «жемчужиной церковной истории». Основание монастыря датируется VII веком, хотя на месте прежнего средневекового собора сейчас стоит церковь Святого Картажа (он и основал монастырское поселение), построенная в 1633 году. Здание замка — копия тюдоровского — относится

к XIX веку. На месте средневекового форта раскинулся тенистый парк.

Лох Маек (Мэйо)

Дом на берегу этого озера дал английскому языку слово «бойкот». Принадлежал он отставному капитану Бойкотту, который так плохо обращался с арендаторами, что Парнелл посоветовал им «оставить его одного», то есть бойкотировать.

Макрос, аббатство (Керри)

За его постройку в XV веке заплатил Маккарти Мор. Руины хорошо сохранились (францисканское аббатство разрушили во время Реформации).

Маллингар (Западный Мит)

Здесь есть два хороших музея — Маркет-Холл и Церковный музей (в нем есть предметы, принадлежавшие Оливеру Планкетту). Собор в стиле неоклассицизма не представляет большого интереса.

Мейнут (Килдейр)

Здесь находится католическая семинария Святого Патрика (XIX век), но можно взглянуть и на руины замка Мейнут, одну из двух цитаделей Фицджеральдов. Карлтон-хаус, построенный

Ричардом Каслом, находится на другом конце главной улицы. Его называют «георгианской жемчужиной». Каслтаун-хаус, спроектированный итальянцем Галилеем в 1722 году для спикера ирландского парламента, также стоит посетить, особенно впечатляет длинная галерея.

Меллифонт (Лаут)

Был первым цистерцианским монастырем в Ирландии. Своему появлению он обязан святому Малахии. Хотя при Генрихе VIII его притесняли, как и другие ирландские монастыри, сохранившаяся каменная кладка дает некоторое представление о величии монастыря в те четыре столетия, когда он был одним из великих монастырских строений. После монастырь пришел в запустение, в XIX веке в нем даже устроили свинарник. Невысокая кладка на земле — план, помогающий посетителям отличить первоначальную форму монастыря от руин.

Монастербойс (Лаут)

К северу от Меллифонта, среди руин, стоят два красивейших высоких креста X века. Здесь же и лучший пример круглой башни высотой 110 футов. Можно посмотреть на руины двух церквей XIII века.

Монаган (Монаган)

Продукт якобитской колонизации. На площади Старого Креста стоит крест шотландских поселенцев XVII века. На Церковной площади вы увидите готическую церковь и несколько других зданий постройки XIX века, а на Маркет-стрит — здание рынка, построенное в конце XVIII века. Музей графства Монаган обладает богатой коллекцией археологических находок, в том числе крестом из Клогера начала XV века. В графстве много мест, имеющих отношение к бронзовому веку, есть и захоронения, относящиеся ко временам мегалита.

Мострим, или Эджуортстаун (Лонгфорд)

Родной город Марии Эджуорт, автора «Замка Рэкрент». Склеп ее семьи можно увидеть на кладбище церкви Святого Иоанна. Там же находится могила сестры Оскара Уайльда Изолы.

Мохилл (Лейтрим)

Особенно интересует американских туристов, потому что уроженец города композитор Турлох О'Каролан сочинил мелодию песни «Звездно-полосатый стяг».

Ньюгрендж (Мит)

Рядом с местом сражения при Бойне находится

сооружение, известное как Бруг-на-Бойне. Здесь около сорока доисторических курганов, самыми важными из которых являются Доут, Ноут и Ньюгрендж. Над могилами насыпаны высокие круглые холмы, считается, что они старше египетских пирамид.

Огрим (Западный Мит)

Место важного сражения 1691 года; в маленьком музее имеются связанные с ним артефакты.

Олдгрендж (Мит)

Возможно, приезжие удивятся, узнав, что место сражения при Бойне 1690 года находится на юге. Битва происходила в Олд-гренджe, в 5 милях от Дрогеды. По тропинке можно пройти к точке обзора и посмотреть, где стояли войска Вильгельма III.

Онанэйр, замок (Голуэй)

С XVI века был цитаделью О'Флаэрти. Восстановлен после расхищений.

Портарлингтон (Лейос)

Хотя город был построен в 1667 году графом Голуэя, заселили его ссыльные французские гугеноты. Местная церковь Святого Михаила до сих пор называется «французской церковью», и неко-

торые надписи в ней сделаны по-французски.

Портлаос (Лейос)

Основан О'Морами в 1547 году. Он скоро превратился в первую английскую колонию. В 1556 году его переименовали в Мэриборо (в честь Марии Тюдор). В самом городе нет ничего примечательного, но снаружи есть утес Дунэмэс. О'Моры использовали его как форт. Здесь есть руины замка XII века. Король Лейнстера Дермот Макмурро включил его в приданое своей дочери Евы, когда та выходила замуж на Стронгбоу.

Роскоммон (Роскоммон)

Две средневековые руины. Замок построили в 1269 году, затем ирландцы сожгли его и перестроили в 1280 году, доминиканское аббатство также датируется XIII веком.

Росс, замок (Керри)

Последнее место в Манстере, сдавшееся Оливеру Кромвелю в 1652 году.

Слайго (Слайго)

Имеются руины доминиканского аббатства. Религиозная жизнь там окончилась в 1641 году. В муниципальной художественной галерее выставлены картины Джека Йейтса, а его брат,

поэт Йейтс, увековечен в мемориальном музее. По соседству находится построенный в XIX веке особняк Лайссэдэлл, имевший отношение к поэту. Особняком владело семейство Гор-Бут, самым знаменитым членом которого была Констанция Гор-Бут Маркевич.

Слейн (Мит)

Представляет значительный исторический интерес. Здесь есть музей транспорта и замок — резиденция семейства Конингэм (бывшая маркиза, по слухам, была любовницей Георга IV). На холме Слейн будто бы в 433 году святой Патрик зажег пасхальный огонь, отметив тем самым приход в Ирландию христианства. На вершине холма находится разрушенная церковь мужского монастыря. Ее датируют 1512 годом. Предполагают, что на церковном кладбище похоронен святой Эрик, епископ Слейна и лучший друг святого Патрика.

Стрэйд (Мэйо)

Имеется музей Майкла Дэвитта. Экспонаты музея связаны с этой заметной фигурой ирландского национализма.

Талламор (Оффали)

Может гордиться двумя достопримечательно-

стями: ликером «Айриш мист», основу которого составляет виски, и георгианским готическим особняком, построенным в 1779 году по проекту Фрэнсиса Джонстона. Поместье — настоящий готический особняк в духе Мэри Шелли, с башнями и стенами, обвитыми лозой. В четырех милях к северу находится аббатство Дарроу, основанное святым Колумбой. В нем была написана и проиллюстрирована «Книга Дарроу» (ныне в библиотеке Тринити-колледжа).

Таллинали, замок (Западный Мит)

Резиденция графов Лонгфорд. Здесь жили десять поколений этого рода. Парк создан первым графом в 1760 году. На месте стоявшего здесь дворца II века мало что осталось.

Тара (Мит)

Холм, на котором короновали верховных королей Ирландии. На склоне холма можно видеть средневековый пиршественный зал. Форт «Место Синодов» имеет три насыпи, на которых святые Патрик и Брендан проводили церковные синоды.

Типеррери (Типеррери)

Здесь есть музей с реликвиями ирландской гражданской войны 1920-х годов. По большей

части они военные, но есть и скрипка, принадлежавшая Джозефу Планкетту, поэту, казненному во время Пасхального восстания 1916 года.

Томастаун (Килкенни)

Здесь находятся руины средневековых стен, замок и церковь XIII века.

Тори, остров (Донегал)

Остров обладает реликвиями времен Колумбы, в том числе крестом Тау, предположительно египетского происхождения (один из двух, дошедших до нашего времени). Есть также руины круглой башни.

Трали (Керри)

Историческое разочарование. Впрочем, табличка на местной спортивной площадке увековечила подвиг на футбольном поле деда вашего покорного слуги. Есть также руины замка Десмонда.

Трим (Мит)

Обладает самым большим англо-норманнским замком в Ирландии, хотя внушительное строение XIII века и не является первым. То здание в 1172 году построил Хью де Лэйси, а ирландцы из Коннахта в 1173 году его разрушили.

Уиклоу (Уиклоу)

Представляет мало интереса, за исключением руин Черного замка, одного из фортификационных сооружений, построенных Фицджеральдами в обмен за земли, пожалованные Стронгбоу после англо-норманнского вторжения 1169 года.

Уотерфорд (Уотерфорд)

Порт, довольно мрачный на вид, весьма интересен. Здесь есть два собора, их построил уроженец Уотерфорда Джон Роберте. Церковь Христа — протестантский собор, построен в 1779 году, после случившегося в 1815 году пожара частично реставрирован в 1818 году. Католический собор Святой Троицы строился в 1793-1796 годах.

В Уотерфорде сохранились следы пребывания викингов, в том числе башня Реджинальд-Тауэр (там состоялось бракосочетание Стронгбоу и Евы). До наших дней дошла часть городских стен и две каменные арки, внутри которых устроен гриль-бар. Хорошо сохранившиеся башни бывшей норманнской стены можно увидеть на Рэйлвей-сквер, Касл-стрит и Дженкинс-лейн. За Уотерфордом сохранилась репутация сурового города: во времена викингов задолжавшим арендаторам отрезали носы. Кромвель в 1649 году похвалялся, что захватит Уотерфорд не мытьем, так катаньем, однако это ему не удалось.

Единственный из крупных ирландских городов, Уотерфорд устоял. Город славится производством стекла.

Уэксфорд (Уэксфорд)

У города длинная история, но, к сожалению, напоминаний о ней слишком мало. Трудно отыскать место кровавого побоища Кромвеля 1649 года. Благодаря памятнику, здесь больше обращают внимание на восстание 1798 года. Уэстгейт (1300) — единственные уцелевшие из пяти ворот средневекового города. Неподалеку руины аббатства, где, по слухам, Генрих II постился и просил прощения за убийство Томаса Бекета.

Уэстпорт (Мэйо)

Весьма интересен с исторической точки зрения. Построен в основном в георгианском стиле. Восьмиугольная георгианская площадь была некогда важным центром производства льна и одежды. Среди достопримечательностей — Уэстпорт-хаус, датируемый 1730 годом. Среди прочего в нем есть картина Рубенса и скрипка, некогда принадлежавшая Сингу. Здесь проживали Браунсы, маркизы Слайго.

Фернс (Уэксфорд)

Представляет исторический интерес: на цер-

ковном кладбище есть руины аббатства VI века и замка XIII века.

Фокарт (Лаут)

Расположен к северу от Дандолка, считается местом рождения святой Бригитты. На местном церковном кладбище можно увидеть ее колодец и могилу Эдуарда Брюса, убитого после сражения при Фокарте в 1318 году. Согласно легенде, он был обезглавлен на соседнем камне.

Эннис (Клер)

Мужской монастырь в центре города в 1242 году основали короли рода О'Брайен из Томонда. Эннис сыграл значительную роль в истории современного ирландского национализма, а памятник Дэниелу О'Коннеллу и площадь, названная в честь «Освободителя», напоминают о знаменитых дополнительных выборах 1828 года. В 1917-1959 годах де Валера был членом парламента от Энниса, и его связь с городом отмечена в музее библиотекой де Валера.

СЕВЕРНАЯ ИРЛАНДИЯ

Арма (Арма)

Названа в честь кельтской королевы Махи, это — старая метрополия и католической, и ирландской церквей. Здесь можно увидеть красивую георгианскую архитектуру. В музее графства выставлены обычные местные артефакты, работает маленькая художественная галерея. Ирландская церковь Святого Патрика стоит на том же месте, что и первая церковь святого. Архитектура представляет собой смесь стилей XIII и XIX веков. Возле деревянного крыльца можно увидеть фрагменты кельтского креста XI века. Поблизости здание капитула и библиотека собора. Католический собор Святого Патрика более поздней постройки, это большое, внушительное готическое здание XIX века, резиденция архиепископа, исторического главы католической церкви Ирландии. Аббатство Арма стоит на францисканском фундаменте 1263 года, от прежней церкви аббатства остались только руины.

Белфаст

Начал свою историю с охраны брода через реку

Фарсет (теперь она течет под Хай-стрит). Хотя в 1177 году здесь был построен норманнский замок, к XIII веку территория вновь была захвачена О'Нейлами из Кландебоя. Только в конце XVII века город стал по-настоящему развиваться, частично с помощью французских гугенотов, бежавших от преследования Людовика XIV. В 1888 году королева Виктория пожаловала Белфасту хартию. Помимо постоянных «беспорядков», Белфаст может предложить еще много интересного. Здесь было образовано «Общество объединенных ирландцев», а Шеридан основал школу комедии. В конце Хай-стрит можно увидеть мемориал принца Альберта (1860 г.). На пересечении Донегал- и Йорк-стрит стоит протестантский собор Святой Анны. Построен он в 1899 году в неороманском стиле. В соборе упокоился великий юнионист, противник гомруля Эдуард Карсон. Обращает на себя внимание западная дверь собора, но в остальном здание разочаровывает. Его считают мавзолеем Карсона.

Королевский университет, спроектированный Чарльзом Лэнионом, построен в 1849 году. Здание окружено красивой георгианской террасой. Музей Ольстера находится в близлежащем ботаническом саду. Среди множества других экс-

понатов в музее имеются предметы старинного ирландского ювелирного искусства и археологические находки. Специальный отдел отведен сокровищам, отнятым у незадачливых представителей испанской Армады, переживших катастрофу у ирландского побережья. В городской ратуше, построенной перед Первой мировой войной, есть «шепчущая галерея» и купол, созданные по образцу собора Святого Павла. Производит впечатление и мраморный вестибюль со статуей королевы Виктории. Фреска работы пятидесятых годов на лестничной площадке посвящена ныне почти утраченным отраслям промышленности Белфаста — ткачеству, плетению веревок и судостроению.

В южной части города сильное впечатление производит мегалитическое образование, которое называют «кольцом гигантов». Некоторые полагают, что оно превосходит руины на холме Тара. В Белфасте есть замок, правда, датируется он всего лишь 1870 годом и, по всей видимости, построен в подражание королевской резиденции в шотландском замке Балморал. Замок Стормонт — внушительное здание в четырех милях от Белфаста, до 1972 года был резиденцией юнионистов Северной Ирландии.

Белый остров (Ферманах)

На стенах ныне разрушенного аббатства можно увидеть удивительную раннехристианскую резьбу (по крайней мере одно изображение основано на языческом символе плодовитости).

Бонамарги, мужской монастырь (Антрим)

Находится на главной дороге между Баллика-слом и Кушенденом. Основан местным кланом Маккиллан в 1500 году. Сейчас это руины. Там находятся могилы первых двух графов Антрима.

Грей Эбби, аббатство (Даун)

Жена Джона де Курси построила его в 1193 году для цистерцианцев. Сохранились значительные фрагменты.

Дангивен, аббатство (Лондондерри)

Датируется 1100 годом. В церкви находится, по мнению многих, самое красивое средневековое надгробие в Северной Ирландии (под ним — могила клана О'Кейнов).

Даунпатрик (Даун)

Судя по названию, город связан со святым. Центр «Наследие» рассказывает историю святого Патрика с подробностями, почерпнутыми из его «Исповеди». Вполне вероятно, что святой похоро-

нен в этом городе, хотя где именно, неизвестно. Здесь есть собор, построенный на месте, где находилось аббатство Курси — на холме Даун-Хилл, имевшем важное стратегическое значение. Здание построено в конце XVIII века, хотя в XX веке его сильно изменили. Могила святого Патрика находится на дороге на Стрэнгфорд, а колодец святого — на дороге на Ардгласс. Все это еще крепче связывает город со святым Патриком.

Дерри (Лондондерри)

В 546 году святой Колумба основал там монастырь. Современная история города началась с колонизации при Якове I, который назвал его по-английски Doire, что означает «дубовый лес». В 1613 году его переименовали в Лондондерри, и лондонским компаниям дали земельные угодья на окружающих город территориях. Затем последовала знаменитая осада 1689 года, положившая начало ирландскому протестантизму.

Сохранились старинные стены Дерри, над крепостными воротами возвышается пушка. Собор Святого Колумбы появился в 1633 году, перед ним лежит пушечное ядро, которым в 1689 году выстрелила осаждавшая город армия Якова II. Остались и другие реликвии той осады, их можно увидеть в здании капитула. Более бесстрашные

могут проникнуть в квартал протестантов и католический Богсайд и посмотреть граффити, рассказывающие о столкновениях юнионистов и республиканцев.

Иннискиллен (Ферманах)

Здесь можно видеть весьма внушительные руины здания XVII века, построенного на месте замка Магуайр. В то время появился и Уотергейт (Водные ворота), в нем размещается музей графства Ферманах. Знаменитая Королевская школа Портора, основанная в 1608 году, переехала сюда в 1777 году, а рядом с городом находится замок Кул, родовое гнездо графов Белмор.

Каррикфергус (Антрим)

Здесь есть англо-норманнский замок, построенный в 1180 году. Он выдержал множество осад, первая произошла в 1315 году. Эдуарду Брюсу пришлось осаждать его целый год. Французы ненадолго захватили замок в 1760 году. В здании расположен музей кавалерийского полка. В этих стенах прошло также детство драматурга Уильяма Конгрива. Центр Эндрю Джексона пытается — не слишком успешно — утвердить связь между городом и этим американским президентом (1829-1837): родители Джексона эмигрировали из

Каррикфергуса в США в 1765 году.

Киллили (Даун)

В XII веке на этом месте стоял англо-норманнский замок де Курси. В XIX веке его перестроила семья Гамильтона.

Кушенден (Антрим)

Был спроектирован архитектором Клодом Уильямсом-Эллисом, построившим английскую курортную деревню Портмейрион, однако он не может сравниться со своей валлийской «кузиной». Предполагается, что здесь находится могила легендарного Оссиана, сына не менее легендарного Финна Мак Кумайла.

Лиснаски (Ферманах)

Замок Белфур — один из лучших образцов «колониальных замков». Он защищал английских и шотландских поселенцев от коренных ирландцев. В городе сохранился зерновой рынок XIX века.

Лонгхолл, деревня (Арма)

Замечательна тем, что в 1795 году здесь был учрежден орден оранжистов. В музее оранжистов собраны экспонаты, имеющие отношение к ордену.

Лондондерри — см. Дерри.

Мониэ, замок (Ферманах)

Построен в 1618 году, еще один из «колониальных замков».

Моун Стюарт, особняк

Возле Ньютаунардса (Даун). В этом доме жили маркизы Лондондерри, один из которых, виконт Каслри (Кэстльри), был выдающимся английским и ирландским государственным деятелем, министром иностранных дел Британии (1812-1822). Связь дома с международной дипломатией подчеркивают исторические стулья, на которых в 1815 году на Венском конгрессе сиживали герцог Веллингтонский и французский дипломат Талейран.

Наван, форт (Арма)

Несколько столетий был северным соперником холма Тара, возможно, как Эмайн Маха, столица легендарной Ирландии и центр власти королей Ольстера. Хотя сейчас, кроме земляного холма, вы ничего не увидите, недавние раскопки подтвердили подлинность этого места: здесь обнаружили следы человеческой деятельности за 2000 лет до н. э., а также круглый дом, датированный 400 годом до н. э.

Нендрум, монастырь (Даун)

Сюда стоит заглянуть, хотя древняя круглая башня, церковь и школа лежат в руинах.

Ольстерско-американский фольклорный парк (Тирон)

Примерно в 5 милях от Омы, прослеживает историю первых ольстерских эмигрантов в США. Музей экспонирует артефакты, связанные с американской войной за независимость.

Ома (Тирон)

Исторические ассоциации с кланом О'Нейлов у этого места давно исчезли. Все, что сегодня оно может предложить, — здание суда, построенное в XVIII веке, и католическую церковь Святого Сердца.

Ратлин, остров (Антрим)

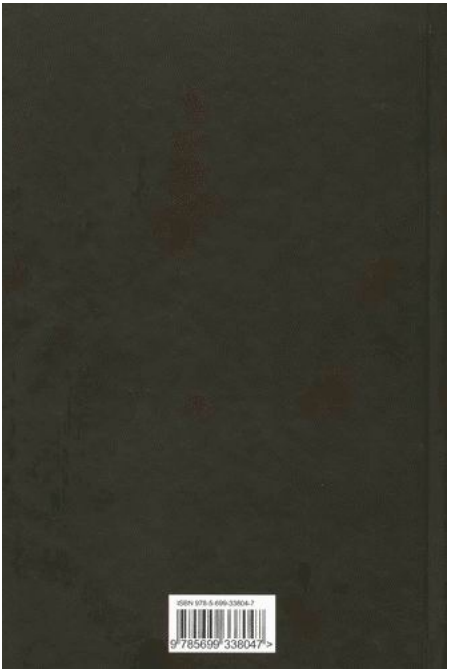
Находится в 6 милях от берега, у него интересная история, начинающаяся с того, что викинги атаковали его первым в Ирландии (795). Те, кто увлекается легендами, наверняка захотят увидеть пещеру Брюса, где Роберт Брюс якобы увидел знаменитого паука, вдохновившего его на подвиги. Брюс вернулся в Шотландию ив 1314 году победил англичан в битве при Бэннокберне.

Торр-Хед (Антрим)

Находится в 13 милях от шотландского берега. Говорят, что в XVII веке местные пресвитериане на лодках переправлялись туда на воскресную службу, поскольку ирландские штрафные законы не разрешали им молиться дома.

Туллаходж, форт (Тирон)

Находится за Кукстауном. Здесь происходила инаугурация главы клана О'Нейлов. Можно увидеть земляные сооружения древних христиан.


ISBN 978-5-699-33804-7